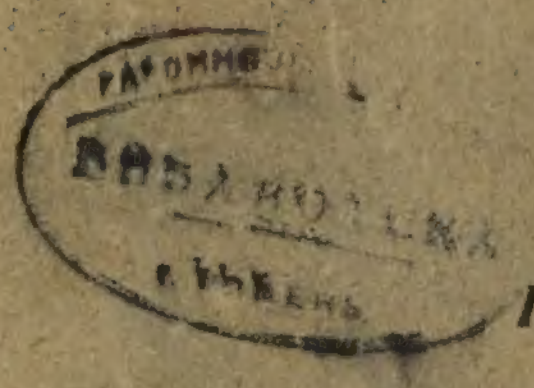
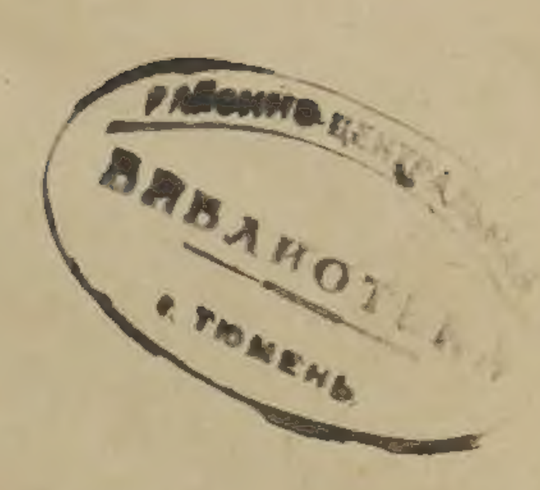
Каторга и Ссылка

1

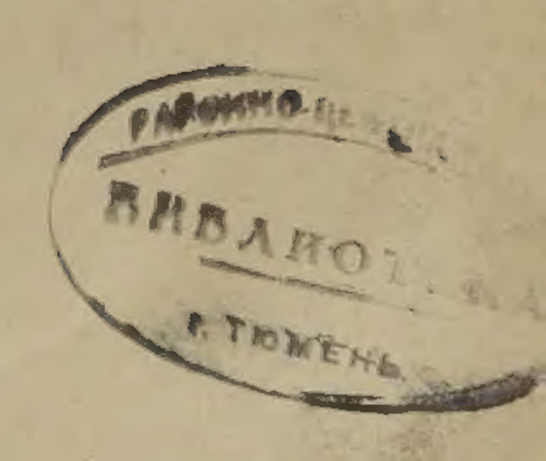

1935

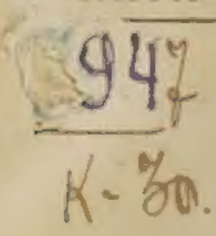
Издательство
Политкаторжан

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
КАТОРЖАН

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

КАТОРГА И ССЫЛКА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ВЕСТНИК

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И. А. ТЕОДОРОВИЧА

КНИГА 1 (116)

МОСКВА
1935

СОДЕРЖАНИЕ

Отв. редактор А. И. Теодорович — Техн. редактор М. Масляненко

Номер сдан в производство 15/II 1935 г. Подписано к печати 9/IV 1935 г. Зак. тип. 801. Зак. изд. № 8. Формат бумаги 72×105, 1/16 доля листа. В п. л. 57 600 зн. В номере 12 печ. л. Уполн. Главлита Б 2802. Тираж 5000 экз.

Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18

Г. Лурье

Отклики 9 января в ссылке[1]

Живо встает в памяти:

Тюрьма политическая, стеной отгороженная от шумной Александровской пересыльной. Крепкий сибирский мороз. 12 января 1905 г.

На кухне дежурные готовят обед. Кто-то колет дрова. В тюрьме-бараке занимаются в одиночку и кружками, играют в шахматы, пишут письма. Кое-кто, наперекор морозу и ветру, гуляет по двору.

И вдруг — у калитки бурное перекатывающееся «ура». Теплов, пришедший к нам на свидание из больницы, окружен толпой «романовцев», выбежавших из барака, из кухни; тут же и растерявшийся надзиратель с ключами.

«В Питере баррикады... Рабочие шли к царю... Много убитых и раненых». — Теплов принес эти вести.

Что же дальше? Что там теперь? Что нам остается делать? Сидеть в бараке, готовить на кухне обед и ждать дальнейших известий о растущем в стране восстании или о подавлении его.

Еще и еще раз перечитывают принесенные телеграммы. Товарищи, знающие Петербург, пытаются по отрывочным сведениям восстановить движение масс по улицам столицы. События облекаются в плоть и кровь, мы болезненно, ярко ощущаем волнение масс там, за тысячами верст, слышим топот казацких коней, видим падающие трупы, воздвигаемые баррикады.

А кругом нас — забор, надзиратели с ключами, часовые с ружьями и бесконечная, бесконечная даль.

И руки сжимаются от бессилья и волнения...

Нечто подобное должны были испытать и товарищи, находившиеся в ссылке, особенно в медвежьих уголках, в тюрьмах без решеток». Вот один из этих уголков, далеко не худший среди них, «город» Повенец, Олонецкой губ., о котором говорилось: «Повенец, здесь и миру конец». Сейчас мимо него проходит Беломорско-Балтийский канал, а тогда, лет тридцать тому назад, это был захолустный северный городишко с населением около тысячи человек. Ближайшая от города деревня была на расстоянии 16 верст, а город был окружен глухим северным лесом. И в этом городишке ютилось в 1903—1904 годах около 50 ссыльных[2].

К началу 1905 года население этой колонии, как и многих других ссыльных колоний, повидимому, поредело; манифест 1904 года по поводу «рождения наследника Алексея» и «либеральные» заигрывания

---

[1] Настоящий очерк не претендует на полноту; исчерпывающая разработка этой темы станет возможной лишь после выявления архивных материалов по ссылке, которое только теперь производится при участии ЦБ НИИС О-ва политкаторжан.

[2] В. Клишко. «М. И. Калинин в Олонецкой ссылке», Петрозаводск, «Кирья», 1932 г., стр. 5.

Святополк-Мирского вернули из ссылки несовершеннолетних [1] и часть других ссыльных за сокращением сроков. Но если повенецкая колония стала меньше числом, то от этого положение оставшихся не стало отраднее.

И вот в эту глушь приходит весть о 9-м января. Ссыльные решают хоть как-нибудь откликнуться. Впрочем, предоставим слово повенецкому уездному исправнику [2].

«Состоящие под надзором полиции в г. Повенце политические ссыльные: Александр Леонов [3], Яков Зайцев, Александр Аристов [4] Иван Ликша, Михаил Калинин [5], Иосиф Правдин [6] и Афанасий Иванов подвязали к рукавам своей верхней одежды черные с красным просветом ленты. На вопрос полицейского надзирателя ответили, что это у них имеет значение траура по погибшим в Порт-Артуре воинам [7]. На предложение снять ленты ссыльные отказались, а потому полицейский надзиратель составил протокол, который и препровожден земскому начальнику 1 уч. Повенецкого уезда для привлечения упомянутых лиц к ответственности по 29 ст. уст. о нак. [8].

«О вышеизложенном считаю долгом донести вашему превосходительству и присовокупить, что других каких-либо демонстративных проявлений со стороны ссыльных до настоящего времени замечено не было».

Губернатор уведомил об этом происшествии и губернское жандармское управление и департамент полиции, но в архиве губернатора

---

[1] Удельный вес несовершеннолетних в ссылке накануне 1905 года значительно повысился. Так, например, среди прибывших в Архангельскую ссылку в 1904 году лиц в возрасте до 20 лет включительно насчитывалось свыше 15%; в 1903 году они составляли лишь 6%, а в 1902 году таких молодых совсем не было. См. «Материалы политической ссылки в Архангельской губ. за период 1897—1904 гг.» в сборнике «1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии» (Архангельск, 1905 г., стр. 74—77).

[2] Рапорт исправника олонецкому губернатору от 17 января 1905 года; цитируем по статье П. Буткевича — «М. И. Калинин в Олонецкой ссылке», в сборнике «1905 год в Карелии», Петрозаводск, 1926 г., стр. 142—143.

[3] Александр Григорьевич Леонов был и до того на плохом счету у властей: еще в 1904 году губернатор Протасьев занес его в число девяти наиболее подозрительных ссыльных, чья переписка должна подвергаться надзору. (Там же, страницы 117—118.—Все примечания к официальным актам сделаны мною.—*Г. Л.*).

[4] Токарь по металлу, с.-д.

[5] М. И. Калинин, наш всесоюзный староста, находился в ссылке в Олонецкой губ. с 27 апреля 1904 года. В этот день он был доставлен этапным порядком в Петрозаводск и содержался здесь в тюрьме, пока не был отправлен этапным же порядком в г. Повенец. 16 мая он прибыл в Повенец и оттуда отправлен на жительство в сел. Мяндусельгу, той же волости. Ввиду того, что здесь М. И. Калинин не мог найти никакой работы, а от казны он пособия не получал, его перевели 24 июня в гор. Повенец, где он, впрочем, за весь июль заработал 1 руб. 20 к. На прошении М. И. Калинина о переводе его в другой город Олонецкой губ. губернатор наложил резолюцию: «Отказать», несмотря на поддержку ходатайства исправником и на подтверждение им, что в Повенце М. И. «заработать что-либо себе на пропитание не может». О пребывании М. И. в Олонецкой губ. найдено в архиве 2-го стола канцелярии олонецкого губернатора дело № 251, охватывающее период с 20 марта 1904 года по 18 ноября 1905 г. М. И. Калинин упоминается также в деле № 131 за 1905 г. См. цитированную выше статью П. Буткевича, стр. 135—146.

[6] Прибыл в ссылку вместе с М. И. Калининым; в партийных кругах был известен под псевдонимом «Вадим».

[7] Повидимому, это была насмешка над пристававшим надзирателем.

[8] «За неисполнение законных распоряжений, требований или постановлений правительственных и полицейских властей, а равно земских и общественных учреждений, когда сим Уставом не определено за то иного наказания, виновные подвергаются: денежному взысканию не свыше пятидесяти рублей».

нет ответа департамента: более крупные события, повидимому, отвлекли внимание петербургских чиновников от повенецких событий.

Повенец открыл «кампанию», Пудож продолжал, впрочем, повидимому, по собственной инициативе и, может быть, даже не зная еще о событиях в Повенце[1]. Немногочисленная колония пудожских ссыльных состояла преимущественно из социал-демократов; тут были и рабочие, и интеллигенты, а также один шестидесятилетний крестьянин из Тамбовской губ. Колония находилась в постоянных сношениях с центрами страны, в частности с Петербургом. Еще в январе она получила подробные сведения о петербургских событиях. Устроили собрание, стали думать, как реагировать. Кое-кто предложил устроить демонстративное шествие по городу Пудожу. Но слишком мало было для этого ссыльных, а больше не на кого было рассчитывать. Остановились на мысли о длительном, шестинедельном ношении траура. Об осуществлении этого решения мы читаем в большевистской газете «Вперед» следующее[2].

«С 25 января пудожские политссыльные стали выходить на улицу, имея на левых рукавах красные каймы в знак траура по убитым 9-го января. Первым вышел Андреев[3]. Квартальный хотел силой сорвать повязку, но оказался слабее Андреева. На помощь поспешил исправник и еще какие-то лица (?); повязка была сорвана, Андреев арестован. Некоторых других вызвали в полицию и там срезали повязку. Через несколько дней тов. Гульбинский[4] подвергся из-за повязки нападению какого-то зипунного обывателя. Затем полиция и жандармы угрожали ссыльным лишить их пособия и «разослать по самым глухим и отдаленным деревням, где народ с ними расправится». Против поведения пудожской полиции подали письменный протест началь-

---

[1] Таковы воспоминания И. В. Гульбинского, сообщенные мне. За это говорит также то обстоятельство, что приведенная ниже корреспонденция в газете «Вперед» ни словом не упоминает о повенецкой демонстрации.

[2] № 9, стр. 19 (139), «Из Олонецкой губ.». По предположению Н. В. Хрисанфова (ст. «Олонецкая ссылка в 1905 г.» в сборнике: «1905 г. в Карелии», стр. 126), корреспонденция эта принадлежит перу Клавдии Алексеевны Бороздиной-Гульбинской, участницы этих событий. (Тов. Бороздина-Гульбинская подтвердила мне правильность этого предположения). Клавдия Алексеевна, слушательница Высших женских курсов в Петербурге, была привлечена в 1902 году вместе со своим отцом Алексеем Евтроповичем по делу с.-д. кружка «Вперед» и вместе с отцом выслана на 3 года в Олонецкую губ. Здесь их расселили по разным местам. К. А. была водворена в с. Шульгу, Повенецкого уезда. 12 июня 1904 года повенецкий исправник сообщил, что им установлена ее связь с Петербургским комитетом РСДРП, от которого она получила разные воззвания, в том числе воззвание о якутском («романовском») протесте. Исправник донес также, что она разослала некоторым политическим ссыльным других колоний анкеты по обследованию условий их жизни. Встревоженный губернатор запросил даже начальника жандармского управления о том, не перевести ли Бороздину в другое место ввиду того, что она «в месте ссылки принимает очень деятельное участие в противоправительственном движении». Жандармский начальник, однако, резонно указал, что переписку с единомышленниками она будет вести и на новом месте. В октябре 1904 года она была водворена в город Пудож и осталась здесь до конца срока. Упомянутый Н. В. Хрисанфов пишет: «есть некоторые основания предполагать, что она посылала корреспонденции из жизни Олонецкой ссылки в центральные большевистские газеты «Вперед» и «Пролетарий». (Там же, стр. 125. В газете «Вперед», кроме приведенной в тексте корреспонденции, напечатаны в № 17 заметки: «Олонецкая губ.» и «Среди крестьян»; в газете «Пролетарий» № 3 напечатана корреспонденция «Олонецкая губ.»).

[3] Игнатий Владиславович; впоследствии известный библиолог и библиограф «Владиславлев И. В.»; см. Большую советскую энциклопедию, том II, стр. 62.

[4] Металлист из Ленинграда, социал-демократ; сообщение И. В. Гульбинского. — Все примечания к корреспонденции сделаны мною. — *Г. Л.*

ству политссыльные городов: 1) Пудожа: Семен Власов[1], Клавдия Гульбинская, Игнатий Гульбинский, Ник. Попович, Ник. Пошигорев[2], Ник. Саввин[3], Ник. Шатобарев[4] и Семен Шепелев[5], 2) Вытегры: А. Абкин[6], Я. Берзин[7], В. Кугушев[8], А. Лаптев, И. Попов; 3) Лодейного Поля: Ник. Алексеев[9], Як. Першин; 4) Олонца: Б. Веселовский[10], С. Петрашкевич, А. Готовицкий».

К этой корреспонденции мы располагаем двумя дополнениями, которые, однако, несколько расходятся между собою. В. Н. Хрисанфов в сборнике: «1905 год в Карелии», стр. 127—129, добавляет следующие детали:

Пудожские ссыльные выбрали для своей демонстрации тот момент, когда в городе находился проездом жандармский полковник Шафалович. Андреев был арестован по его приказу. 1 февраля Шафалович постановил освободить Андреева, а дознание продолжало производиться до 2 марта, и, наконец, дело было оставлено без последствий.

Повязки были сняты насильно полицией, кроме Андреева, еще с двух товарищей: Пошигорева и Саввина.

26 января политические ссыльные города Пудожа были вызваны в полицию для объяснений; они все подали исправнику следующее заявление[11]:

«По жертвам (простирающим [?] до 4 600 чел. убитых и раненых), павшим в Петербурге в знаменательный день 9-го января с. г., мы, политические ссыльные гор. Пудожа, решили надеть глубокий траур, заменив обычную в таком случае белую кайму каймой красной.

«Сегодня[12], 25 января, местная полиция по отношению к трем из

---

[1] Слесарь из Самары; сообщение И. В. Гульбинского.

[2] Упомянутый выше крестьянин из Тамбовской губ., склонялся к партии с.-р.; сообщение И. В. Гульбинского.

[3] Николай Дмитриевич Саввин еще в 1904 году попал в список девяти наиболее подозрительных ссыльных, чья переписка была отдана губернатором «под надзор».

[4] Закавказский социал-демократ; сообщение И. В. Гульбинского.

[5] Плотник из Саратова; сообщение И. В. Гульбинского.

[6] Александр Тимофеевич Абкин, бывший вольнослушатель Московского университета, член ярославской с.-д. организации в начале 1902 года; в 1903 году сослан в Олонецкую губ. на 3 года, поселен в городе Вытегре и пробыл здесь до 1905 года включительно.

[7] Ян Антонович Берзин, бывший сельский учитель, член с.-д. Латвии с 1902 года. В 1904 году арестован и выслан в Олонецкую губ., в город Вытегру. Бежал из ссылки 27 июля 1905 года. См. о нем в Большой советской энциклопедии и в Био-библиографическом словаре, изд. О-ва политкаторжан, том V, выпуск 1.

[8] Вячеслав Александрович; в 1904 году включен в упомянутый выше список девяти. См. о нем в сб. «1905 год в Карелии», стр. 121—124.

[9] Николай Васильевич Алексеев, слесарь, активный член с.-д. кружков в Казани в 1899—1901 гг., в 1904 году сослан в Олонецкую губ. на 4 года.

[10] Веселовский Борис Борисович, литератор, член Московского комитета РСДРП в конце 1901 и начале 1902 гг.; летом 1903 года сослан в Олонецкую губ. на 3 года, где находился сначала в Петрозаводске, а затем в Олонце. Находясь в ссылке, печатал статьи в «Саратовской земской неделе». В 1904 году попал в проскрипционный список девяти. Летом 1905 года вернулся в Петербург.

[11] Цитирую по сборнику: «1905 год в Карелии», стр. 127—128; Н. В. Хрисанфов использовал в своей статье специальное дело о пудожских событиях из архива канцелярии губернатора. Примечания к этому документу сделаны мною.—*Г. Л.*

[12] Заявление подано, согласно Н. В. Хрисанфову, 26 января; авторы его пишут: «Сегодня 25 января». Очевидно, оно было составлено 25-го, непосредственно после событий, а подано позже.

наших товарищей, появившихся на улице с трауром раньше других[1], употребила насильственные меры, сорвав, вопреки их желанию, траур.

«Ввиду того, что нами принято твердое решение носить вышеозначенный траур в течение шести недель, считая с 9-го января 1905 года, мы должны заявить, что меры, принятые сегодня полицией, не говоря об их незаконности, не достигнут цели заставить нас снять траур, так как вместо сорванного траура будет надет новый. Вам известно, что до сих пор между местной полицией и нами никаких столкновений не происходило, так как полиция держала себя корректно и поводов к конфликтам не подавала.

«Мы в свою очередь не подавали повода к тому, чтобы отношения наши выходили из рамок строгой законности. Если поступки наши находят незаконными, то мы считаем своим правом требовать, чтобы они рассматривались судом.

«Против же всякого произвола мы всегда протестовали и будем протестовать, всяким мерам насилия мы вынуждены будем противопоставить самый решительный отпор, и ответственность за все могущие произойти осложнения возлагаем на тех, которые вызовут нас на это».

Н. В. Гульбинский в своем сообщении автору настоящей статьи подтверждает в общем изложенные здесь детали и в частности рассказывает, что попытки полиции сорвать траур, действительно, не достигли цели: вместо сорванных повязок немедленно были надеты вновь новые, и ссыльные продолжали их носить в течение шести недель, вызывая сочувствие одних и бешеную злобу других.

По словам Н. В. Гульбинского, демонстрация не была приурочена к моменту пребывания в Пудоже жандармского полковника. Наоборот, приезд последнего в столь неурочное время (железной дороги тогда не было между Петрозаводском и Пудожем и ехать приходилось на лошадях, а время было зимнее) был вызван дошедшими в Петрозаводск сведениями о пудожских событиях и о столкновениях с властями. Ссыльные были приглашены жандармским полковником, по его приезде, в полицию вечером, но они решили явиться лишь на другой день утром. Шли они в полицию «скопом» и с повязками на руках, повторив таким образом траурную демонстрацию.

Присоединение других колоний Олонецкой губ. к протесту пудожских ссыльных, о котором сообщается в газете «Вперед», произошло, согласно воспоминаниям Н. В. Гульбинского, не без инициативы пудожан: они разослали сообщения во все колонии и призывали их к протесту. Кроме перечисленных в газете «Вперед» колоний, заявления протеста поступили еще от следующих ссыльных:

Из Вознесения: Кольцов, Лесин, Пиш; из Повенца: Аристов, Венс[2], Зайцев, Кусмерчик, Леонов, Ликша, Николаев Чир-

---

[1] Подчеркивая, что те появились «раньше других», авторы, по-видимому, хотели отметить единодушие всей группы в отношении ношения траура и случайность того обстоятельства, что только трое оказались на глазах полиции с траурными повязками.

[2] Венс, Зайцев, Леонов, Ликша упоминаются в донесении повенецкого исправника о демонстративных проводах М. И. Калинина и Правдина, которые выбыли 18 января из Повенца в Тверскую губ. Этим отъездом М. И. Калинина и Правдина объясняется то, что мы не находим их подписей под протестом повенецких ссыльных, но неизвестно, почему нет подписей Иванова и Козловского, которые участвовали в демонстративных проводах уезжавших товарищей в Повенце.

кин; **из Каргополя:** Калинкин, Осецкий, Петров, Прудков, Стенюхин; **из Мегреге Олонецкого уезда:** Пучков.

Время было бурное, по всей стране прокатилась волна отзвуков 9-го января, в самой ссылке тоже бурлило, в Сибири сам граф Кутайсов увидел себя вынужденным отступить «на заранее подготовленные позиции». Реакционный по существу олонецкий губернатор Протасьев также «счел за благо», перед лицом организованного общего выступления Олонецкой ссылки, предписать местным властям «не допускать каких-либо некорректностей», а привлекать ссыльных за единичные выступления в порядке 29 ст. уст. о наказаниях через земских начальников, а в случае выступления ссыльных «скопом или толпой»— доводить до сведения начальника губернского жандармского управления.

Пудожские ссыльные действительно были привлечены по 29 ст., и они попытались превратить суд над ними в демонстрацию против произвола властей. Они требовали на суде, чтобы им было указано, какой статьей закона запрещается носить траур, хотя бы по жертвам 9-го января и хотя бы в виде красных повязок. Беспомощность судьи и выступления подсудимых, еще больше подчеркивавшие эту беспомощность, вызывали хохот жителей Пудожа, наполнивших судебное помещение. Ссыльным, конечно, был вынесен обвинительный приговор. Они перенесли дело во вторую инстанцию, а некоторые из них — даже в третью. Таким образом И. В Гульбинскому, например, пришлось отбыть наказание по пудожскому делу по приговору 3-й инстанции уже в марте 1906 года в Киеве, где он жил после ссылки [1].

Однако выступления олонецких ссыльных в 1905 году получили, наконец, в марте более печальное завершение. Мы видели выше, что еще во время пудожских событий полиция и жандармерия грозили ссыльным «народной расправой». В некоторых заявлениях-протестах ссыльных по поводу пудожских событий высказывалась мысль о полной бесполезности этих угроз, так как население относилось к ссыльным доброжелательно.

Ссыльные, однако, упустили из виду, что для приведения в исполнение этой угрозы совсем не обязательно наличие недоброжелательного отношения населения. Власти уже давно научились инсценировать народное возмущение, когда это им нужно было. Ссыльные в этом скоро убедились, о чем нам сообщает следующая корреспонденция в № 17 газеты «Вперед»:

«Олонецкая губ. Столкновения между полицией и политическими ссыльными продолжаются, принимая все более и более серьезный характер. Эхо «высочайшего призыва к искоренению крамолы «всякими мерами», долетев до губернии, было понято здесь весьма недвусмысленно. Манифест от 18-го февраля растолковывался уездной полиции самим губернатором (большим охотником, кстати сказать, рядиться в либеральные перья). 15 марта в г. Каргополе произошло и первое применение манифеста.

В этот день все восемь политических ссыльных Каргополя были вызваны для некоторых объяснений в местное полицейское управление. Здесь они встретили только что возвращенного из побега и пригнанного этапом товарища Коррендорфа[2]. Последний, узнав о пред-

[1] Детали о суде даны по устному сообщению И. В. Гульбинского.

[2] Об этом ссыльном подробно сообщается в сборнике «1905 год в Карелии», где он именуется Коррендорфом Адольфом Федоровичем (стр. 118—121). К. проявил себя в ссылке заядлым бунтарем: он отказался от ежедневной явки на поверку

стоящей ему высылке в деревню, ехать туда наотрез отказался. Товарищи, испытавшие на себе прелести жизни в олонецкой деревне, тут же поддержали его решение. Ввиду полной расшатанности здоровья Коррендорфа, они просили исправника оставить товарища в Каргополе хотя временно, впредь до получения ответа от губернатора. Вместо ответа на просьбу исправник (пьяный) закричал: «Вы кто такие? Вон отсюда. Вот я вам покажу. Я с вами расправлюсь!» Протесты политиков вызвали новую брань и приказание привести понятых. Явились «понятые», человек до двадцати крестьян, один из них с длинной веревкой. Подали лошадей. Понятые, по команде исправника — «тащи его!» — схватили Коррендорфа. Началась свалка. Коррендорфа немилосердно мяли, били, рвали на клочья его костюм, пока, наконец, истерзанного, в одном рваном пиджаке и рубашке, без шапки, не бросили в сани. Часть понятых и полицейских меж тем атаковали ссыльных, последних били по чем попало, душили... На крики прибежали обыватели, большая толпа торговцев из соседнего гостиного ряда. Часть их, при криках исправника — «бей их, подлецов», — бросилась помогать полиции. Коррендорф, бившийся в санях с двумя полицейскими, истерзанный и без верхней одежды, был увезен в деревню. Политики остались на месте окровавленные, с разбитыми лицами: у одного из них сильно помято горло и исцарапана шея...

Эта возмутительная расправа, совершенная «на основании точного смысла манифеста от 18 февраля», вызвала энергичный протест со стороны всех ссыльных губернии».

Каргопольского избиения нельзя поставить в непосредственную связь с событиями 9-го января: оно явилось ответом властей на ряд выступлений олонецких ссыльных, в том числе и на красные повязки повенецких и пудожских ссыльных. Непосредственным поводом к избиению ссыльных послужили события 9-го января в другом месте, в Пинеге Архангельской губ.

Во «Всеподданнейших еженедельных записках» за 1905 год мы находим следующее сообщение: «Днем 14 февраля в гор. Пинеге Архангельской губ. между крестьянами и водворенными в названном городе политическими ссыльными произошла драка, во время которой один из ссыльных Иосиф Закржевский[1] опасно ранил ножом в живот

в полицию, не встал во время любительского спектакля при пении «Боже, царя храни», высказывал, повидимому, антирелигиозные взгляды и заводил знакомства с местными жителями города Олонца, куда он первоначально попал. Он, разумеется, был включен в проскрипционный список девяти; 1 февраля 1904 года его перевели на жительство в один из самых глухих углов губернии, в Ругозеро Повенецкого уезда. Тут он однажды направился на сельский сход и был оттуда грубо удален полицией; его жалоба губернатору на действия полиции, разумеется, была оставлена без последствий. Исправник добивался перевода Коррендорфа в другое место ввиду его «вредного» влияния на других ссыльных, выразившегося в отправке К. одному ссыльному копии с воззвания Петербургского комитета РСДРП и группы якутских ссыльных (в мае 1904 года) и т. д. Однако 21 июня 1904 года К. бежал из Олонецкой ссылки. 2 июля его задержали в Вильне, доставили в Олонецкую губ. и водворили в деревню Куганаволок Пудожского уезда. 5 января 1905 года он снова бежал, его поймали в メecaбoprcкой губ. и вернули в Олонецкую ссылку; к этому времени, повидимому, относится столкновение в Каргополе, о котором говорится в тексте.

[1] Иосиф (Осип) Закржевский подписал в январе 1905 г. коллективный протест политических ссыльных против действий архангельского губернатора, см. дело департамента полиции, V делопроизводство, 1904 г., № 139, ч. 7.

крестьянина Василия Раввина. По делу производится предварительное следствие»[1].

Как будто здесь речь идет о драке, совсем не связанной с 9-м январем. Но вот в позднейших еженедельных записках за март 1905 года мы встречаемся уже с новым освещением этих событий[2]:

«13-го февраля в гор. Пинеге Архангельской губернии были расклеены и разбросаны по городу и на лесопильном заводе прокламации по поводу событий в Санкт-Петербурге 9 января. На другой день четверо политических ссыльных, проходя мимо названного завода, обратились к рабочим с вопросом: не забастовка ли у них. Последние, заподозрив ссыльных в расклейке у них на заводе прокламаций, намеревались их избить; ссыльные бросились бежать, причем один из них, Моргенштейн, произвел три выстрела из револьвера, ранив неопасно троих рабочих. Разыскивая убежавших, рабочие встретили двух других политических ссыльных, которых и избили. Один из последних, защищаясь, нанес рабочему кинжалом смертельную рану в живот. Ввиду обнаруженного в гор. Пинеге сильного раздражения против политических ссыльных как со стороны рабочих завода, так и вообще со стороны местного населения, ссыльные распоряжением губернатора отправлены в другие города и селения».

Губернатор «обнаружил» то раздражение, росту которого власти содействовали в течение долгого времени. В Архангельской губ. полиция уже давно вела злостную агитацию во многих местах против политических среди обывателей. Особенно усилилась эта травля после объявления войны в 1904 году и первых неудач самодержавных генералов. Полицейские и жандармы объясняли крестьянам все поражения «предательством внутренних врагов». В Пинеге, Холмогорах и Шенкурске положение политических стало критическим: пинежские домохозяева отказали жившим у них ссыльным в квартирах (впрочем, от квартирной платы обыватели отказались, конечно, не из политических соображений, а из боязни перед полицией); в Холмогорах воинская команда не раз грозила избить политиков, беспощадно ругая их при встрече на улицах, в Шенкурске усилия полицейских агитаторов увенчались успехом: еще летом 1904 г. здесь произошло гнусное избиение политических ссыльных чинами местной воинской команды, побужденными к этому начальником гарнизона.

В феврале 1905 года, как мы видели, очередь дошла до Пинеги. В этом маленьком городке, где было всего 124 жилых дома и меньше 1000 жителей, колония ссыльных разрослась в середине 1904 г. до 40—45 чел. В колонии преобладали рабочие; было также человек пять крестьян, высланных из Саратовской губ. за разгромы помещичьих усадеб. В Пинеге некоторые ссыльные организовали «революционный комитет», который время от времени распространял в городе и по окрестным селам агитационные листки за подписью «группы ссыльных». Одна из этих прокламаций была обращена к запасным и говорила против войны. Была также выпущена прокламация на тему: «Кто такие политические и за что их гонят в ссылку».

Эта прокламация должна была служить противоядием против клеветы, распространявшейся о ссыльных полицией и их усердным помощником попом Александром, который в своих проповедях много распространялся о внутренних врагах, мстя ссыльным за то, что они

[1] «Всеподданнейшие [illegible]ельные записки», 1905 год, I, стр. 63.
[2] Там же, стр. 92.

[illegible] уезда начало меняться настроение:

[illegible] России».

[illegible]

[illegible] действовала.

[illegible] февраля произошел пинежский погром. О нем мы находим воспоминания ссыльного Д. Розова[2]:

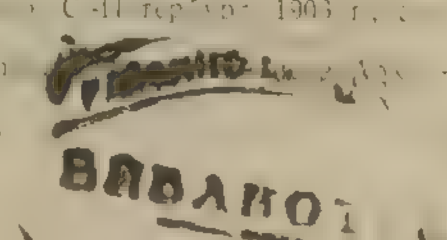
«[illegible] придавали этому большого значения».

[illegible] Сапатанов, учитель Новгородской [illegible], и Маргинштейн[3] пошли меня встречать. Только они поравнялись с толпой, [illegible] с ругательством набросилась на них. Сапатанова сбила с ног, а Маргинштейн выстрелил из «Бульдога» (револьвер мал. калибра). Толпа опешила, и Сапатанов и Маргинштейн, воспользовавшись этим, убежали и спрятались у дома податного инспектора. Пьяная толпа стала искать [illegible]. В этот момент шли обедать ссыльные Ф. Гриднев из Баку, Кубатович и Закржевский — из Варшавы. Толпа набросилась на них. Гриднев и Кубатович сумели удрать, а тов. Закржевскому пришлось защищаться, в результате тов. Закржевский 2 человек отправил к праотцам, и его побили основательно. Вечером разнесся слух, что в будущее воскресенье хотят поколотить всех политических ссыльных. Жители гор. Пинеги

[1] См. «Архангельскую ссылку» [illegible] С.-Петербург 1906 г., с. 132–133, 181 и 238–246.

[2] См. «Пинежская ссылка» в сб. «1905 год. Револ[illegible] губернии».

[3] В другом месте автор пишет: «Моргинштейн».

[illegible] направленных на нас купцом — заводчиком Володиным.

[illegible] Гриднев и я — в Онежский уезд в Посадное».

О тех же пинежских событиях мы читаем несколько иное изло- [illegible] хангельской губ.»[1]:

[illegible] 13 человек)»[2].

[illegible] этот счет.

[illegible]

[1] Ст. «Наброски ссылки», стр. 81.

[2] Приведем еще одно место из цитируемого сборника (стр. 110), характеризующее настроение ссылки после 9-го января. Речь идет о селе Емецком Холмогорского уезда:

«Первые признаки этой «весны», — пишет в своих воспоминаниях ссыльный В. Т., — мы почувствовали в январе 1905 года, когда начала приходить газета «Наша жизнь» проф. Ходского. В газете, в сообщениях о ряде фактов, почуялось назревающее изменение политических условий. И вдруг неожиданно: номер [illegible] этих собраниях, требования рабочих, Гапон и трагический конец гапониады, все это взбудоражило нас, и если до того времени мы жили относительно спокойно, относительно спокойно ожидали конца своей высылки, то с получением этих известий для нас сразу стало ясным, насколько тяжело сидеть в таком болоте, как село Емецкое, когда в центрах жизнь закипела ключом».

[illegible] того времени «Эрэм» (Р. Г. Мицкун, был в ссылке в с. Тунке Иркутской губ.) в [illegible] ние всем своим видом, разгоряченными лицами и пением, которое то и дело сменяется глубоким молчанием и размышлением.

«Мы рассказываем о причине своего поведения, кому только можно, но не встречаем того сочувствия, которого мы так страстно ищем.

«И из глубин души все выше подымаются волны страстного желания — [illegible] великое поле битвы, слиться воедино с теми бесстрашными борцами, которые противоставили дулам пушек и ружей, дышащим смертью, свою грудь и безоружные руки.

«И не у одного из нас пробудилась в те минуты мысль — бежать».

[3] Том I, стр. 53.

ниям, подвергнуты обыску состоящие под надзором полиции Сергей Гарденин и Павел Грожан[1], причем в общей их квартире обнаружены преступные прокламации, тождественные с рассылавшимися по почте некоторым лицам в г. Лальске[2], и несколько конвертов с надписанными адресами. В момент прихода полиции в квартиру названных лиц Грожан встретил исправника с револьвером в руках, угрожая стрелять, если последний будет производить обыск в отсутствии товарища прокурора».

Уже время производства обыска указывает на связь найденных прокламаций с событиями 9-го января, об этом же говорит заглавие: «Воззвание священника Гапона к рабочим» (найдены еще прокламации: «Граждане» и «Ко всем», всего 17 экземпляров).

В тех же еженедельных записках за 1905 год мы читаем: «За последнее время на приисках Олекминского Иркутской губ. горного района было разбросано значительное количество гектографированных революционных воззваний к рабочим. Принятыми вследствие сего мерами было установлено, что изготовлением этих воззваний занимаются политические ссыльные, переведенные в последнее время из Якутской области в сел. Бодайбо, и горным исправником Петровым был произведен обыск на отдаленном прииске Крутом у заподозренных лиц: у управляющего материальной частью Залогина, привлекавшегося уже неоднократно к ответственности политического характера, его помощника Ульянова и приискового служащего Андреева; причем обыск у Залогина остался безрезультатным, а у Ульянова и Андреева[3] обнаружен гектограф со всеми принадлежностями. Оба названные лица заключены под стражу в Киренскую тюрьму. Расследование продолжается».

В данном случае можно говорить определенно лишь о связи деятельности ссыльных с революцией 1905 года вообще, но нельзя ее связать именно с 9-м января на основе имеющихся пока в нашем распоряжении материалов.

Наконец, отметим следующее сообщение из газеты «Искра» (1905 год, № 95, стр. 5): «15 февраля был обыск у Мирона Бродского (Николаевский комитет РСДРП 1900 г.), кончившего срок в декабре минувшего года. Найдены местные издания, заграничная литература,

---

[1] Гарденин и Грожан были социал-демократами. Сергей Федорович Гарденин был выслан в Вологодскую губ. на 3 года летом 1904 года и поселен в Великом Устюге. Там же поселен Павел Августович Грожан на 5 лет. Здесь они продолжали партийную работу, были в числе «руководителей пропаганды» в Устюжском уезде (из донесения жанд. полковника Астафьева департаменту полиции в 1905 г.; см. «Северную звезду», 1922 г., № 4, стр. 7) и организовали нелегальную типографию в Устюге. В ней было напечатано 5—6 прокламаций, написанных Гардениным. Последний и Грожан были привлечены по 126 ст., и дело о них было внесено в Московскую судебную палату, 27 мая Гарденин бежал из ссылки, а 24 июня бежал Грожан. См. М. Ольминский «Память погибших», II 1907, стр. 37—39, и дело департамента полиции, VII (IV) делопроизводство, 1905 г., №№ 776 и 776, чч. 1 и 2.

[2] Еще в политическом обзоре Вологодской губ. за 1903 год отмечается, что в губернии находится три наиболее значительные по количеству рабочих фабрики, в том числе одна в Устюжском уезде — Грибановская льнопрядильная мануфактура с 1600 рабочих, и другая в Лальске — писчебумажная фабрика Сумкина с 450 рабочих; см. дело департамента полиции, III делопроизводство, 1904 год, № 1, часть 34, лит. А.

[3] Повидимому, Гавриил Прокопьевич, о котором имеются сведения, что 28 марта 1905 г. он, совместно с Ульяновым, разбрасывал революционные воззвания на Весеннем, Федосьевском, Нижнем и Прокопьевском приисках; см. дело мин. юстиции, II департамент, 1905 г., № 19725.

гектографические чернила. Обыск вызван провалом посылки с революционными изданиями на имя Погоржельского в Иркутске. Бродскому предъявлено обвинение по 129 ст. Он арестован. От дачи показаний отказался. — В связи с этим обыском был обыск у Ст. Трусевича в Чурапче, найден какой-то листок к якутам»[1].

Все это может служить прекрасной иллюстрацией к докладной записке директора департамента полиции Лопухина, составленной им 25 декабря 1904 года и заканчивавшейся следующими словами:

«Озлобляя население, административная ссылка разбрасывала революционное движение по лицу земли русской, и в настоящее время уже известны случаи имевшей успех противоправительственной пропаганды в Якутской области и в Киргизской степи»[2].

[1] Такое же сообщение находим в «Последних известиях» 1905 г., № 227, стр. 7. См. [illegible] МЮ, [illegible], 1905 г., № 1657. Здесь [illegible] Якутской области» и «Январские дни в Петербурге», последняя помечена: «18 января 1905 г., изд. «Летучего листка».

[2] Докладная записка директора департамента полиции Лопухина, рассмотренная [illegible] января 1905 г.», изд. «Вперед», Женева, 1905 г., стр. 13.

Ф. Виноградов-Ягодин

Обыск у В. И. Ленина в с. Шушенском в 1899 г.

Весной 1928 года в Омском окружном архиве было обнаружено весьма толстое жандармское дело со множеством фотографических снимков. Дело называлось: «Дознание, произведенное пом. начальника Тобольского губ. жандармского управления в Курганском и Ялуторовском уездах по делу о купеческом сыне Иване Михайловиче Зобнине, бывшем учителе Тимофее Павловиче Белоногове и др., обвиняемых в преступлении, предусмотренном 251 и 252 стст. улож. о наказ.».

При близком изучении этого «дела» оказалось, что большинство фотографических снимков относятся к верхоленской ссылке и имеют отношение к смерти одного из пионеров революционного марксизма в России — Н. Е. Федосеева. Кроме того, в этом деле оказался протокол обыска и допроса В. И. Ленина, произведенных в с. Шушенском 2 мая 1899 года, причем протокол допроса[1] написан самим В. И. Лениным.

Каким же образом жандармы сумели увязать В. И. Ленина с И. М. Зобниным и верхоленскими ссыльными?

Дело началось в Кургане. В этом маленьком уездном городке, стоящем почти на грани Европейской России и Сибири, начиная с 1896 г. жили политические ссыльные — поэт народовольчества П. Ф. Якубович-Мельшин, Михаил Гоц и др. Зимой 1896 г. из г. Верхоленска в Курган прибыл И. М. Зобнин, отбывший срок ссылки в Верхоленске. При отъезде из Верхоленска И. М. Зобнин получил от ссыльного Я. М. Ляховского три письма, которые он обязался отправить по дороге по указанным адресам почтой заказной корреспонденцией. Проезжая Иркутск, И. М. Зобнин отправил эти письма по назначению, но полученные на них почтовые расписки не уничтожил, а сохранил.

В Кургане скучал от безделья жандармский ротмистр Вонсяцкий. Сей почтенный жандарм жаловался окружающим, что в Кургане нет никакой интересной деятельности, так как в этом глухом углу нет ни студентов, ни вообще учащейся молодежи, ни большого скопления политических ссыльных, так что здесь не сделаешь никакой блистательной карьеры.

Чтобы выдвинуться и сделать быструю карьеру, Вонсяцкий усиленно занимался наблюдением за Якубовичем, Гоцем и всеми теми, кто посещал Якубовича, в особенности он усилил свои наблюдения с приездом в Курган Зобнина. Последний же очень часто стал бывать

[1] Дело было отослано тогда же в ИМЭЛ.

у Якубовича, а затем ездить на вокзал, получая там даже письма и посылки. Ничего здесь таинственного, крамольного, строго говоря, не было. И. М. Зобнин решил перебраться на житье еще ближе к России, а именно в Челябинск, и об этом усиленно хлопотал перед челябинской администрацией.

Но Вонсяцкому нужно было сделать карьеру, и вот 6 февраля 1899 года на вокзале был арестован Зобнин, а 7 февраля были произведены обыски у Якубовича, у местного учителя Т. П. Белоногова, у учителя Русинова, у техника Наумова и др. лиц, причем были арестованы и заключены в Курганский замок, кроме Зобнина и Белоногова, и ученица 8-го класса омской женской гимназии О. А. Спасская (по мужу Виноградова).

При обыске у Зобнина и Якубовича была взята большая переписка, а поэтому обыски были произведены почти во всех направлениях Европейской России и Сибири: в Петербурге, Великих-Луках, Архангельске, Омске и др. городах.

Кроме того, у Зобнина были взяты почтовые квитанции на три заказных письма, отправленных им из Иркутска, как значилось в квитанциях: в Вильно—Н. Селиберу, в Верхнеудинск—Р. Залкинд и в Минусинск—Ульянову.

Разумеется, по требованию жандарма Вонсяцкого, были произведены обыски в Верхнеудинске у В. Залкинд и в Минусинске у В. И. Ленина. Что касается виленского адресата, то департамент полиции сообщил тобольским жандармам, что «хотя негласным расследованием в г. Вильно и выяснено лицо, получившее означенную корреспонденцию, но производство у него обыска представляется по розыскным соображениям нежелательным и отложено впредь «до особого распоряжения». (Н. Селибер проживал по Островоротной ул., в д. Залкинда).

Ротмистр Вонсяцкий принимал все меры создать делo во всероссийском масштабе. Он не брезговал никакими средствами, в том числе и провокацией.

Побывавшие в лапах Вонсяцкого Зобнин, Белоногов и Наумов уверяют, что Вонсяцкий определенно шел на провокацию. В 1899 г. в Кургане и Омске была распространена следующая прокламация:

«Господа!
Мы предлагаем вам принять наш принцип:
Свобода, равенство...
Просвещайте народ и помогайте нам освободить Россию.
Монархия есть деспотизм.
Потрудитесь за угнетенных.
Мы.
Напечатано с разрешения барона М. А. Таубе»[1].

Эту прокламацию, по словам Зобнина, Белоногова и Наумова, составил и распространил никто иной, как сам Вонсяцкий. Тем не менее эта прокламация была приписана Зобнину и послужила к отягчению его участи.

Вонсяцкий заинтересовался и В. И. Ульяновым.

Вот почему В. И. Ленин очутился в одном деле в столь смешанной, пестрой компании.

На запрос ротмистра Вонсяцкого об Ульянове помощник началь-

[1] Барон М. А. Таубе — генерал-губернатор Степного края.

ника Енисейского губернского жандармского управления в Минусинском и Ачинском округах отвечал (от 4 мая 1899 г. № 111):

«Уведомляю ваше высокоблагородие, что Владимир Ильич Ульянов по званию своему помощник присяжного поверенного, сын чиновника, уроженец города Симбирска, по высочайшему повелению, последовавшему 29 января 1897 года, за принадлежность к образовавшемуся в 1894 году в С.-Петербурге социал-демократическому сообществу, имевшему целью противоправительственную пропаганду среди рабочих, выслан в Восточную Сибирь административным порядком на три года, срок коих истекает 29 января 1900 года. Ульянов женат на Надежде Константиновне, урожденной Крупской, состоящей тоже под гласным надзором полиции, и вместе с семейством водворен на жительство в селе Шушенском Минусинского уезда. За время нахождения Ульянова в Минусинском уезде ничего предосудительного в политическом отношении не замечено. Подполковник Николаев».

Тем не менее, несмотря на то, что за В. И. Лениным «ничего предосудительного в политическом отношении не замечено», обыск у В. И. был произведен.

В воспоминаниях Н. К. Крупской записано так:

«Л. Толстой где-то писал, что едущий первую половину дороги обычно думает о том, что он оставил, а вторую — о том, что ждет его впереди. Так и в ссылке. Первое время больше подводились итоги прошлого. Во второй половине больше думалось о том, что впереди.

Владимир Ильич все пристальнее и пристальнее думал о том, что нужно делать, чтобы вывести партию из того состояния, в которое она пришла, что нужно делать, чтобы направить работу по надлежащему руслу, чтобы обеспечить правильное социал-демократическое руководство ею. С чего начать? В последний год ссылки зародился у Владимира Ильича тот организационный план, который он потом развил в «Искре» и брошюре «Что делать?», и в «Письме к товарищу».

«Владимир Ильич перестал спать, страшно исхудал. Бессонными ночами обдумывал свой план во всех деталях, обсуждал его с Кржижановским, со мной, списывался о нем с Мартовым и Потресовым, сговаривался с ними о поездке за границу. Чем дальше, тем больше овладевало Владимиром Ильичем нетерпение, тем больше рвался он на работу.

«А тут еще нагрянули с обыском. Перехватили у кого-то квитанцию письма Ляховского к Владимиру Ильичу. В письме была речь о памятнике Федосееву; жандармы придрались к случаю, чтобы учинить обыск. Обыск произведен был в мае 1899 года. Письмо они нашли, оно оказалось очень невинным, пересмотрели переписку — тоже ничего интересного не нашли. По старой питерской привычке нелегальщину и нелегальную переписку мы держали особо. Правда, она лежала в нижней полке шкафа. Владимир Ильич подсунул жандармам стул, чтобы они начали обыск с верхних полок, где стояли разные статистические сборники, — и они так умаялись, что нижнюю полку и смотреть не стали, удовлетворившись моим заявлением, что там лишь моя педагогическая библиотека. Обыск сошел благополучно, но боязно было, чтобы не воспользовались предлогом и не накинули еще несколько лет ссылки»[1].

---

[1] Н. Крупская. «Воспоминания о Ленине». Партиздат, 1932 г., стр. [illegible]

Обыск у Владимира Ильича был произведен 2 мая и было найдено только письмо от Ляховского, посланное через Зобнина. Более ничего жандармам обнаружить не удалось.

Протокол обыска подписан Владимиром Ильичем.

«Протокол обыска читал и ничего добавить не имею. Владимир Ульянов».

Затем Владимир Ильич был допрошен подполковником Николаевым в присутствии тов. прокурора Никитина. Протокол допроса написан самим В. И. Лениным:

«Зовут меня Владимир Ильич Ульянов. От роду имею 29 лет. Звание мое — помощник присяжного поверенного. Постоянно живу в селе Шушенском. На предложенные вопросы объясняю, что взятое у меня письмо со штемпелем в г. Иркутске 20 ноября 1898 года написано мне административным ссыльным по политическому делу Яковом Максимовичем Ляховским, который сослан был из Петербурга одновременно со мной и проживает в городе Верхоленске. Ближайшим предметом переписки служила смерть товарища Николая Евграфовича Федосеева. Ляховский писал мне о подробностях события и о постановке памятника на могиле покойного. Письмо это передано мне почтарем Шушенской волости, насколько помню, в первых числах декабря прошлого 1898 года. Что касается до Ивана Зобнина, то эту фамилию я слышу в первый раз. Больше ничего по данному делу показать не имею. Владимир Ульянов».

Протокол скреплен подписями подполковника Николаева и тов. прокурора Никитина.

Интересно отметить, что И. М. Зобнин при допросе в Кургане тоже заявил, что фамилия Ульянова ему неизвестна и «в Верхоленске об этой личности мне слышать не приходилось»[1].

К сожалению, письма, отобранного у Владимира Ильича, при деле нет. Имеется протокол осмотра этого письма, в котором дано содержание письма, изложенное так:

«...Из него явствует, что Ульянов высылает Ляховскому какие-то деньги, что он, Ляховский, отправил корзину с бумагами покойного Н. Е., т. е. Николая Евграфовича Федосеева, куда-то «в Красн.», вероятно в Красноярск, и очень беспокоится о судьбе этой посылки; затем говорит, что он послал Ульянову какие-то «2—3 интересных документика», по всей вероятности постановлений верхоленской колонии по делу суда над Юховским; далее сообщает о новой партии политических ссыльных, что из письма этого видно, что сбором денег на памятник Федосееву занимается он, Ляховский, и политический ссыльный в Верхоленске, Гедеоновский, что в письме этом Ляховский сообщает Ульянову весьма подробные сведения о беспорядках и волнениях среди рабочих на Брянских заводах, из чего можно заключить, что Ляховский получает об этом от кого-то из России систематические сведения, касающиеся революционного там движения».

Повторяем, письма этого в деле нет, и нам приходится иметь о нем только смутное представление в изложении жандармского ротмистра Вонсяцкого[2]. Из письма этого видно, что В. И. весьма инте-

[1] Как видно, и В. И. Ленин и И. М. Зобнин, если не встречались, то слыхали [illegible] Зобнин [illegible] и в 1899 году привлекался по [illegible] (дело Федосеева, Ягодкина и др.)

[2] [illegible] к сожалению [illegible] Иркутск. кр. арх.

ресовался трагической смертью Н. Е. Федосеева и, очевидно, посылал деньги на устройство памятника Федосееву. Догадка жандарма о том, что Ляховский под «2–3 интересными документиками» подразумевал постановления верхоленской колонии о грязной клевете Юхоцких против Федосеева, нашла полное подтверждение в бумагах, отобранных у Н. М. Зобнина; у него были взяты постановления верхоленской колонии политических ссыльных по делу Юхоцких и К°[1].

Обыск не отразился на продлении срока ссылки Владимира Ильича в Сибири. В январе 1900 года Владимир Ильич выехал в Россию, чтобы осуществить свой план революционной работы.

[1] Это постановление опубликовано в журнале «Каторга и ссылка», в статье «Из жизни Верхоленской ссылки», 1928 г., № 11.

Ф. Виноградов-Ягодин

Из жизни В. В. Куйбышева

(По документам и воспоминаниям)

В. В. Куйбышев родился в Омске 25 мая 1888 г. в семье офицера сибирского казачьего войска, служившего преподавателем и воспитателем Сибирского кадетского корпуса в Омске. В этом корпусе Валериан Владимирович и получил свое первоначальное образование.

В революционных кружках

Уже в 1903 г. пятнадцатилетним юношей В. В. принимает активное участие в омских ученических кружках. Это обстоятельство подтверждается архивными справками.

В архиве Сибирского кадетского корпуса сохранился интересный документ. В 1903 г. при переходе В. В. Куйбышева из 6-го в 7-й класс он был лишен похвального листа «за не вполне одобрительное поведение».

В № 14 журнала общего собрания педагогического комитета кадетского корпуса имеется следующее постановление:

«Куйбышев Валериан в числе лучших учеников подлежит награждению похвальным листом, но за не вполне одобрительное поведение комитет постановляет: похвального листа Куйбышеву не выдавать».

В чем же выразилось «не вполне одобрительное поведение» В. В.? Постановление комитета об этом скромно умалчивает. Но по свидетельству омских современников — тт. С. Н. Кочнева, С. П. Мотовиликова, Эд. Реперьш[1] и др. — В. В. не получил похвального отзыва за участие в революционных кружках. Начальство должно было обратить внимание на его пытливые, «дерзкие» вопросы и ответы преподавателям, усиленное чтение светской литературы, беседы с другими кадетами на «вольные» темы и т. п. В. В. попал под негласный надзор и должен был вести себя очень осторожно.

Первоначальный толчок к революционной деятельности и установлению связи с марксистским ученическим кружком В. В. получил через своих родственников — дядей А. Н. и Н. Н. Гладышевых, воспитанников омской учительской семинарии. Гладышевы были старше по возрасту и принимали активное участие в подпольном кружке учительской семинарии; так, ими в 1903 г. был отпечатан и распространен по г. Омску и станции первомайский листок, который начинался для нас совершенно необычайно:

«Господа! Сегодня 1-ое мая!»

---

[1] В... эти ... члены ВКП(б) и проживают в настоящее время в Омске.

Гладышевы, как родственники, посещали Куйбышева на дому, у родителей, и в свою очередь Куйбышев бывал у них. Ученик быстро обогнал своих учителей. Гладышевы стали в скором времени меньшевиками, и уже в период своего формирования В. В. спорит со своими учителями.

В 1904 г. В. В. входит в пропагандистский кружок Омского комитета РСДРП, усердно и аккуратно посещая его занятия. Высокий, стройный, широкий в плечах, совершенный еще мальчик по возрасту, 16 лет, он тем не менее производил обаятельное впечатление на своих товарищей-кружковцев. Он появлялся на занятия в кружок в своей кадетской серой шинели, при тесаке и в больших сапогах, которыми он отчаянно громыхал. Его появление вызывало шутки, смех, которые В. В. удачно парировал, заразительно смеялся сам и заражал своим смехом окружающих. Он сразу завоевал среди товарищей авторитет и внимание, как серьезный юноша с твердой, непреклонной революционной волей и усиленно занимающийся изучением теории Маркса — Энгельса. Уже тогда В. В. поражал всех своими организаторскими способностями, а также способностью быстро схватывать и разбираться в вопросах теории и тактики партийной работы.

В. В. являлся прекрасным пропагандистом и агитатором среди рабочих масс. Он производил на них большое впечатление своей революционной энергией и убежденностью в правоте своего дела. Вот рассказ рабочего о кружке на лесопильном заводе, который вел В. В., занимаясь с рабочими на берегу р. Иртыша в заброшенном подвале.

«Свет тускло проникал сквозь грязные окна подвала. Было сумрачно и сыро в подвале. В. В. говорил об исторической неизбежности падения царского самодержавия, о задачах смелой и решительной революционной большевистской борьбы с самодержавием и буржуазией, и от его пламенных, уверенных и убеждающих слов присутствующим казалось, что в подвале становится все светлее, все яснее»

Уже тогда товарищами было отмечено, что для В. В. в области теории и практики революционной борьбы непререкаемым авторитетом был В. И. Ленин. Поэтому вполне понятно, что по окончании кадетского корпуса, в 1905 г., В. В. отправился в Питер и там вошел в большевистскую организацию.

В Омской организации

Летом 1906 г. В. В. вернулся обратно в Омск и был немедленно введен в состав Омского комитета, и на него было возложено общее руководство пропагандистской работой комитета.

Омская организация в 1906 г. являлась самой мощной, ведущей большевистской организацией для всей Сибири. Если в 1905 г. такими ведущими большевистскими организациями были Чита и Красноярск, то теперь их место занял Омск. Бывший президент Читинской республики Н. Н. Суслов был командирован Сибирским союзом в Омск, и здесь он блестяще, по-большевистски, провел выборы в 1-ю Государственную думу, закончившиеся победой комитета. В этот период Н. Н. Суслов был ярким большевиком, но в 1907 г. он бесповоротно ушел и погряз в меньшевистском болоте.

Омская организация насчитывала в своих рядах свыше 300 членов партии. Она была тесно связана со всеми рабочими города и станции; она имела свой книжный склад, для розничной продажи два

книжных киоска и во время выборов в думу выпускала свою легальную газету «Степной пионер». К Омской организации тяготели не только близлежащие железнодорожные станции, но и города Петропавловск и Курган, куда Омский комитет направлял работников и литературу. Но, самое главное, Омский комитет проводил краевые партийные конференции с делегатами от других сибирских городов и станций. Решения этих конференций имели огромное значение для всей Сибири. Так, напр., на омской конференции, состоявшейся в августе 1906 г., присутствовали делегаты от Челябинска, Кургана, Тюмени, Петропавловска и Барнаула. Конференция была ярко большевистской, и ее резолюции обсуждались потом по всем комитетам Сибири и послужили основным материалом для решений на партийном съезде Сибирского союза, который происходил в Красноярске (на «Столбах») в 1906 г. Во главе руководства Омским комитетом стояли К. А. Попов и В. Л. Шанцер («Марат»).

В. В. со всем пылом юности окунулся в эту революционную работу. Он руководил всей пропагандистской работой комитета, сам вел кружки рабочих и учащихся, был в стачечном комитете по руководству большой забастовкой омских торгово-промышленных служащих, которая закончилась их победой, писал прокламации, выступал на митингах и партийных собраниях.

Провал партийной конференции

В ноябре 1906 г. Омский комитет, согласно директивам из центра, должен был провести ряд конференций по выборам делегата на V съезд партии (выборы от Омска были прямые), а также наметить план работы по выборам во 2-ю Государственную думу.

Конференция открылась 20 ноября (по стар. стилю) на окраине города (1-я линия) в маленьком домике, который снимал воспитанник омской учительской семинарии Молодов на средства Омского комитета. Конференция была исключительно городская, т. е. на ней присутствовали только делегаты городских предприятий и учебных заведений; представителей от железнодорожных мастерских и депо на конференции совершенно не было. Предполагалось, что вторая конференция будет проведена на станции.

На конференции присутствовало 38 делегатов, в том числе три женщины. Конференция была большевистской, из меньшевиков было три-четыре человека: А. В. Матцков, В. Л. Айзин и Н. С. Тюлькин.

Конференцией руководили тт. Шанцер, по паспорту «портной Абрамович», и К. А. Попов.

С первым докладом на конференции выступил В. В. Куйбышев «О рабочем съезде», который тогда выдвинули меньшевики во главе с покойным теперь Аксельродом. Этим рабочим съездом меньшевики хотели подменить партийный съезд и партию.

Доклад В. В. Куйбышева продолжался 20 минут и отличался большевистской выдержанностью и логикой. В. В. была заготовлена и резолюция, вскрывающая ликвидаторскую сущность «рабочего съезда». Но принять ее не удалось[1], так как в самый разгар работы конференции в домик ворвались полиция и казаки во главе с исправником и приставом. Раздались крики:

— Руки вверх! Будем стрелять!

[1] Резолюция сохранилась в Центрархиве.

Конференция была захвачена целиком. Но арестовавшие допустили две больших ошибки: не обыскали арестованных и произвели обыск помещения, где происходила конференция, уже в отсутствии арестованных.

В тюрьме и крепости

Все 35 человек были помещены в одну камеру (женщины были заключены в женское отделение). Тюремные условия заключенных были чрезвычайно тяжелые. Тюрьма была переполнена: где раньше помещалось 3—4 человека, сажали 8, вместо 8—16. Кроме, так сказать, постоянных заключенных, от понедельника до среды еженедельно, в те же камеры помещались политические пересыльные, партии которых достигали до 30 человек.

Вечно спертый воздух, протекающие потолки, обваливающаяся с них штукатурка, невозможность соблюдать чистоту и прочие прелести старой, насквозь прогрязненной и провонявшей тюрьмы, — все это делало обстановку крайне антигигиеничной.

Тюремному начальству казалось этого мало. Оно решило еще больше ухудшить положение заключенных и ввело следующее правило: камеры от $5\frac{1}{2}$ час. вечера до 8 утра держать на замке и для всяких надобностей в камеру ставить вонючую парашу[1].

Результаты такой обстановки быстро сказались. Так, в январе 1907 г. тюремный врач должен был отметить, что из 35 человек серьезно больных 18 человек. Бронхит, инфлуэнца и малярия — обычные гости в камерах политических. Очень сильно расхворался Н. С. Булаков, у которого оказался острый суставной ревматизм и порок сердца. Никакие прошения об освобождении на поруки, ввиду болезни, ни администрацией, ни судом не принимались во внимание.

Обращение тюремной администрации с заключенными было грубое, вызывающее. Площадная брань, угроза карцером и, наконец, угрозы кровавой расправой — были постоянным поведением со стороны надзирателей и самого начальника тюрьмы.

Решено было дать бой зарвавшейся тюремной администрации. 2 февраля (ст. ст.) наши товарищи предъявили прокурорскому надзору следующие требования:

1. Вежливое обращение администрации.
2. Личное свидание в теплом помещении.
3. Открывать камеры после поверки и убрать параши.
4. Немедленное назначение комиссии для обследования т. Булакова на предмет освобождения его из тюрьмы.

Для ответа было назначено 3 февраля. Прокурорский надзор решил торжественно промолчать. Тогда с утра 4 февраля была объявлена голодовка.

Голодовка произвела впечатление. На другой же день, 5 февраля, утром все 35 заключенных были переведены в военную крепость,

[1] Тюремные репрессии начались, строго говоря, по следующему поводу. Свидание политическим заключенным давались всем сразу и в одной общей камере, куда приходили посетители с воли, причем впускали и выпускали посетителей общим счетом. Этим обстоятельством решили воспользоваться для побега. В одно из свиданий, когда было объявлено, что свидание окончилось, двое политзаключенных (не из числа 35) переоделись и ушли с посетителями, а двое посетителей нарочито задержались. Затем оставшиеся посетители потребовали, чтобы их выпустили. Так был обнаружен побег. Администрация решила за побег отомстить применением более сурового режима.

в дисциплинарную роту и были поставлены в совершенно другие, относительно сносные, условия жизни. Поэтому, находя, что с переводом главные требования их удовлетворены, голодовка была прекращена. Не выполнено было одно требование — освидетельствование т. Бутакова. Полагая, что это освидетельствование может быть фиктивным, товарищи решили на этом требовании не настаивать.

И в тюрьме и в крепости тт. Шанцер и Попов вели систематическую работу среди своих сокамерников, обучая молодежь теории и практике революционной борьбы. Очень много читали, дискуссировали. Товарищи Шанцер и Попов деятельно помогали своим молодым товарищам по изучению и критическому разбору теории и тактики эсеров и анархистов. Ведь тогда почти на каждом рабочем собрании приходилось сражаться с эсерами и анархистами. Молодежь должна была знать эти антимарксистские теории. С сидящими меньшевиками вели ожесточенные споры.

К. А. Попов читал свои беллетристические произведения из жизни политической ссылки на Лене накануне революции 1905 г.

По свидетельству товарищей, В. В. Куйбышев усиленно занимался и принимал самое активное участие и в тюремных передрягах и в сношениях с волей. Он был избран политическим старостой. Эта должность была ответственная и боевая, но В. В. был образцовым старостой.

На свидании в крепости

В первых числах января 1907 г. я впервые приехал в Омск — в распоряжение Омского комитета РСДРП. Я уже знал, что в ноябре 1906 г. была арестована омская партконференция в числе 35 чел. и что все арестованные, в том числе и руководители Омского комитета — К. А. Попов и т. Ананий (Шанцер-Марат) — сидят в военной крепости. На смену им были Сибирским союзом присланы новые работники: тт. Афанасии, А. Знаменский, В. Бархатов, В. Н. Охоцимский и Н. Н. Суслов. Последний, б. президент Читинской республики 1905 г., ярый большевик в 1905 и 1906 гг., здесь, в Омске, под влиянием В. Н. Охоцимского стал убежденным меньшевиком. Создавалась угроза, что меньшевики захватят омскую организацию и все важнейшие политические кампании проведут под меньшевистскими лозунгами.

Омская с.-д. организация стояла перед решением ряда задач: посылки делегата на V партсъезд, выборы депутата во 2-ю Государственную думу, забастобка рабочих железнодорожных мастерских и депо; кроме того, намечался ряд конфликтов между рабочими и хозяйчиками в самом городе; словом, нужно было напряженное руководство со стороны партийного комитета. Сидящие в военной крепости имели хорошие связи с волей, были в курсе дел комитета и, ясно, болели душой за правильное большевистское направление работы комитета. Так как доступ на свидание к ним был свободен, то они требовали, чтобы товарищи их посещали и вводили в курс партийной жизни.

Я тоже должен был явиться в военную крепость. Со мной вместе отправился бывший воспитанник омской учительской семинарии Арт. Н. Ершов, работник Омского комитета. Помещение, где содержались [illegible], находилось в старой омской крепости. Самой крепости уже не было, но сохранились крепостные ворота, и весь этот участок был занят всякого рода воинскими учреждениями. Мы подошли к деревянным воротам и часовой свободно пропустил нас, не спрашивая про-

пуска, да у нас с Артемом и не было никакого пропуска. Мы вошли во двор и направились к одноэтажному каменному зданию, стоящему внутри ограды. Здесь в большой комнате, предназначенной для свиданий, находились все 35 человек, к которым являлись все посетители без всякого разбора.

Из заключенных я знал только К. А. Попова, с которым недолгое время сидел в Иркутской тюрьме в 1904 году, и А. И. Тыминского по работе в Кургане в 1903 г.

Но Артем познакомил меня со всеми встречавшимися товарищами, в том числе и с В. В. Куйбышевым. В. В. мне очень понравился. Он бросался в глаза своим ростом, особо выразительным лицом и энергией, бившей из него ключом. Артем мне говорил, что В. В., несмотря на свои молодые годы (19 лет), уже проявил себя как выдающийся партийный работник: и как организатор, и как оратор, и как пламенный большевик. И что, сидя в тюрьме и крепости, он продолжает много работать над собой, под руководством тт. Шанцера и Попова. К сожалению, в общей сумятице много поговорить не удалось. Каждому хотелось обойти всех заключенных, пожать им руки и перемолвиться парой теплых сердечных слов.

Свидание кончилось. Посетители стали выходить гурьбой. За нами высыпали арестованные. Пока мы двигались по ограде до ворот, кто-то затеял игру в снежки, и в ней самое горячее участие принял В. В. Куйбышев, так что мы вышли из ворот облепленные снегом, к великому удовольствию В. В., который заразительно весело смеялся.

Военный суд

На другой же день после ареста товарищи стали обсуждать вопрос, как им держаться на следствии и суде. Время было революционное, ожидался неминуемый взрыв народного негодования, в результате которого царское правительство должно было пасть. Поэтому стоило ли разговаривать с представителями царской власти? По предложению В. В. Куйбышева было решено, что каждый из арестованных должен заявить: «я представителям царского суда никаких показаний давать не буду». Так всеми 35 товарищами и было сделано. Также было решено отказаться и от защиты.

По прошествии некоторого времени выяснилось, что арестованные будут преданы военному суду.

На предании арестованных военному суду настаивал генерал-губернатор Степного края Надаров. Он, очевидно, был твердо уверен, что полицией была арестована не простая сходка, а партийная организация. Среди арестованных находился К. А. Попов, который неоднократно арестовывался и высылался в «места не столь отдаленные» за принадлежность к партии. Все арестованные держались демонстративно, не хотели разговаривать с представителями царской власти, отказались от защитников и т. д. Кроме того, при обыске в качестве вещественных доказательств была взята печать Омского комитета и были найдены, правда, разорванные, проекты резолюций конференции, написанные Шанцером с поправками на ней рукой К. А. Попова. Все это являлось достаточными уликами. Но, с другой стороны, производство ареста и обыск помещения в отсутствие обвиняемых, — было огромным промахом со стороны полиции. За этот промах можно было серьезно зацепиться и свести на-нет обвинение. Тем более, что между военными и полицейскими властями возник кон-

фликт. Полицейские власти настаивали на предании арестованных военному суду; военный же суд, учитывая ляпсусы полиции, отказывался признать дело для себя подсудным. И оно кочевало из гражданского суда в военный, из военного в гражданский. Пока, наконец, по настоянию генерал-губернатора Надарова, в Петербурге было решено предать арестованных военному суду по 126 ст. угол. улож. Максимальное наказание по этой статье — 8 лет каторги и минимальное — ссылка на поселение с лишением всех прав.

В местной газете «Голос степи» от 17 II 1907 г. появился следующий приказ, который мы приводим полностью:

«Приказ по Степному генерал-губернаторству от 14/I 1907 г.

«На основании пункта 6 ст. 19 (прилож. к ст. 23 общ. учрежд. губ.) правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении, а также 260 и 262 ст. XXIV кн. св. воен. пост. 1869 г., изд. 3-е, предаются омскому военно-окружному суду:

1) Абрамович Ананий Осипович, бывший учитель кохинского сельского училища[1];

2) Аизин Вениамин Львович, сын отставного солдата, бывший гимназист 6-го класса омской мужской гимназии;

3) Бутаков Николай Савельевич, крестьянин Тобольской губ.;

4) Белогубов Антон Афанасьевич, крестьянин Томской губ.;

5) Волостников Андрей Матвеевич, казак, воспитанник омской учительской семинарии;

6) Голоухов Герасим Петрович, крестьянин Рязанской губ.,

7) Долгушева Прасковья Матвеевна, солдатская дочь;

8) Дудин Карп Севастьянович, крестьянин Пермской губ.;

9) Звягин Константин Павлович, крестьянин Томской губ.;

10) Калачев Петр Тихонович, крестьянин Харьковской губ.;

11) Калыбин Петр Петрович, воспитанник омской учительской семинарии;

12) Киржнер Иосиф Лейбович, омский мещанин;

13) Кривошеин Михаил Филиппович, крестьянин Тульской губ.;

14) Куйбышев Валериан Владимирович, дворянин;

15) Лазаренко Пантелеймон Мартынович, крестьянин Воронежской губ.;

16) Лебедев Иван Иванович, дворянин, бывший гимназист;

17) Малеев Николай Прокофьевич, воспитанник омской учительской семинарии;

18) Мацков Александр Васильевич, омский мещанин;

19) Меньков Зиновий Васильевич, казак, воспитанник омской учительской семинарии;

20) Молодов Алексей Петрович, казак, воспитанник омской учительской семинарии;

21) Пырвиг Вильгельм Павлович, житель г. Риги;

22) Попов Константин Андреевич; выбранный в секретари омской городской думы.

23) Потапов Иван Федорович, крестьянин Владимирской губ.,

24) Пучков Василий Яковлевич, воспитанник омской учительской семинарии;

25) Печатов Виктор Семенович, крестьянин, воспитанник омской учительской семинарии;

[1] В. Л. Шанцер (Марат) — прим. *Ф. В.*

26) Рыбаченко Анисим Петрович, крестьянин Пензенской губ.;

27) Рычков Николай Николаевич, крестьянин Тобольской губ.,

28) Рябов Павел Иванович, крестьянин, бывший воспитанник омской учительской семинарии;

29) Саатч Самуил Яковлевич, бердянский мещанин,

30) Степанов Яков Григорьевич, мещанин г. Енисейска,

31) Судакова Анна Зиновьевна, омская мещанка;

32) Тресвяцкий Виталий Иванович, воспитанник омской учительской семинарии;

33) Тыминский Александр Иванович, сын чиновника омской контрольной палаты;

34) Трофимович Казимир Данилович, омский мещанин,

35) Тюлькин Николай Семенович, омский мещанин;

36) Чебоксаров Иван Фролович, тюкалинский мещанин,

37) Шишкин Дмитрий Яковлевич, крестьянин, и

38) Яцина Либа Давыдовна, омская мещанка, —

по обвинению в том, что в ноябре 1906 г. в гор. Омске они приняли участие в сообществе «Омский комитет Сибирского союза социал-демократической рабочей партии», заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в России общественного строя (преступное деяние, предусмотрено 1 ч. 126 ст. Уг. Ул.»)[1].

При обсуждении вопроса о тактике на суде, по предложению Валериана Владимировича, было решено явиться в суд, запеть на суде «Марсельезу» и добиться вывода из суда. Таково было настроение огромного большинства обвиняемых. Но Шанцер и Попов, ознакомившись с делом, энергично восстали против этой тактики и убедили товарищей участвовать в процессе без приглашения защитников, предоставив тт. Шанцеру и Попову выступать в последнем слове.

Заседание военно-окружного суда состоялось в конце марта 1907 г. Председательствующий на этом суде военный генерал решил, очевидно, отомстить Надарову и полицейской власти за то, что они навязали военному суду это дело. Судоговорение было проведено действительно необычайным порядком.

Вот как этот суд описан самим В. В. Куйбышевым. Ввиду исключительного интереса приводим соответствующие места из статьи В. В. Куйбышева полностью:

«Нас ведут на суд. Входим в зал. Торжественная обстановка. Кругом военные. На месте военный прокурор. На своем месте военный защитник малолетнего Айзина.

«— Суд идет, — возгласил судебный пристав.

«Входят пять человек. Все военные. Председатель — генерал Седой, обрюзгший, с виду добродушный, всю жизнь проведший в судебных органах. Прокурор — бравый полковник, с академическим и университетским значками...

«Начинается допрос свидетелей. Первым вызывается руководитель нашего ареста — исправник. Этот лихой полицейский влетает в зал, козыряет суду, звенит шпорами и бойко отвечает на вопросы председателя. Так как нет защиты, то председатель обращается к об-

[1] На конференции присутствовало много представителей ([illegible] чел. из 38) воспитанников омской учительской семинарии. Это был партийный актив, [illegible] ром в работу В. В. Куйбышевым. Надо отметить, что воспитанники учительской семинарии очень любили и уважали В. В. и все время о нем сохранится самая теплая память среди омского учительства.

виняемым — не будет ли с нашей стороны вопросов. Поднимается Попов и задает следующий вопрос:

— Скажите, пожалуйста, господин исправник, на каком основании вы нас арестовали, тогда как мы находились в черте города, иными словами, мы были подвластны или жандармской власти, или полицеймейстеру города Омска?

«Исправник пришел в страшное негодование, что-то зарычал и делал какие-то жесты, показывающие, что он не хочет отвечать на такой дерзкий вопрос обвиняемого. Тогда председательствующий говорит ему:

— Нет, будьте добры ответить на вопрос подсудимого.

Вся спесь с исправника немедленно слетела. Он начинает что-то лепетать. Из этого лепета можно было разобрать только одно, что он с Иваном Иванычем, полицеймейстером города Омска, большие приятели и что иной раз он помогает Ивану Иванычу, иной раз Иван Иваныч оказывает ему услуги.

«Скамья подсудимых хохочет. Но хохот этот еще больше усиливается, когда мы слышим окрик председательствующего:

— Ну, знаете, дружба дружбой, а служба службой»...

«Судебное следствие закончено, начинаются речи защитников и прокурора. У нас защитников нет, выступает лишь один защитник малолетнего Лизина. Он говорит только о нем, и по существу только о его малолетстве.

Выступает прокурор. Повидимому, ему вообще присуще говорить с большими паузами, солидно. Он чисто формально излагает дело, заверяет о том, что о боевой дружине здесь не может быть и речи, так как единственное оружие, найденное у обвиняемых, это — перочинный нож, и то в единственном количестве, но все основания есть предполагать, что суд имеет дело с социал-демократической организацией. Поэтому он просит применить к нам 126 статью, такой-то пункт, приговорив нас к 4 годам каторги.

«Речь была исключительно формальной. Ни одного аргумента, ни одной попытки доказать. Речь по обязанности. Зато, когда прокурор перешел к обвинению Курилки во втором деле, в деле распространения прокламаций среди войск, его нельзя было узнать. Появился пафос, появилось чувство. Он говорил, призывая суд быть бдительным и т. д., и настаивал на применении к Курилке максимального наказания по соответствующей статье, кажется, к пожизненной каторге.

«Слово предоставляется обвиняемым. Последнее слово подсудимых. Мы и сидели на скамье подсудимых по алфавиту. Первым должен говорить Абрамович (Шанцер).

— Господин Абрамович, хотите ли вы воспользоваться последним словом?

«— Пожалуй, воспользуюсь, — говорит он.

«И вот он начинает речь. Сначала несколько вяловато. Мы смотрим на него с некоторым недоумением. Потом он постепенно расходится и зал оглашается такой речью, какую, я думаю, едва ли слышал когда-либо омский суд. Это была не оправдательная речь, это была речь обвинителя против полиции, против ее методов работы, против самодержавия. Естественно, Шанцер не перегнул палки в части обобщений и атак царского строя. Но это сквозило в каждом его слове. Полицию он так разделал, что от нее не осталось ни од-

ного живого места. Воровство, подлоги, кумовство, все это было им использовано и использовано необыкновенно ярко и полно.

«Отвлекаясь, я должен сказать, что я в своей жизни не встречал такого большого оратора, как товарищ Шанцер. Недаром товарищ Шанцер был прозван Маратом. Это была его постоянная политическая кличка.

«Трудно представить себе, какое впечатление произвела эта блестящая речь «портного Абрамовича» на суд и прокуратуру. Даже мы, знавшие Шанцера уже в течение пяти месяцев по совместному тюремному заключению, слушали его, раскрыв рот, так как тюремная обстановка, естественно, не давала повода для проявления его столь большого, столь исключительного ораторского таланта.

«Дальше начинается перекличка по алфавиту остальных обвиняемых. Все мы отказываемся от права воспользоваться последним словом. Доходит очередь до Попова. Он берет слово и не столь талантливо, не столь горячо, но с поразительной логикой, более детально доказывает те положения, которые только-что привел в своей речи Шанцер-Марат.

«Суд удаляется на совещание. Мы сидим в специально отведенной для нас комнате и не можем притти в себя от недоумения. Лично я не помню, что больше нас поразило — необыкновенное ли поведение суда или совершенно необыкновенная речь «портного Абрамовича».

«В то обстоятельство, что Абрамович — товарищ из центра и что он — Шанцер-Марат, нас было посвящено только пять или семь человек. Все остальные не сомневались, что это действительно портной Абрамович.

«Суд совещался 2—3 часа. Мы переговаривались между собой, недоуменно задавая друг другу вопросы. Вдруг входит прокурор и направляется прямо к товарищу Абрамовичу.

«— Господин Абрамович, вы — портной?

«— Да, портной.

«— Слушайте, я ничего не могу понять. У меня уже 20-летняя судебная практика, и я уверяю вас, что ни разу в зале суда не была произнесена такая речь, какую произнесли вы. Чем это объяснить?

«— Вы знаете, господин прокурор, я портной. Наше дело таково: сидим на ногах, ноги под себя поджав, и все время разговариваем с товарищами на разные темы. Вот так я и приобрел практику, умею болтать.

«Прокурор сразу почувствовал иронию в этом ответе, покачал головой:

«— Да, знаете, это речь, это речь...

«И ушел.

«Мы долго хохотали над прокурором. Наконец, нас зовут в зал заседания.

« — Встать, суд идет!

«Входит суд. Председатель суда читает приговор. Приговор короткий:

«Признать всех обвиняемых (обвиняемые перечисляются все снова по алфавиту. В. К.) по 126 статье уголовного уложения оправданными за неимением доказательств. Признать всех обвиняемых виновными по 124 статье уголовного уложения и приговорить каждого к одному месяцу крепости».

«Что касается Курилки (я, к сожалению, не могу вспомнить его настоящей фамилии), то он был приговорен к 3 годам каторги»[1].

По окончании суда генерал-губернатор Надаров распорядился выслать всех 35 человек из Акмолинской области. 1 апреля 1907 г. Попов и Шанцер были отправлены в Вологодскую губернию, В. В. Куйбышев — в Каинск, а остальные — по разным местечкам и городам Сибири и России

В. В. Куйбышев в Петропавловске

В. В. Куйбышев решил перейти на нелегальное положение и немедленно бежал из Каинска. В середине апреля он явился в Омск в распоряжение комитета. Последний направил его в качестве профессионала-революционера в Петропавловск.

В Петропавловске существовала с.-д. группа с 1905 г. Группа находилась в ведении Омского комитета. Первым профессионалом был студент Н. С. Ружейников (умер в 1930 г.). Ему удалось развернуть большую работу среди железнодорожных рабочих на станции и приказчиков г. Петропавловска. На смену Ружейникова в 1907 г. был послан я.

Город произвел на меня впечатление обывательского, сонного города. В самом городе не было никаких промышленных предприятий и, следовательно, рабочих. Были магазины, лавки; наезжало очень много киргиз-казаков. Большинство населения города были татары и киргизы-казаки. Единственное живое и боевое место — станция, в 2—3 километрах от города. На станции было депо, в котором насчитывалось около 300 рабочих. Должен сказать, что петропавловские рабочие в массе были довольно отсталыми. Большинство их приехало из деревень, почти все обзавелись домиками, коровами и огородами; уважали и боялись начальства. Этих рабочих нельзя было сравнить с рабочими г. Кургана и тем более Омска. Нашему рабочему активу — Беляеву, Комарову и др. — было довольно трудно работать среди этой массы: их поддерживала только молодежь, а старики не только держались пассивно, но нередко ворчали и ругали «беспокойных» людей.

Организация распадалась на две части — городскую и станционную. Группа (комитет) была общая, в которую в большинстве входили рабочие. Работу удалось наладить: появились и заработали кружки на станции и в городе среди приказчиков, усиленно распространяли литературу — прокламации и газеты, присылаемые из Омска, проводились партийные собрания и даже собрания в самом депо. Провели выборы в Государственную думу: от Петропавловска был избран выборщиком с.-д. врач Ивановский.

Наша мирная работа продолжалась недолго. Омские железнодорожные рабочие — в ответ на наступление администрации — забастовали. В Петропавловск приехал представитель от омичей с информацией о забастовке и предложением поддержать омичей забастовкой.

Забастовку солидарности нам удалось организовать, но она продолжалась только двое-трое суток; на четвертый день забастовка пошла прахом. Утром, по гудку, рабочая масса хлынула на работу, пикеты были смяты; на все убеждения наших товарищей рабочие не отвечали и прямо шли в депо.

[1] В. Куйбышев. Омское подполье (Отрывки воспоминаний подпольщика). «Правда», 27 января 1935 г., № 26 (6272).

Чтобы сохранить в депо ядро своих, я предложил рабочим, которые не были «замазаны» этой забастовкой, идти тоже на работу. Ив. Комаров и другие товарищи, скрепя сердце, пошли работать

Начались аресты, увольнение и высылка подозрительных рабочих[1]. Мне нельзя было показаться на станции, и я убедительно просил Омский комитет меня сменить.

На смену приехал В. В. Куйбышев. Он быстро вошел в наши дела и указал мне на две крупные ошибки, совершенные мною.

Первая ошибка. Уволенные из депо рабочие решили устроить в близлежащем селе артельную слесарную мастерскую и за деньгами обратились в группу. Я возражал против отдачи принадлежащих группе денег. Но большинство настояло на том, чтобы помочь артели открыть мастерскую. Таким образом наши небольшие, последние средства в сумме 80 рублей были отданы на эту мастерскую, и, конечно, никогда не были возвращены в группу.

Вторая ошибка. В Петропавловске, по примеру других городов, проводилась кампания по работе смешанных комиссий по регулированию рабочего дня среди приказчиков. Мы объявили бойкот этим выборам и не использовали те легальные возможности, которые открывались для нашей организации законом о смешанных комиссиях.

«Большевики — самая революционная партия в мире, — отчеканивал мне В. В. Куйбышев, — но она умеет сочетать методы подпольной работы с использованием легальных возможностей. Вы могли, используя смешанные комиссии, втянуть отсталых рабочих в булочных, портновских мастерских, банях и т. п. Такие рабочие в Петропавловске имеются, а у вас нет никаких с ними связей».

Все это верно. Было радостно, что в Петропавловск приехал опытный работник-большевик и сумеет наладить подпольную работу.

Работая затем в Омске, я слыхал от приезжающих из Петропавловска товарищей восторженные отзывы о Валерьяне. Он действительно сумел поднять петропавловскую группу: работали кружки на станциях и в городе, читались Валерьяном Владимировичем доклады; он сумел даже использовать местную газетку; им были втянуты в работу ученики реального училища и ученицы гимназии. Словом, В. В. проявил блестящий организаторско-пропагандистский талант.

Понятно, что В. В. обратил на себя большое внимание полиции, начались слежка и преследования; в конце 1907 г. В. В. должен был оставить Петропавловск.

В Томской тюрьме

В 1909 г. я крепко засел в Томскую тюрму — 1-е арестантские роты. Весь одиночный корпус был занят политическими: почти в каждой одиночке сидело по два-три заключенных. В числе других сокамерников оказался и В. В. Куйбышев[1].

1909 год был в тюрьме кошмарным годом. Почти каждую ночь в коридоре одиночки раздавался стук и громыханье тяжелых сапогов

[1] За забастовку были арестованы и высланы в Вологду слесаря: Е. Васильев, Сушков, Павленко и Гриневич. Уволено из депо 11 человек, им было предложено немедленно выехать из Петропавловска.

[1] Насколько я припоминаю, тогда сидели следующие тт.: Г. А. Мучник, М. А. Попов, Егор Решетов, С. Цвиллинг, Мих. Галунов, К. Гедройц, В. Н. Шамшин, Д. Кафанов, Д. Шамшурин, А. Н. Смирнов (Матренинский), К. Г. Рудаков, Ионов и др.

солдат и надзирателей. Слышался лязг цепей и одновременно истерические крики:

— Прощайте, товарищи! Прощайте, братцы!

То уводили на виселицу приговоренных за экспроприации и различного рода нападения.

Эти крики надрывали наши нервы, не давали потом долго заснуть и нередко приводили в такое состояние, что хотелось бить в дверь, кричать, буйствовать.

Крики: «Прощайте, товарищи!» продолжались на улице и, очевидно, заканчивались только на виселице. Через некоторое время раздавались звуки как будто от вколачивания гвоздей в дерево, затем грохот телеги и все умолкало.

Но сильно нервничать и выходить из себя не приходилось. Надо было думать о будущем, а сейчас нужно было сохранить бодрость духа и готовиться к будущей работе. Поэтому мы усердно читали и занимались изучением иностранных языков — английского, немецкого и французского, а также усиленно занимались гимнастикой Мюллера, изложенной в его книжке «Моя система».

Несмотря на различие наших партийных убеждений (среди нас были большевики, меньшевики, эсеры и анархисты), сидели довольно мирно. Правда, были дискуссии и пр., но в столкновении с начальством выступали как один человек. У нас существовала нелегальная касса взаимопомощи, которая имела в кассе не деньги, а ордера тюремной лавки, которые передавались нуждающемуся товарищу для выписки продуктов из тюремной лавки.

В скором времени меня поместили в одну камеру с М. А. Поповым и С. Цвилингом[2]. Рядом с нами в другой одиночке оказались В. В. Куйбышев и Егор Решетов[3].

Мне было крайне интересно поговорить с Валерьяном. Окна открыты, и можно переговариваться с рядом сидящим товарищем. Правда, под окном часовой, иной раз он не дает разговаривать: были такие исполнительные солдаты. Большинство же солдат были снисходительнее и не обращали внимания на наши разговоры.

Разговор начался справками о судьбе бывших товарищей. В. В. спросил о «Николае Маленьком», Н. Н. Суслове.

Я ответил, что Н. Н. Суслов в 1908 г. арестован и сослан в административную ссылку на Алтай, в местечко Катон-Карагай.

— А что он попрежнему остался меньшевиком? Какая потеря для революции. Ведь он был блестящий организатор и оратор! Не понимаю, как он мог изменить большевизму и стать меньшевиком. Конченый он человек для революции. Это все виноват В. Н. Охоцимский. Он его сбил на меньшевистский путь. А где Охоцимский?

— Я слыхал, что он учится в Казанском университете и как будто изучает римское право.

— Этот уже отошел, значит, от революции. Будет учиться, чего доброго станет приват-звонарем и совсем превратится в обывателя. Такова судьба многих меньшевиков. Ну а вы — кто: меньшевик? Неужели ликвидатор? Партиец? Ну еще с этим можно слегка примириться, а все-таки подумайте хорошенько: меньшевизм не приведет вас к добру.

[2] М. А. Попов — член О-ва политкаторжан и член ВКП(б), а С. Цвилинг («Муля») был убит белобандитами на уральском фронте.

[3] Егор Решетов — старый сибирский подпольщик, один из организаторов Сибирского соц.-дем. союза и Томского комитета; умер в 1922 г.

И Валерьян пустился в резкую критику меньшевистской тактики в 1905 году. В словах В. В. чувствовалась непобедимая уверенность в правоте большевизма. Было видно, как он умственно вырос и возмужал. Его суждения отличались прямотой и чеканной точностью.

Надо ли говорить, что его предсказания в отношении меньшевиков—Суслова и Охоцимского — оказались пророческими: они действительно отошли от революции. Н. Н. Суслов покончил свою жизнь самоубийством в 1928 г., а В. Н. Охоцимский тоже отошел от революционной деятельности и был профессором при царизме в Томском университете и читал римское право. При советской власти он стал читать советское право в саратовских вузах.

В. В. оказался хорошо подкованным спорщиком и в философских вопросах. Один из сидящих, студент Томского университета, не то Андреев, не то Маслов, оказался большим поклонником «новейшей» тогда философии Маха—Авенариуса. Он выступил с критикой материализма, в особенности резко критиковал Плеханова. Он прямо утверждал, что марксизм не имеет своей философии, а придерживается вульгарного французского материализма и использует гегелевскую софистику — диалектику.

В. В. горячо вступил в спор с красноречивым махистом и доказал, что марксизм имеет свою философию — диалектический материализм, который нельзя сводить ни к философии французских материалистов, ни к материализму Фейербаха. Гегелевская диалектика не просто взята Марксом — Энгельсом у Гегеля, а переработана ими материалистически: с головы она была поставлена ими на ноги.

В. В. доказал, что философия Маха — Авенариуса идеалистическая философия, так как в ее основе лежат ощущения, комплексы ощущений и проч., которые, по учению Маха, не материальны и не зависят от материи и являются только нашими представлениями, идеями, возникающими в нашем «я». Это же чистейший идеализм!

В общем нашему махисту не повезло: его философия была разоблачена и показана ее буржуазная сущность. В. В. Куйбышев обнаружил большую начитанность и острый полемический талант в дискуссиях по философским вопросам.

В августе 1909 г. я получил по суду ссылку на поселение и должен был отправиться в губернскую пересыльную тюрьму для дальнейшего следования в Восточную Сибирь. Мне нужно было сдать дела и средства нашей тюремной кассы взаимопомощи. Были произведены выборы, и кассиром был избран В. В. Куйбышев.

В последующие годы

В 1910 г. В. В. был отправлен в административную ссылку в Нарымский край на два года. Его поселили в селе Колпашеве, куда были также сосланы Я. М. Свердлов, В. Н. Яковлева, Мандельштам («Одиссей»), Вл. Косарев и др.

В ссылке В. В. усиленно занимался самообразованием и активно участвовал в общественно-политической жизни колпашевской колонии ссыльных. Ссыльные организовали столовую, лавку, театр и имели свою библиотеку.

В 1911 г. в день 1 мая ссыльные устроили маевку с речами и пением революционных песен, при чем В. В., конечно, являлся одним из инициаторов этой маевки.

Томский губернатор Гран, совершая поездку по Нарымскому краю, был сильно возмущен «вольностями» колпашевских политссыль-

ных. Губернатор распорядился закрыть столовую, театр и библиотеку. Но политссыльные не подчинились этому губернаторскому приказу. Главным застрельщиком в этой борьбе выступал В. В. Куйбышев.

В 1912 г. В. В. кончил ссылку и выехал в Омск, но здесь его в первый же день приезда снова арестовали, избили до полусмерти и отправили в Томскую тюрьму. И так снова начался тюремный и ссыльный путь В. В. Но царскому правительству не удалось сломить непреклонную волю большевика. В годы жесточайшей реакции В. В. оставался верен делу партии и пролетарской революции. Он работал в Сибири и, наконец, в 1915 г. переехал в Самару, где работал на заводе фрезеровщиком и вел большевистскую партийную работу.

В годы гражданской войны В. В. проявил блестящие военные дарования. Он руководил борьбой с чехословацкими бандами на Волге, работал в качестве комиссара и члена Революционного военного совета 1-й и 4-й красных армий на востоке и на других фронтах.

Всюду и везде он проявлял блестящие таланты организатора и руководителя с непреклонной волей и заряженного неистощимой энергией. Он всюду и везде, на всех постах, являлся верным, последовательным и достойным учеником и соратником Ленина и Сталина.

В особенности блестящие организаторские таланты В. В., как партийного и государственного деятеля, получили полное и всестороннее развитие и применение в эпоху восстановления народного хозяйства и строительства социализма в СССР.

Владимир Ильич всегда поручал В. В. Куйбышеву такие вопросы, в разрешении которых были необходимы исключительная четкость и предельная исполнительность. Об этом красноречиво свидетельствуют сохранившиеся многочисленные записки Владимира Ильича к В. В., опубликованные в «Ленинских сборниках». Вот, например, в 1921 г. поступило предложение об организации в Кузбассе «автономной индустриальной колонии Кузбасса». Владимир Ильич подчеркивает в своей записке: «Договор нужен архи-точный». И В. В. Куйбышев неизменно обеспечивал действительно архи-точное и до конца четкое выполнение того, что было поручено партией.

В. В., конечно, никогда не забывал далекой Сибири и г. Омска, где он впервые получил революционную закалку. В 1931 г. учащиеся и преподаватели омского педагогического техникума обратились к В. В. Куйбышеву с просьбой присвоить его славное имя этому техникуму. В. В. немедленно ответил телеграфно о своем согласии и, обращаясь к учащимся, выразил уверенность, что они будут воспитываться в духе марксизма-ленинизма и станут твердыми ленинцами.

Таким твердым, непреклонным и непримиримым ленинцем до конца своей жизни был и остался В. В. Куйбышев.

М. Ф. Злотников

К вопросу об изучении истории рабочего класса и промышленности

(Критика «Русской фабрики» М. И. Туган-Барановского)

Историю промышленности России довольно часто еще и в настоящее время изучают и излагают по известной работе М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем» Между тем эта работа, как и другие работы Туган-Барановского по истории промышленности России, в которых легальный марксизм развил свою «объективную» концепцию истории русской промышленности, требуют весьма критического отношения. Как известно, легальный марксизм выхолащивал революционную сущность учения Маркса, приспосабливая его для буржуазии. Во многих случаях Туган-Барановский в своих работах вводит немарксистские положения, извращает действительный исторический процесс, опускает разрешение некоторых существенных вопросов в истории промышленности России и, что особенно важно подчеркнуть, затушевывает классовую борьбу рабочих с эксплоататорами. Легальный марксизм и не стремился, как указывал В. И. Ленин, «вскрывать в каждой конкретной стадии» процесса капиталистического развития «присущую ему форму классового антагонизма» [1].

Методологические и источниковедческие приемы Туган-Барановского зачастую отличаются своей примитивностью и несовершенством. В его работах мы встречаем некритическое отношение к источникам, недостаточное и неправильное их использование, неправильные методологические приемы при разработке материала, фетишизацию документов, отсутствие классового анализа содержания источника. Все это, конечно, ведет к искажению исторического процесса развития промышленности и рабочего класса.

В настоящей работе мы и рассмотрим, как изучал Туган-Барановский историю русской промышленности, какие неправильные методологические и источниковедческие приемы он применял и к каким неверным выводам он пришел по некоторым существеннейшим вопросам в истории этой промышленности и в истории рабочего класса.

Прежде всего в работах Туган-Барановского поражает некритическое отношение к изучаемым им источникам. Зачастую автор верит им на слово, не пытаясь даже поставить вопрос о критической оценке источника и его содержания. Такое некритическое отношение к источникам ведет к неверным выводам. Вслед за Туган-Барановским эти неверные выводы повторили и многие другие исследователи, которые заимствовали у него свой материал для исследовательских работ, учебников и хрестоматий.

---

[1] Ленин, Сочинения, 3 изд., т. I, стр. 375.

Особенно поразительно то доверие, которое питает Туган-Барановский к русской официальной статистике феодально-крепостного периода. Рассмотрим один из наиболее разительных примеров такого некритического отношения историка русской фабрики к официальной статистике, проявленного им при изучении вопроса о количестве «фабрик» в России в феодально-крепостной период. Нет нужды говорить о том, какое важное значение имеет для исследователя истории русской промышленности правильная разработка соответствующих статистических данных. А между тем вопрос о количественном составе «фабрик» феодально-крепостной России остался после работы Туган-Барановского в таком же неразработанном виде, в каком находился и до выхода его работы. Посмотрим, что по этому вопросу имелось в русской исследовательской литературе до выхода работы Туган-Барановского. Обычно разные авторы приводили самые разнообразные данные о количестве фабрик. Впрочем, для XVII века общих цифровых данных вовсе не давалось, для первой четверти XVIII века указывались данные, взятые из работы Кириллова, без анализа этих данных; для второй половины XVIII века приводились самые разнообразные данные, почерпнутые из разных источников опять-таки без всякой критической проверки. Так, например, Семенов указывал для 1761 года 201 «фабрику», для 1765 года 262 «фабрики», а для 1776 года 478 «фабрик»[1]. Другой историк русской промышленности, Бурнашев, насчитывал в 1762 году 984 «фабрики и завода» (не считая горных), а в 1796 г. — 3.161[2]. Для первой половины XIX века просто переписывались данные официальных отчетов без всякой их критики. Как видим, для начала периода замечается недостаточность данных, для середины — необычайное разнообразие данных и расхождение среди исследователей, а для конца — слепое следование официальной статистике без всякой попытки критически к ней отнестись. Чем же вызвана эта неполнота и расхождение в статистических данных? Эта неполнота и расхождение в цифровых данных по русской промышленности отчасти объясняется неразработанностью архивных материалов и неполнотой статистических данных в официальной статистике тех учреждений, какие ведали тогда русской промышленностью. Отчасти же причина лежала в методологической неразработанности вопроса, что считать тогдашней «фабрикой», или — как правильнее называть — мануфактурой. Исследователи не устанавливали четко, что включать под понятие мануфактуры того времени. Вследствие этого они часто включали в число «фабрик» все зарегистрированные тогдашней официальной статистикой промышленные предприятия, в том числе и заведения мелкой промышленности.

Казалось бы, что историку русской фабрики, приступившему к серьезному изучению истории русской промышленности, надлежало бы прежде всего поставить вопрос о критической оценке русской официальной статистики феодально-крепостного периода, подвергнуть решительной критике свои архивные материалы и одновременно выяснить вопрос о том, что же следует разуметь под «фабрикой», которую он начинает изучать. Тем более это возможно было сделать Туган-Барановскому, если не для первого, то для второго издания своего труда: тогда уже выходили работы В. И. Ленина, в которых была дана

[1] Семенов «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности» СПБ, 1859, т. III, прил. 4. См. также текст работы.

[2] Бурнашев (В. Б-шев) — «Опыт истории мануфактур в России» СПБ, 1833 г., стр. 18, 28.

превосходная критика хаотического состояния русской официальной промышленной статистики[1]. Ленин отмечал неполноту, сбивчивость статистики и подведение под рубрику фабрик всяких мелких промышленных предприятий. Ленин же давал и указания, как разобраться в этой неправильной статистике русских правительственных учреждений. В. И. Ленин указывал, что понятие «фабрики» применяется нашей фабрично-заводской статистикой самым хаотическим образом. Поэтому необходимо прежде всего установить какой-либо точный признак понятия «фабрика». В качестве этого признака он берет наличность числа рабочих в заведении не менее 16[2].

Это указание Ленина вполне правильно было применить и к русской мануфактуре всего изучаемого Туган-Барановским периода. Для 60-х годов XIX века Ленин его применял, а тогда немалое количество фабрик по сути были, как он и указывал, мануфактурами. Само собою разумеется, что в этих предприятиях имелось разделение труда — основной признак мануфактуры[3].

Пользуясь указаниями В. И. Ленина, Туган-Барановскому, казалось, легко было бы подойти и к изучению статистических данных по истории русской промышленности. Однако, он этого не сделал. Наоборот, в своих работах по истории русской промышленности феодально-крепостного периода он повторил все ошибки своих предшественников в отношении официальной статистики. Туган-Барановский даже не ставит вопроса о том, что он разумеет под мануфактурой, которую он неточно именует «фабрикой» в своей работе. А между тем выяснение понятия «фабрика», а точнее мануфактура, в изучаемый им период для него было обязательным прежде всего. Однако, в этом вопросе он слепо следует за своими источниками, без всякого различия применявшими к разным формам промышленности оба термина: и мануфактура, и фабрика. Точно так же слепо следует Туган-Барановский за своими источниками и в определении количественного состава «фабрик» феодально-крепостной России вместо того, чтобы выяснить причины расхождения источников и подвергнуть критике заключающиеся в них данные.

Посмотрим, что дает историк русской фабрики по этому вопросу в своей работе. Для XVII века Туган-Барановский вовсе не приводит данных, так как историю русской «фабрики» он не совсем основательно начинает с XVIII века[4]. Для конца 1-й четверти XVIII века Ту-

---

[1] Сборник статей В. И. Ленина — «Экономические этюды и статьи», где помещена статья «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике», печатался в 1898 г. (см. Сочинения Ленина, 3-е изд., т. II, стр. 197). В том же году вышло и первое издание работы Туган-Барановского «Русская фабрика». Работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» первым изданием вышла в 1899 г. Если не для первого, то для второго издания «Русской фабрики», которое вышло в 1900 г., Туган-Барановский легко мог воспользоваться критикой официальной промышленной статистики, какую дал В. И. Ленин.

[2] Ленин. «Развитие капитализма в России». Издание 1923 г., стр. 327.

[3] Пользуясь указаниями В. И. Ленина в своей работе при изучении промышленности, предприятия с числом рабочих до 15 относим к мелкой промышленности, предприятия с числом рабочих от 16 до 100 — к средней промышленности и предприятия с числом рабочих свыше 100 — к крупной. Предприятия средней и крупной промышленности, базисом которых является ручная техника и которые имеют разделение труда, мы относим к мануфактурам.

[4] Туган-Барановский для XVII века ограничивается лишь следующим замечанием: «Если не считать некоторых единичных попыток устройства фабрик и заводов в XVI и XVII веке иностранцами и изредка богатыми боярами при поддержке правительства, то можно сказать, что допетровская Русь совсем не знала фабричного производства (см. «Русская фабрика», стр. 11, издание «Московский

ган-Барановский без всякой критики принимает цифры Кириллова — 233 казенных и частных «фабрик» и в своей основной работе и в своей статье 1911 года «Крепостная фабрика»[1]. Давая эту цифру, Туган-Барановский и не заметил, когда изучал свой печатный источник, что у Кириллова в числе 233 «фабрик» имеются например, такие «фабрики», как «овчарный завод», соляные варницы и т. п.[2]. Более тщательный просмотр хотя бы только данных Кириллова дал бы ему возможность установить всего лишь до 195 «фабрик и заводов» по этому источнику.

Для 2-й половины XVIII века Туган-Барановский повторяет цифры, приведенные Бурнашевым: в 1762 году насчитывалось 984 «фабрик и заводов» (не считая горных), а в 1796 году — 3.161[3]. Какие же основания приводит он, принимая цифры Бурнашева? «Цифру частных фабрик, — пишет он, — в XVIII веке установить очень трудно. В известном сочинении Семенова «Изучение российской внешней торговли и промышленности» показана для 1761 г. 201 фабрика, для 1776 г. — 478 фабрик. Эти цифры перепечатаны в «Военно-статистическом сборнике» и других статистических изданиях. Между тем, не может быть сомнения, что цифры Семенова совершенно ошибочны и в несколько раз ниже действительных. В «Материалах для истории и статистики мануфактурной промышленности России» («Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», 1865 г., т. II), составленных на основании подлинных архивных ведомостей прошлого столетия, число фабрик в год воцарения Екатерины определено в 984, а в год вступления Павла — в 3.129. Приводимые в тексте цифры взяты из «Очерка истории мануфактур в России» В-ра Б—шева (В. Бурнашева), СПБ., 1833, стр. 16 и 26, составленного также по архивному материалу. Цифры Бурнашева заслуживают бо́льшего доверия, чем цифры «Материалов», так как в последнем источнике при перечислении фабрик по отдельным производствам встречаются грубые опечатки или ошибки»[4].

Однако такого рода критика источников еще совершенно недостаточна и в свою очередь не выдерживает никакой критики. Цифры Бурнашева, по мнению Туган-Барановского, заслуживают большего доверия лишь потому, что в них нет опечаток, какие имеются в другом источнике — «Сборнике сведений и материалов по ведомству министерства финансов», составленном также по «архивным ведомостям». Между тем критике подлежали не только цифры Бурнашева или напечатанные в упомянутом «Сборнике», а сами архивные источники и их данные, из которых и Бурнашев и «Сборник» черпали свой материал. Однако пиэтет перед архивными источниками настолько велик у Туган-Барановского, что он даже не поднимает вопроса о возможности их критики. Наоборот, подкрепляя свое предпочтение цифр «фабрик и заводов», указанных у Бурнашева, всем другим, Туган-Ба-

---

рабочих». М., 1922 г.) В статье «Крепостная фабрика» Туган-Барановский пишет: «История нашей крупной промышленности начинается с Петра» (см. «Великая реформа», т. III, стр. 131). Это, конечно, не совсем так. Во второй половине XVII века в стране можно насчитать до 20 горных заводов и несколько мануфактур.

[1] Туган-Барановский. «Русская фабрика», стр. 14, его статья «Крепостная фабрика» помещена в «Великой реформе», М. 1911 г., т. III, стр. 141.

[2] Кириллов. «Цветущее состояние Всероссийского государства». М. 1831 г., книга I, стр. 105; кн. II, стр. 120, 130 и др.

[3] Туган-Барановский не оговорил, что сюда, помимо горных, не внесены также и винокуренные заводы.

[4] Туган-Барановский. «Русская фабрика», стр. 41.

рановский подчеркивает, что они составлены «также по архивному материалу». Между тем решительной критике подлежал сам архивный материал. Проверка данных, приведенных Бурнашевым и «Сборником», хотя бы по материалам, находящимся в портфелях Миллера, несомненно известным Туган-Барановскому, и по данным, имеющимся в работе Чулкова в «Историческом описании российской коммерции», которой историк русской фабрики пользовался, позволила бы ему дать более приближающуюся к действительности цифру «фабрик и заводов» для 2-й половины XVIII века. В конце 60-х и начале 70-х годов XVIII века в России можно насчитать около 420 мануфактур без горных заводов[1]. Вместе же с горными заводами мануфактур было около 590[2]. Цифра 984 «фабрики» для 1762 г. у Туган-Барановского несомненно преувеличена. Эта проверка позволила бы также историку русской фабрики более критически отнестись и к цифре «фабрик», приведенной его источником и им повторенной, указывающей, что для конца XVIII века, когда, по словам Туган-Барановского, в России имелась 3.161 «фабрика». В эту цифру Туган-Барановский без всякого основания вслед за своим источником ввел около 2.000 мелких промышленных заведений, именуя их «фабриками». При этом в число «фабрик» у Бурнашева, а вслед за ним и у Туган-Барановского, попали такие предприятия, как «овчарные заводы», какие Бурнашев ввел в свой подсчет[3].

Некритическое отношение к своим источникам и отказ от определения понятия «фабрика» повели к тому, что Туган-Барановский вслед за своими источниками и в данных XVIII века и в данных 1-й половины XIX века смешал в одну кучу мелкие, средние и крупные промышленные предприятия, именуя их одинаково «фабрикой». Отсюда у него произошли и крупнейшие ошибки в выводах по истории русской промышленности, которые мы разберем в дальнейшем. Смешение такого рода промышленных предприятий — характерная черта как русской официальной статистики изучаемого периода, так и «Русской фабрики» Туган-Барановского. Рассмотрим это подробнее на данных начала XIX века.

По указанию Туган-Барановского, в России в 1804 году имелось 2.423 «фабрики», на них было 95.202 рабочих, из коих 45.625 человек были вольнонаемными[4].

Откуда взял эти цифры для 1804 года историк русской фабрики, которые вслед за ним приводятся и некоторыми другими исследова-

---

[1] Цифра мануфактур приведена по тем отраслям промышленности, какие изучает Туган-Барановский в своей «Русской фабрике». Винокуренные заводы сюда не входят.

[2] ГАФКЭ. Портфели Миллера, № 385; Чулков «Историческое описание российской коммерции», т. VI, кн. 2-я, стр. 549—619; т. VI, кн. 3-я, стр. 591—712. Подробное изучение статистических данных дано нами в нашей работе, приготовленной к печати: «Очерки по истории промышленности и рабочего класса в крепостной России». Следует отметить, что для XVIII века Туган-Барановский совершенно уклонился от изучения горной промышленности, хотя никаких принципиальных оснований для этого нет, если поставить себе целью изучение истории «Русской фабрики».

[3] В. Бурнашев. Ук. соч.; в своей таблице «фабрик» 1796 года Бурнашев указывает 15 овчарных заводов, см. стр. 28.

[4] Туган-Барановский. Ук. соч., стр. 70. Здесь Туган-Барановский совершенно не оговаривает, что в эту цифру не входят горные, винокуренные и пивоваренные заводы. Это вводит в заблуждение некоторых авторов, приводящих указанные цифры в отношении всех отраслей промышленности. В некоторых других случаях Туган-Барановский такую оговорку делает, например, к таблице промышленных предприятий 1815—1861 гг. на стр. 64.

телями. Цифры эти взяты Туган-Барановским из работы Семенова, а последний почерпнул их из отчета за 1804 год министерства внутренних дел, ведавшего тогда промышленностью. При этом данные взяты Туган-Барановским слепо, без всякой проверки. Между тем эта статистика неверна. Она страдает неполнотой в отношении крупных предприятий и введением в число «фабрик», а правильнее мануфактур, мелких предприятий ремесленного и кустарного типа в весьма большом количестве. Совершенно не верна она и в отношении числа рабочих, о чем будем говорить далее. Как было уже отмечено, эти данные почерпнуты из отчета министерства внутренних дел. Таким образом они являются ведомственной статистикой. Они относятся лишь к тем «фабрикам и заводам», которые находились в ведении министерства внутренних дел, да и то, как сейчас увидим, не полностью их охватывали[1].

В этот подсчет не вошли статистические данные об одной из главнейших тогда отраслей промышленности, а именно, горной, которая находилась в ведении министерства финансов. Не вошли сюда и данные о мануфактурах военного ведомства, кабинета и др. Впрочем, даже в отношении министерства внутренних дел эта статистика не охватила всех промышленных предприятий. Так, например, в ней нет данных о винокуренных заводах, подчиненных тогда тому же министерству внутренних дел, но по другому отделению, а именно по отделению земледелия и населения[2]. Не вошли сюда и данные о количестве свечных, мыловаренных и салотопленных заводов, подчиненных министерству внутренних дел по тому же самому отделению, которое ведало и остальными «фабриками и заводами», т. е. по отделению мануфактур. Впрочем, среди этих отраслей имелись в подавляющем большинстве случаев мелкие заведения.

С другой стороны, эта статистика, как было уже отмечено, смешала в одну массу мелкие промышленные заведения и мануфактуры. Приведем примеры того, что статистика конца XVIII и начала XIX веков заносила под общее наименование «фабрик и заводов». Посмотрим, каковы иногда были тогдашние суконные «фабрики».

Вот, например, ведомость о суконном предприятии одного помещика Минской губернии конца XVIII века. На нем рабочих 3 человека, изготовляло оно 100 аршин сукна и 60 арш. байки. Владелец предприятия в ведомости пишет так: «В производстве оной фабрики не положено никакого капитала, голос не купляется, ибо со своих овец берется, мастер суконник свой подданный, а учеников двое». У другого помещика в Прилуцком уезде «Малороссийской» губернии на «фабрике» имелся 1 стан и было изготовлено в полгода 250 аршин простого сукна «на домашний обиход» для «одеяния дворовых». Наконец, перед нами «фабрика» немца Нелера в Минске: на ней работало всего 2 человека, в том числе сам хозяин; в другое время на ней

---

[1] «Генеральная ведомость о всех в государстве фабриках и заводах в 1804 г.», изд. министерством внутренних дел, перечисляет следующие производства: суконное, шляпное, шелковое, мыловаренное, свечное, воскобойное, кожевенное, ла[illegible], хлопчатобумажное, полотняное, канатное, уксусное, писчебумажное, табачное, цикорное, сахарное, пудряное и крахмальное, табакерочное, позументное, стальное, игольное, железное и чугунное, медное и пуговичное, красочное, фарфоровое и фаянсовое, хрустальное и стеклянное, купоросное и нашатырное.

[2] Между тем в числе винокуренных заводов, помимо частных, имелись крупные казенные предприятия.

имелось 4 рабочих [1]. Таким образом, обычная ремесленная мастерская или производство у помещика на «домашний обиход» именовались в официальных ведомостях «фабрикой» и под таким именем заносились в официальные отчеты.

Среди хлопчатобумажных «фабрик» мы в ведомости 1813—14 гг. встречаем, например, такую «фабрику», как предприятие крестьянина Туманова в селе Иванове, на которой имелся 1 стол, работал 1 человек и в год было изготовлено 880 платков. По той же ведомости можно насчитать 34 хлопчатобумажных «фабрики» с 1 рабочим, 19 «фабрик» — с 2 рабочими, 28 «фабрик» с 3 рабочими и т. п. [2]. Ясно, что мы имеем здесь мелкие предприятия, которые старая статистика объединяла в одну группу с мануфактурами.

Теперь посмотрим, каковы были кожевенные предприятия, какие заносились мануфактур-коллегией, а затем и министерством внутренних дел под рубрику «фабрик и заводов». По ведомости, поступившей в мануфактур-коллегию, кожевенная «фабрика» Х. Ральфа в городе Софии описывается так: «При означенной фабрике мастеровых, подмастерьев, учеников и в простых работах никаких людей не имеется, только сам содержатель фабрики работу производжу» [3].

Как видим, ремесленная мастерская, да еще и очень мелкая, именуется фабрикой. В отношении кожевенных заводов это повторяется очень часто. Так, например, официальная ведомость 1813—1814 гг. отнесла к числу «фабрик и заводов» 126 кожевенных заведений, которые совершенно не имели рабочих. Работы на них, как отмечено в ведомости, производили сами хозяева с семействами [4].

Таковы же данные министерства внутренних дел и по ряду других отраслей. Так, среди шляпных «фабрик» мы встречаем следующую «шляпную фабрику» в селе Киселеве Московской губ. крестьян Афиногенова и Семенова, крепостных людей майора Бахметьева: на ней в числе работающих перечислены 2 хозяина «фабрики» и 2 рабочих. Как видим, мелкое крестьянское производство именуется здесь «фабрикой». Отнесено к числу шляпных «фабрик» и такое шляпное заведение в Минске, в котором работал один только мастер, других рабочих там не было [5]. Таким образом и здесь простая ремесленная мастерская попала в число фабрик.

Еще меньше могли разобраться центральные ведомства, а также губернские и уездные власти того времени, собиравшие и представлявшие в центр статистические сведения по промышленности, в заведениях мелких производителей, работавших на скупщика или же являвшихся внешними отделениями крупных мануфактур. Так, например, в ведомости о «фабриках» Владимирской губ. конца XVIII в. перечислено в качестве «фабрик» до трех десятков заведений крестьян казенного села Бибирева, вырабатывавших пестрядку и дрель. И вот оказывается, что эти крестьяне — «фабриканты» свой «товар по сделании» доставляют переяславскому купцу А. Темерину, от которого и «матерьялы получают» [6]. Этот Темерин был тогда крупным мануфак-

---

[1] ЛОЦИА. Фонд мануфактур-коллегии, св. 425, №№ 40, 42, 44.

[2] Ведомость о мануфактурах 1813—1814 гг. СПБ, 1816 г.

[3] ЛОЦИА. Фонд мануфактур-коллегии, св. 431, № 15, см. еще №№ 44, 45, 46—55 и др.

[4] Ведомость о мануфактурах 1813—1814 гг. СПБ, 1816 г., отдел кожевенных заводов.

[5] ЛОЦИА. Фонд мануфактур-коллегии, св. 429.

[6] ЛОЦИА. Гл. прав. м-р, д. № 130, лл. 10—12.

лристом. У него имелась крупная льноткацкая мануфактура в Переяславле Залесском с 292 станами. Рабочих у него числилось более 500 человек. В действительности «фабрики» крестьян с. Бибирева были внешними отделениями мануфактуры Темерина.

Посмотрим другую полугодовую ведомость, поступившую в мануфактур-коллегию от «фабриканта» Бориса Караваева о состоянии его позументной и мишурной «фабрики». «Означенная фабрика, — говорится в ведомости, — производится в собственном доме в Дмитрове» (размер ее 4 × 4 метра). Она выработала 3.000 аршин (позументов и мишуры) на 178 руб. «Сие мастерство, — пишет далее «фабрикант», вырабатывается своим семейством с получением по договору за каждый аршин за широкие (изделия) по 7, а за узкие по 5 копеек, по какой же цене означенная мишура и позументы по оценке хозяину стоит, я, сведении не имея, показать не могу»[1]. Как видим, и здесь перед нами не самостоятельное предприятие, а работа на скупщика, или же внешнее отделение мануфактуры крупного предпринимателя. Подобные многочисленные примеры «фабрик» мы встречаем в ряде отраслей тогдашней промышленности.

Таким образом, тогдашняя статистика, и мануфактур-коллегия, и министерство внутренних дел вносили в число фабрик и заводов» разные формы промышленности. Подобное смешение встречается очень часто в официальных ведомостях и отчетах. Например, в одном из наиболее значительных изданий начала XIX века — «Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы», мы наблюдаем смешение всех форм промышленности, объединяемых издателями «Ведомости» в одну рубрику «фабрик», или мануфактур, что для издателей одно и то же. Ремесленная мастерская, мелкое крестьянское производство, заведение кустаря, работающего на скупщика, внешнее отделение мануфактуры и, наконец, сама мануфактура, — все это издателями отчета именуется «фабрикой». При этом следует отметить, что издатели «Ведомости» в своем предисловии указывают, что многие из помещенных в отчете мануфактурых заведении не суть «фабрики», а «станы и рукоделия». Но затем в таблицах все эти «станы и рукоделия» отнесены к «фабрикам и заводам». Интересно при этом отметить, что указать в предисловии на наличие «станов и рукоделий» в числе «фабрик» побудило издателей «Ведомости» вовсе не стремление подчеркнуть различные формы тогдашней промышленности, а необходимость разъяснить юридический момент: принадлежность «фабрик» лицам, не имевшим по тогдашнему городовому положению права владеть этими предприятиями, а именно, купцам 3-ей гильдии, мещанам, крестьянам, цеховым, посадским. Для этого издатели «Ведомости» и поясняют, что «мануфактурные заведения сии не суть фабрики, а станы и рукоделия, кои всем и каждому иметь предоставлено».

Вслед за издателями «Ведомости о мануфактурах 1813—1814 гг. продолжали вносить в число «фабрик и заводов» разные формы промышленности и позднейшие официальные отчеты. Ясно, что при таком положении статистических данных в официальных отчетах Туган-Барановскому необходимо было произвести строгую критику своих источников и проверить их выводы. Между тем Туган-Барановский этого не сделал. Он слепо пошел за своими источниками, хотя некоторые из них, казалось, должны были бы вызвать у него сомнение в правильности подсчета числа «фабрик» официальной статисти

[1] ЛОЦИА. Фонд мануфактур-коллегии, св. № 46, 56 и др.

кой. Так, например, «Ведомость о мануфактурах 1813—1814 гг.», которой Туган-Барановский пользовался, и которая, как мы видим, уже отмечала, что не все перечисленные ею «фабрики» являются таковыми. При более критическом отношении к своим источникам историк русской фабрики мог избежать неправильной статистики официальных отчетов.

По нашему подсчету, конечно, лишь приблизительному, так как полностью материалы не сохранились, в России в 1804 г. имелось среди учтенных официальной статистикой около 1.000 мануфактур в той промышленности, которую изучает Туган-Барановский и в которой он насчитал 2.423 «фабрики». Вместе же с горными заводами мануфактур было около 1.200[1].

Остальные предприятия, именуемые Туган-Барановским «фабриками», к мануфактурам не могут быть отнесены. Это либо мелкие промышленные заведения ремесленников, либо мелкие крестьянские производства, либо внешние отделения мануфактур, либо заведения, работавшие на скупщика. Таким образом, Туган-Барановский, слепо идя за источниками, необычайно значительно преувеличил для начала XIX века число изучаемых им «фабрик».

Такое же некритическое отношение проявляет историк русской фабрики и к данным всей первой половины XIX века. Так, например, он вслед за официальной статистикой повторяет, что в 50-е годы XIX века в России имелось свыше 10—12 тыс. «фабрик и заводов», тогда как в действительности в этой цифре было весьма большое количество мелких промышленных заведений, а вовсе не фабрик. В общем, цифры, приведенные Туган-Барановским о количестве «фабрик», не дают правильного представления о количественном составе русской мануфактуры ни в XVIII в., ни в первой половине XIX века. Исследователь слепо шел за своими источниками и не пытался отнестись критически к русской официальной статистике феодально-крепостного периода, которая совершенно случайно и произвольно относила к фабрикам разные формы промышленности.

Теперь обратимся к выяснению количества рабочих в промышленных предприятиях. Цифра 95.202 рабочих, приведенная Туган-Барановским, явно преуменьшает общее число рабочих, имевшихся в тогдашней промышленности в 1804 г. Она, как было уже отмечено, относится лишь к тем «фабрикам и заводам», какие находились в ведении министерства внутренних дел. К тому же здесь данные не полны, так как не по всем предприятиям давались сведения о числе рабочих. Впрочем, эту цифру мы можем принять для тех отраслей промышленности, которые перечислены в генеральной ведомости министерства внутренних дел, даже если выключим из подсчета «фабрик» мелкие заведения, так как число рабочих на них слишком незначительно и покрывается тем недоучетом рабочих, какие встречаются по мануфактурам. К этой цифре необходимо прибавить группу рабочих горных заводов, бывшую тогда самой многочисленной, и количество рабочих на казенных мануфактурах, по каким у нас имеются данные. В общем мы получаем, что в тогдашней промышленности можно насчитать прибли-

[1] Подробнее статистические данные по этому вопросу рассмотрены в нашей работе, приготовленной к печати: «Очерки по истории промышленности и рабочего класса в крепостной России».

зительно 224.882 рабочих[1]. Кроме того, приписных крестьян числилось при горных заводах 253.720 человек. Конечно, в числе рабочих имелись не только рабочие, работавшие на централизованных мануфактурах, но и некоторая часть рабочих, занятых работой на предпринимателя на дому. Указанная нами цифра несомненно неполна, однако, отсутствие и неразработанность архивных данных не позволяет в настоящий момент дать более полную цифру. Насколько неполна наша цифра, показывают данные V ревизии (1796 года), по которой «мастеровых при фабриках и заводах» насчитывалось 389.606 человек[2].

Теперь необходимо внести еще одну поправку в отношении рабочих. Туган-Барановский, а за ним и некоторые другие исследователи, процент вольнонаемных рабочих в начале XIX века подсчитывают на основании уже разобранной нами официальной статистики министерства внутренних дел. Из общей цифры 95.202 рабочих ведомость министерства, из которой Туган-Барановский и другие исследователи заимствуют свои данные, указывает 45.626 человек вольнонаемных и 49.597 крепостных и поссессионных рабочих[3]. Таким образом на основании этих данных вольнонаемных рабочих было 48%, а подневольных — 52%[4]. Однако этот подсчет вольнонаемных рабочих не дает правильного представления о соотношении вольнонаемного и подневольного труда в начале XIX века. Ведь он касается не всех рабочих, а лишь тех, какие были заняты в отраслях промышленности, находившихся в ведении министерства внутренних дел. Наш подсчет — конечно, только приблизительный — дает следующее соотношение между вольнонаемным и подневольным трудом в промышленности начала XIX века. Из общего числа 224.882 рабочих вольнонаемных было 61.600 чел., а подневольных — 163.282 человека. Таким образом вольнонаемные рабочие составляли всего лишь 27,5%, а подневольные — 72,5%. Как видим, промышленность России начала XIX века была более крепостной, чем указывают Туган-Барановский и некоторые другие исследователи. Почти три четверти ее рабочих были люди подневольного труда.

Некритическое отношение Туган-Барановского к своим источникам и неправильные методологические приемы, употребленные им при разработке материала, привели его к неверному выводу и по вопросу об эволюции русской промышленности и об отношении крупной и мелкой промышленности в середине XIX века. Этот свой весьма оригинальный вывод Туган-Барановский излагает в своей основной работе в главах «Развитие промышленности в дореформенной России» и «Фабрика и кустарная изба», а затем повторяет его в своих статьях. По мнению историка русской фабрики, в конце первой половины XIX века мелкая промышленность побеждает в России крупную. «Кустарь, — говорит Туган-Барановский, — бил по всем пунктам фабриканта»[5]. В это время, по его словам, мелкое производство оказалось

[1] На винокуренных заводах число рабочих неизвестно. Мы полагаем, что в них работало тогда около 20.000 рабочих. До проверки этой цифры мы ее в подсчет не вводим.

[2] ЛОЦГИА. А. М. Ф., 2 отд., 1 разряд, № 19. Разработка данных ревизий XVIII и первой половины XIX века, какую мы начали, даст возможность в дальнейшем точнее выяснить количественный состав рабочего класса крепостной России.

[3] В ведомости мин. вн. дел общий итог и итог вольнонаемных рабочих на 1 человека больше, чем у Туган-Барановского.

[4] Туган-Барановский. Ук. соч., стр. 70, 73.

[5] Туган-Барановский. «Русская фабрика». Издание «Московский рабочий», 1922 г., стр. 64 и стр. 183.

сильнее крупного и «стало вытеснять крупное»[1]. «Крупное капиталистическое производство, — говорит он в другом месте, — решительно теряло свои позиции, а самостоятельное кустарное домашнее ткачество, всецело созданное фабрикой, торжествовало победу»[2]. В общем, делает заключение Туган-Барановский, «фабрика» разлагалась и кустарь торжествовал победу; происходило «вытеснение крупного производства мелким, раздробление промышленности»[3]. Этот свой вывод о своеобразном ходе русской промышленной эволюции повторяет Туган-Барановский и в своей статье «Война 1812 г. и промышленное развитие России», вышедшей в 1912 году. «Французский год (1812), — пишет он, — ускорил ту промышленную эволюцию, которая определялась общими условиями русского хозяйственного развития, — эволюцию, выражавшуюся в росте кустарной промышленности за счет фабричной, что было характерно для России 1-й половины XIX века»[4]. При этом Туган-Барановский особенно подчеркивает процесс раздробления промышленности в хлопчатобумажной и полотняной отраслях. Этот свой совершенно неверный тезис, идущий вразрез с марксистским пониманием процесса развития крупной промышленности, Туган-Барановский пытается обосновать в своей «Русской фабрике» показаниями фабрикантов, жаловавшихся на конкуренцию кустарей, и статистическими данными. Но источники, содержащие вопли фабрикантов о засильи кустаря, в данном случае не надежны. Они слишком субъективны и доказательством тезиса Туган-Барановского служить не могут. Крупный промышленник может вопить о засильи мелкого даже тогда, когда душит последнего. Недостаточность такого рода доказательств, почерпнутых из показаний фабрикантов, очевидна. Поэтому Туган-Барановский пытается доказать свой тезис о раздроблении «фабрики» в середине XIX века статистическими данными. Это доказательство, которое, повидимому, является для него главным, как раз и вызывает серьезные сомнения. Оно неверно. Дело в том, что статистическое доказательство Туган-Барановского основано на некритическом пользовании материалом и неправильном методологическом приеме, который употребил историк русской фабрики. Здесь подвело его слепое следование официальной статистике. Было уже отмечено, что Туган-Барановский вслед за официальной статистикой смешивал в одну кучу мелкую, среднюю и крупную промышленность. Как мы видели, это он проделал в отношении промышленности XVIII в. и начала XIX века. Это он продолжает делать и для 1810—1850 годов. В главе «Развитие промышленности в дореформенной России» он приводит таблицу числа «фабрик и заводов» в стране с 1815 по 1861 год[5]. Таблицу эту Туган-Барановский составил на основании официальных источников: «Статистических ведомостей о состоянии российских мануфактур» за 1815—1820 гг. и архивных «Отчетов департамента мануфактур и внутренней торговли» за 1825—1861 гг., выписывая из них цифры «фабрик и заводов» без всякой критической оценки этих данных. Получилась, по его мнению, таблица, которая дает правильное представление о процессе развития русской «фабрики» за рассматриваемый период. Таблица эта такова (ввиду больших раз-

[1] Туган-Барановский «Русская фабрика» Изд. «Моск. раб.», 1922 г., стр. 197.
[2] Там же, стр. 179.
[3] Там же, стр. 190.
[4] «Отечественная война и русское общество» М. 1912 г., т. VII, стр. 108, 109, 110.
[5] Туган-Барановский. «Русская фабрика», стр. 64.

меров таблицы, мы приводим ее здесь в извлечении, а именно лишь за те годы, которые наиболее важны для доказательства тезиса Туган-Барановского):

Годы	Число фабрик	Число рабочих	На одну фабрику рабочих
1815	4 189	172 882	41
1825	5 261	210 568	40
1836	6 3 2	324 203	51
1839	6 894	454 980	66
1843	6 813	466 579	68
1844	7 399	469 211	63
1849	9 172	495 364	54
1850	9 848	501 6[illegible]9	51
1854	9 944	459 637	46
1858	12 259	548 921	45
1861	14 148	522 500	37

Поделив общее число рабочих на число «фабрик» за изучаемые годы, Туган-Барановский находит подтверждение своему тезису. Так, на 1 «фабрику» в 1815 году приходился 41 рабочий, в 1825 году — 40, в 1836 г.—51, в 1839 году—66, в 1843 году—68, в 1844 году—63, в 1849 году — 54, в 1850 году — 51, в 1854 году — 46, в 1858 году — 45, в 1861 году — 37. Отметив, что среднее число рабочих, приходившихся на одну «фабрику», вначале растет, а затем начинает падать, Туган-Барановский и делает свой вывод, что «до 40-х годов фабричное производство энергично развивалось и сами фабрики становились крупнее, с конца 40-х годов рост фабричного производства приостановился и фабрики стали раздробляться»[1]. Однако вывод этот, как мы отмечали, неверен. Прием, который употребил Туган-Барановский для получения среднего числа рабочих, приходившихся на 1 «фабрику», совершенно ненаучен и недопустим. Здесь Туган-Барановский, проявивший полную беззаботность относительно выяснения понятия «фабрика», слепо пошел за своими источниками и выписал в свою таблицу все те «фабрики», какие имелись в официальных отчетах за соответствующие годы. А как мы уже ранее видели, официальная статистика в число «фабрик», точнее мануфактур, заносила не только предприятия крупной и средней промышленности, но и мелкой. При этом необходимо отметить, что чем ближе к середине XIX века, тем большее количество мелких заведений охватывалось правительственным учетом и попадало в официальных отчетах в «фабрики». Отсюда число «фабрик» разбухло к середине XIX века до невероятной цифры в 10—14 тыс. «фабрик». Кроме того, в официальные отчеты, начиная с середины 40-х годов и особенно в 1850-е годы, введены в большом количестве такие мелкие производства, каких не имелось в отчетах 1815—1820 гг., как, например, кирпичное, черепичное, известковое, алебастровое, дегтярное, маслобойное, солодовенное, сыроваренное, войлочное, горчичное, пряничное, шоколадное и т. п. «Фабрики» многих из этих производств имели в среднем по 1—5 человек на 1 заведение. Так, по отчету 1854 года среднее число рабочих на 1 заведение по черепичным «фабрикам» — 3 человека, по маслобойным — 4,5, солодовенным — 2,7, сыроварням — 3,2, войлочным — 4,7, шоколадным — 3, пряничным — 1,6, алебастровым — 1,1[2].

---

[1] Туган-Барановский. Ук. соч., стр. 64.

[2] Журнал мануфактур и внутренней торговли, 1855 г., кн. 12, ведомость о фабриках за 1854 год. Ведомость является перепечаткой архивного отчета за 1854 г., помещенного в отчете департамента мануфактур и внутренней торговли

Изучая архивные отчеты департамента мануфактур и внутренней торговли, Туган-Барановский совершенно не заметил, что отчеты 1825—1843 гг. перечисляли 30—31 производство, отчеты 1844—1849 годов — 55 производств (при этом введение в отчеты с 1844 года новых, главным образом мелких производств, как раз совпало с началом «раздробления фабрики» по Туган-Барановскому: в 1843 г. на 1 фабрику приходилось по его подсчету 68 рабочих, а в 1844 г. — 63), а отчеты 1850-х годов перечисляют уже свыше 100 производств[1] (при этом в первый же год введения еще большего количества мелких производств, а именно в 1850 году, опять мы наблюдаем в таблице Туган-Барановского снижение числа рабочих, приходившихся на 1 «фабрику», а именно: в 1849 г. — 54 человека, а в 1850 году — 51 человек). В общем официальные ведомости второй половины 1840-х годов и особенно 1850-х годов еще в большей степени, чем ведомости начала XIX века, наводнены мелкими промышленными заведениями. Так как в этих мелких промышленных заведениях рабочих было немного, то общая цифра рабочих в официальных отчетах к середине XIX века выросла относительно в меньшей степени, чем число «фабрик»[2].

Отсюда у Туган-Барановского и получилось, что при делении общего числа рабочих на число всех фабрик, на каждую «фабрику» в середине XIX века пришлось меньшее число рабочих, чем в предыдущие десятилетия, когда мелких заведений в число «фабрик» официальной статистикой вносилось меньше. Отсюда и знаменитое «раздробле-

[1] Так, отчет 1843 года перечисляет следующие «фабрики»: шерстяные, шелковые, бумагопрядильные, бумажных тканей, льняные и пеньковые, канатные и прядильные, красильные и набивные, золотые и позументные, клееночные, писчебумажные, шляпные, кожевенные, салотопенные, воскобойные, мыловаренные, свечные, химические, поташные, лаковые, уксусные, сургучные, металлические, хрустальные и стеклянные, фарфоровые и фаянсовые, сахарные, помадные, табачные, табакерочные, резиновые, селитренные. В отчете 1844 года, помимо вышеуказанных, введены еще следующие «фабрики»: щетинные, ватные, белильные, трепальные, шпалерные, клеенные, подносные, лакировальные, гончарные, черепичные, изразцовые, кафельные, кирпичные, паточные, черепаховые, костомольные, костеобжигательные, солодовенные, макаронные, маслобойные, горчичные, карточные, машинные, экипажные, разных деревянных изделий, столярные, токарные, пробочные. В отчете 1850 года перечисляются следующие «фабрики»: суконные, камвольные, ковровые, войлочные, чулочные, шерстомойные и сортировальные, бумагопрядильные, бумаготкацкие, ватные, льняные, пеньковые и полотняные, пенькотрепальные, канатные, веревочные, тесемочные, шелковые, парчевые, позументные, отделочные, аппретурные, шляпные, писчебумажные, обойные, табакерочные и подносные, табачные, машиностроительные, карточные, золотые, эполетные, золотопльющильные, золотопрядильные, серебряные, нового серебра, бронзовые, гальванопластические, чугунолитейные, железных изделий, меднолитейные, малахитовые, стальные, оловянные, жестяные, оружейные, дробяные, слесарные, булавочные, игольные, пуговичные, ламповые, музыкальных инструментов, экипажные, мебельные, разных деревянных изделий, токарные, карандашные, пробочные, рогожные, фанерочные, каменные, алебастровые, волосяные, щетинные, черепаховые и гребневые, писчих перьев, белильные, красильные и набивные, клеенчатые, химические, приготовления белил, поташные, смоляные, дегтярные, резиновые, краумальные, клееварные, мыловаренные, костеварные и костеобжигательные, солеварные, лаковые, сургучные, косметических товаров, сахарные, паточные, гончарные, известковые, кирпичные, черепичные, цементные, фарфоровые и фаянсовые, стеклянные и хрустальные, салотопенные, свечносальные, стеариновые, воскобойные, воскобелильные, свечновосковые, маслобойные, дубильные, сафьянные, замшевые, лайковые, пергаментные, перчаточные, шорные, меховые, коптильные, сыроваренные, пряничные, пастильные, макаронные, солодовенные, горчичные, шоколадные.

[2] ЛОЦИА. 1-е отделение экономической секции. Отчеты департамента торговли и мануфактур за 1825—1861 годы. К сожалению, некоторые отчеты не содержат сведений о количестве рабочих по отдельным производствам. Таковы отчеты 1837—1839 гг., дающие сведения о числе рабочих лишь по губерниям

ние фабрики» и вывод о том, что «кустарь бил фабриканта». Некритическое отношение к источникам и неправильный методологический прием — сравнение неоднородных величин — и привело Туган-Барановского к его оригинальному выводу. Чтобы получить правильный вывод, Туган-Барановскому нужно было предварительно выделить из официальных отчетов мелкие промышленные заведения и тогда производить сравнение. При этом правильнее всего было бы производить сравнение по каждой отрасли промышленности отдельно. Тогда никакого «раздробления фабрики» к середине XIX века не оказалось бы. Впрочем, убедиться в неправильности своего вывода Туган-Барановский мог и более простым путем. Для этого достаточно было, пользуясь теми же самыми данными, какие у него имелись, сравнить каждую отрасль промышленности отдельно. И в этом случае вывод Туган-Барановского не подтверждается, как это видно из следующей таблицы, показывающей среднее число рабочих на 1 предприятие по каждой отрасли промышленности отдельно в 1815, 1836, 1858 и 1861 гг.[1]:

	Годы			
	1815	1836	1858	1861
Суконные и других шерстяных материй	196	150	247	180[2]
Полотняные	150	171	147	177
Бумагопрядильные	—	191	675	735
Бумаготкацкие	68	223	247	110
Шелковые	55	58	39	37
Красильные и набивные	8	21	82	85
Канатные, веревочные	33	24	23	28
Шляпные	21	38	23	24
Клееночные	75	20	16	24
Сахарные	22	50	113	140
Кожевенные	5	5	5	5
Мыловаренные	4	3	4	4
Салотопенные и свечные	5	7	6	6
Воскобойные	2	3	5	5
Сургучные	5	5	16	10
Лаковые	1	3	3	4
Химические	4	13	25	24
Селитренные	24	11	32	36
Поташные	14	20	4	5
Фарфоровые и фаянсовые	158	21	65	46
Стеклянные и хрустальные	33	48	55	53
Писчебумажные, обойные и табакерочные	90	95	62	51
Табачные	9	8	19	17
Металлические	87	121	89	80

Как видно из таблицы, вывод Туган-Барановского о «раздроблении фабрики» не подтверждается. Наоборот, к концу 50-х и началу 60-х годов XIX века, когда Туган-Барановский установил наибольшее «раздробление фабрики» (в 1836 г. он насчитал на 1 «фабрику» 51 ра-

[1] ЛОЦИА. 1-е отделение эконом. секции. Отчеты д-та м-р и вн. торговли за 1836, 1858, 1861 гг. и Статистические ведомости о состоянии российских мануфактур за 1815—1820 гг., Л. 1929 г. Таблица разработана нами на основании тех же самых отчетов, какими пользовался Туган-Барановский.

[2] Данные за 1861 год приведены в отчете вместе с чулочными «фабриками» что уменьшает среднее число рабочих на 1 предприятие по суконным мануфактурам, так как чулочные «фабрики» имели небольшое число рабочих.

бочего, а в 1858 г. — 45 рабочих и в 1861 г. — 37 рабочих), «фабрика по большинству отраслей не дробится, а крупнеет. Причем среди этих отраслей находятся самые значительные отрасли тогдашней промышленности. Укрупнение «фабрики» по ряду отраслей идет с самого начала периода и продолжается в конце 50-х гг. и начале 60-х гг. Сравним, например, среднее число рабочих, приходившееся на 1 «фабрику» в 1815 г. и в 1861 г. Из таблицы видно, что в 1861 году «фабрика» не дробилась, а укрупнялась по сравнению с 1815 годом по 13 отраслям, причем в числе их находились такие важные отрасли тогдашней промышленности, как полотняная и бумаготкацкая. Лишь по 8 отраслям среднее число рабочих, приходившееся на 1 «фабрику», уменьшалось. То же самое мы наблюдаем при сравнении с данными 1836 года. Опять-таки в 1861 году «фабрика» по сравнению с 1836 годом не дробилась, а укрупнялась по 16 отраслям. Среди этих отраслей находились такие значительные отрасли тогдашней промышленности, как суконная, полотняная, на раздроблении которой особенно настаивал Туган-Барановский, бумагопрядильная. В одной отрасли — кожевенной — среднее число рабочих, приходившееся на 1 «фабрику», оставалось без изменения. Только в 7 отраслях «фабрика» в 1861 году имела меньшее среднее число рабочих, чем в 1836 году. Но среди них имелись такие отрасли, на раздроблении которых Туган-Барановский и не настаивал, как, например, писчебумажная, канатная, поташная, салотопенная и свечносальная. Да и остальные 3 отрасли недостаточны для подтверждения вывода Туган-Барановского. Так, данные по «металлической» промышленности в отчетах министерства внутренних дел, а затем в отчетах департамента мануфактур и внутренней торговли весьма случайны; обычно крупные железные и медные заводы шли по отчетам горного департамента, но иногда некоторые из горных заводов попадали и в отчеты министерства внутренних дел. Это обстоятельство могло в значительной степени изменять общее число рабочих по указанной отрасли промышленности. Шляпная промышленность, в которой мы наблюдаем уменьшение среднего числа рабочих на 1 «фабрику», была незначительна (в 1831 г. имелось 82 предприятия с 3.148 рабочими, а в 1861 году — 26 предприятий с 640 рабочими). Остается шелковая промышленность, в которой среднее число рабочих на 1 «фабрику» сокращалось в конце изучаемого периода. Однако одна лишь шелковая промышленность, которая по своим размерам значительно уступала остальным текстильным отраслям (в 1836 году в ней было 242 «фабрики» с 13.835 рабочими, а в 1861 году 390 «фабрик» с 14.653 рабочими), совершенно недостаточна для того, чтобы на ней основывать процесс «раздробления» русской «фабрики», в которой Туган-Барановский насчитал в 1861 году 14.148 предприятий с 522.500 рабочими. Что же касается хлопчатобумажной промышленности, то имеющиеся о ней данные также не подтверждают вывода Туган-Барановского. Так, из таблицы видно, что бумагопрядильные фабрики в изучаемый период все время растут весьма значительно: в 1836 году на 1 бумагопрядильню приходилось в среднем рабочих 191 человек, а в 1858 г.—675 человек и в 1861 г.—735 человек. И в отношении бумаготкацких «фабрик», на раздроблении которых Туган-Барановский особенно настаивал, мы также видим увеличение числа рабочих, приходившееся на 1 «фабрику» в 1858 году до 247 человек, тогда как в 1836 году среднее число рабочих на 1 «фабрику» составляло 223 человека. Но затем в 1861 г. мы наблюдаем резкое падение среднего числа рабочих, приходившегося на 1 бумаготкац

кую «фабрику», а именно до 110 человек. Однако это сокращение среднего числа рабочих вовсе не являлось результатом победы кустаря над фабрикантом и не может служить доказательством «раздробления фабрики». Дело объясняется проще, чем полагал Туган-Барановский, установивший пресловутое «раздробление фабрики» в середине XIX века. В этой отрасли промышленности в 1861 г. начинается кризис, происходит сокращение производства вследствие тех же причин, какие повели к кризису хлопчатобумажной промышленности и в других странах, а именно, вследствие вздорожания хлопка-сырца и уменьшения его привоза из Северо-американских соединенных штатов, где начиналась борьба между Северными и Южными штатами. Кризис на рынке сырья повел к сокращению числа рабочих в хлопчатобумажной отрасли промышленности уже в 1861 году, как это видно из следующей таблицы:

Предприятия	Число рабочих		
	1860 г.	1861 г.	1862 г.
Бумагопрядильные	41 295	36 791	22 4[illegible]7
Бумаготкацкие	77 819	68 813	59 729

Об этом между прочим сообщают те же самые отчеты департамента мануфактур и внутренней торговли, которые изучал Туган-Барановский, только последний этого не заметил. Так, например, в отчете 1861 года отмечено, что сокращение числа рабочих в хлопчатобумажной промышленности, а именно на «фабриках бумагопрядильных, ткацких и других» произошло вследствие «сокращения производства» по случаю «вздорожания хлопчатой бумаги от остановки вывоза из Соединенных штатов Северной Америки»[1]. Это сокращение числа рабочих особенно сильно сказалось в 1861 году на бумаготкацких предприятиях, а в 1862 году оно сказалось и на бумагопрядильнях: в этом году среднее число рабочих на 1 бумагопрядильню составляло уже 678 человек.

Таким образом, кризис на рынке сырья, вызвавший сокращение производства в хлопчатобумажной промышленности, повел в 1861 году к уменьшению среднего числа рабочих, приходившегося на 1 бумаготкацкое предприятие по сравнению с 1856 годом, а вовсе не «победа кустаря над фабрикой».

В общем, если бы Туган-Барановский внимательнее изучил свой материал и применил к нему лишь несколько более правильный метод сравнения, то и тогда он должен был бы натолкнуться на неправильность своего вывода. Как видим, статистические данные, имевшиеся у него, не подтверждают его тезиса о раздроблении «фабрики» в середине XIX века и о победе кустаря над крупной промышленностью. Да это вполне и понятно. В действительности мелкая промышленность в России в середине XIX века и не побеждала крупной и ника-

[1] ЛОЦИА. 1-е отделение экономической секции. Отчет департамента мануфактур и внутренней торговли за 1861 г., см. пояснение, помещенное в конце отчета [illegible] таблицы фабрик. Автор пояснения, конечно, преувеличивает, когда говорит об «остановке» вывоза. Однако уменьшение импорта хлопка и вздорожание его уже имело место. См. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России» под ред. Покровского, В. И., стр. 274 и таблица стр. 100—100а.

кого съедания фабриканта кустарем не происходило. Это только в представлении исследователей народнического направления да в данном случае Туган-Барановского дело шло так, что кустарь «бил по всем пунктам фабриканта»[1]. В середине XIX века в России, в которой происходила уже промышленная революция, продолжался рост крупной промышленности, а так как с ростом промышленности конкуренция в ней усиливалась и между крупными предприятиями и между крупными и мелкими, то усилились и вопли фабриканта на засилье кустаря. Это отразилось в документах, исходивших от фабрикантов, а Туган-Барановский этот способ конкурентной борьбы фабриканта с кустарем принял за чистую монету и пришел к своему неверному выводу. При этом, сделав свой абсолютно неверный вывод о победе «кустаря» над «фабрикой» в середине XIX века, Туган-Барановский столь же неверно пояснял его тем, что тогда в России торговый капитал **«побеждал» промышленный капитал**[2].

В этом случае Туган-Барановский ошибся, как ошибся он и в вопросе об отношениях между крупной и мелкой промышленностью в XVIII веке, когда указывал на отсутствие борьбы в тот период между ними. Вот что пишет Туган-Барановский по этому вопросу: «Фабрика и кустарная изба мирно уживались в XVIII веке друг с другом, почти не конкурируя между собой». По его словам, «антагонизм этих двух форм производства в эту эпоху обнаруживался еще очень слабо. Только изредка мы узнаем о конкуренции кустаря с фабрикой, причем кустарь берет всегда верх. Отсутствие антагонизма между фабрикой и кустарной избой всецело объясняется тем, что важнейшие и крупнейшие фабрики (суконные, полотняные, парусные, фабрики тяжелых шелковых материй, писчебумажные, стеклянные и другие) производили товары, почти не выделывавшиеся кустарями; поэтому и случаев столкновения фабрики с кустарем не представлялось. Даже если на фабриках и в кустарных заведениях выделывались товары одного рода (например, на ситцепечатных фабриках и у кустарей набойщиков), качество фабричных и кустарных изделий было настолько различно, что исключало конкуренцию между ними. Фабрика XVIII века выделывала главным образом или товары, поставляемые в казну (напр., сукно, полотно, писчая бумага), или предметы потребления высших классов населения. Кустари же изготовляли грубые товары, расходившиеся преимущественно среди простого народа»[3]. Мнение это, однако, неверно. По мере роста крупной промышленности наблюдается и ее борьба с мелкой, причем не «кустарь» берет верх, а крупная промышленность, хотя, конечно, в мануфактурный период крупная промышленность вытеснить в полной мере мелкую промышленность не могла.

Так, в металлургической промышленности, где крупные предприятия выросли в течение XVIII века весьма значительно, мелкая промышленность была вытеснена в немалой степени. Крупное производство железа решительно возобладало над мелким. Как отмечает автор «Очерков истории русской промышленности», борьба мелкого производителя с крупным закончилась победой последнего, домна и вододействующая молотовая торжествовали над ручным горном[4].

---

[1] В других случаях Туган-Барановский спорит с народниками.

[2] Туган-Барановский. «Русская фабрика», стр. 345

[3] Там же, стр. 48.

[4] П. Г. Любомиров. «Очерки по истории русской промышленности XVII в.» стр. 169.

Там, где крупное производство еще само становилось на ноги, вытеснение происходило, конечно, в меньшей степени и медленнее. Однако и там борьба имела место. Уже указы первой половины XVIII века, стеснявшие мелкую промышленность и предоставлявшие монополию и привилегии крупной промышлённости, отражали эту борьбу.

От середины XVIII века имеются данные о борьбе крупной и мелкой промышленности в целом ряде производств.

Так, в 50-е годы XVIII в. владелец канатного предприятия в Орле Кузнецов вел ожесточенную борьбу с мелкой канатной промышленностью в том же городе — орловским канатным цехом, который поставлял канаты и веревки на речные суда. Кузнецов прибегал ко всевозможным приемам, чтобы подорвать своих конкурентов. Он запрещал им производить эту работу и требовал, чтобы мастера цеха изготовляли только мелкие веревки для его предприятия за ничтожную плату — 9 коп. с пуда на всех 29 человек цеховых. Когда цеховые пожаловались на Кузнецова, то последний с помощью своих людей переломал у цеховых мастеров их инструменты, а избранного мастерами в ходоки по этому делу ремесленника Бутова поймал, обрил, выкрасил ему голову краской и в таком виде выпустил его голым со двора[1].

Московские промышленники Шелковниковы, занимавшиеся окраской материи, в те же 50-е годы начинают борьбу с московским красильным цехом. Они выхлопотали у мануфактур-коллегии постановление, согласно которому «для размножения красильной фабрики» всем отдельным красильщикам, «работающим по углам», предписывалось прекратить свое производство. Но так как «мастеришки» продолжали работать и перебивали у Шелковниковых покупателей, продавая свои изделия по более дешевой цене, то Шелковниковы стали указывать мануфактур-коллегии, что «мастеришки», проживая в «глухих углах», легко могут заниматься крашением привозимых купцами неявленных товаров. При помощи шпионов Шелковниковы вскрывали отдельные случаи покупки мастерами сандала и купоросу без объявления о том в таможне. Мануфактур-коллегия стала на сторону крупных предпринимателей. Она пришла к заключению, что от устроения цехов по таким производствам, по коим уже заведены фабрики, нельзя ожидать никакой пользы и что умножение таких цехов записной в них новых членов «происходит не для какого государственного плода, но токмо от ненасытности купеческой зависти, как заведенным фабрикам остановку учинить и содержателей в крайний убыток и разорение привести». В силу этого мнения Сенат в 1753 году постановил упразднить красильный цех в Москве[2].

Борьба между крупной и мелкой промышленностью шла и в комиссии 1767 года.

Вот что писало шуйское купечество в своем наказе: «В селах и деревнях заводы немалые заведены, а именно: юфтяные, сальные, сермяжные, набойчатые, свечные и платочные, с которых заводов товары свои продают в тех селах и деревнях, а другие под неизвестными именами отвозят к портам в Малую Россию и в Сибирь». Поэтому шуйские предприниматели требовали «запрещенными товарами торги пресечь, заводы уничтожить».

Купечество гор. Воротынска пишет, что «крестьянство уездное, ездя по уезду, покупают пеньку, имеют в своих домах трепальные

---

[1] Кизеветтер. «Посадская община в России XVIII в.», М. 1903, стр. 149–150.
[2] Там же, стр. 150—151.

места и терезя, избирают пеньки... и переделывают в домах своих»... «Не повелено ли будет, — писали воротынские купцы, — тем торгующим пенькою крестьянам пеньку покупать и обделывать запретить». И козельское купечество жаловалось на распространение у крестьян «трепальных домов» [1].

Купцы Каргополя, Слободска, Соликамска, Уфы жаловались в комиссии 1764 и 1767 гг. на то, что крестьяне «промышляют кожевенными заводами так точно, как и купцы».

Фабриканты кожевенных указных фабрик в Москве, поставлявшие товары в казну, заявляли, что они могут удовлетворить и партикулярный спрос, если «имеющиеся в Москве неуказные мастерства запрещены будут, от которых как в покупке, так и в продаже кож и материалов бывает нашим фабрикам препятствие» [2].

Депутат гор. Оренбурга Кочнев заявлял в комиссии 1767 года: в разных местах и уездах многие крестьяне, в особенности же «татары и другие иноверцы» завели в деревнях кожевенные, мыльные и салотопенные заводы, а некоторые из них бумажные и полотняные фабрики, изделия которых они окрашивают в китайку. Приезжая с этими товарами в разные города и уезды Оренбургской губ., продают их местным жителям и через то делают купечеству подрыв. Депутат города Уфы А. Подьячев жалуется, что в Уфимском и других уездах «иноверцы и прочие разночинцы» имеют кожевенные заводы, которые по многим запретительным указам держать не велено. Несмотря на это, они продолжают ими владеть, отчего «купечеству причиняется в этом промысле немалое помешательство». Подьячев предлагает: «воспретить всем разночинцам как вести торговлю, так и иметь кожевенные заводы, дабы уфимскому купечеству не было от того подрыва».

Депутат Тульской оружейной слободы А. Денисов указывал в комиссии, что крестьяне села Павлова «делают ружья самой простой работы» и одни стволы для казацких ручниц, «не наблюдая ни прочности, ни доброты». Поэтому он предлагал вовсе воспретить крестьянам заниматься этим производством.

В защиту мелкой промышленности выступили в значительном количестве представители черносошных крестьян, казаков, пахотных солдат, иноанционалов, связанных с этой промышленностью, а также некоторые дворянские депутаты.

Так, депутат черносошных крестьян Архангелогородской губ. И. Чупров, отметив, что крестьяне там, где земли неплодородны, занимаются промыслами, а именно лесным производством, а в иных местах «холстами и сукнами», отстаивал право крестьян заниматься этими промыслами.

Депутат уфимского казачьего войска П. Бурцев также отстаивает мелкую промышленность от поползновений купцов и оспаривает мнение Подьячева. Кожевенные заводы, устроенные «инородцами и разночинцами» в Уфимском уезде, приносят, по словам Бурцева, большую пользу и вовсе не вредят уфимскому купечеству, так как последнее само не занимается там «производством этого ремесла». Бурцев далее указывал, что эти заводы обслуживают находящиеся там войска, казаков и «всех живущих на медных и железных заводах рабочих людей». Если запретить устраивать заводы, то армия и населе-

---

[1] Сборник Русского исторического общества, т. 93, СПБ, 1894 г., стр. 358 - 359, 153, 319, 162 и др.

[2] П. Г. Любомиров. Ук. соч., стр. 147.

ние будут вынуждены переплачивать за обувь и кожевенный товар «лишнюю цену», так как эти товары придется привозить из Казани и других мест. Поэтому Бурцев предлагал оставить кожевенные заводы «в своем действии» и впредь разрешать разночинцам устраивать их, а также заниматься всякими другими ремеслами.

В защиту мелкой промышленности выступил также депутат служилых мещеряков Исетской провинции Абдул Мурза Даушов. Он указывал на то, что уездным обывателям невозможно довольствоваться одним только хлебопашеством, потому что от случающихся неурожаев и малого количества земли они «не только не могут продавать хлеб, но многие должны еще его покупать для своего пропитания». Особенно в тяжелом положении сказываются служилые люди, из коих годные к работе находятся в службе, а дома остаются престарелые и малолетние, которые не в состоянии работать и «торгуют только некоторыми небольшими товарами», в том числе и домашними рукоделиями: холстом, сукном и тому подобным. Очевидно, мелкое производство сукна, холста и прочего было настолько распространено, что некоторые депутаты, требовавшие ограничения торга и производства крестьян, соглашались на то, чтобы оставить им следующие «произведения крестьянского хозяйства и рукоделия»: хлеб, скот, масло, горох, сукно, холст, лен, пенька, овчины, шубы, лес, дрова. Так, депутат жителей Барнаульского завода И. Карышев допускал этот «торг», но только с тем, чтобы каждый крестьянин продавал свои собственные изделия, не занимаясь скупкой их, и не отвозил их в отдаленные города и места.

Отстаивал мелкую промышленность и депутат пахотных солдат Нижегородской провинции И. Жеребцов. Он указывал, что в ряде сел Нижегородской губ. живут «ремесленные люди», и что там производятся кожи, овчины, холсты, изделия из меди, железа, кузнечная, слесарная и оловянная работа, крестьянское платье, шапки, рукавицы, крестьянские простые сукна, обувь, деревянная посуда, конская сбруя. Жеребцов отстаивал право мелких производителей заниматься этими промыслами. «Из представленных мнении, — говорит он, — о торговле, о фабриках, также о мастерствах, видно, что господа депутаты от городов желают удержать в купеческом сословии все роды означенных занятий». Однако, «если же крестьянам всего государства воспрещено будет торговать товарами их собственного производства, то они со всеми своими семействами лишатся всякого пропитания... От этого крестьяне придут в совершенный упадок и не в состоянии будут платить ни государственных податей, ни оброка своим господам». Жеребцов соглашался, однако, с тем, что значительные фабрики и заводы должны быть предоставлены купцам[1].

Жеребцов, отстаивая мелкую промышленность, в сущности уже высказал мотивы, по которым выступили на ее защиту и дворянские депутаты. Крестьяне, по его словам, без мелких промыслов не смогут уплачивать ни податей, ни оброков. Вот за этот оброк и защищали дворянские депутаты мелкие крестьянские промыслы. Классовые интересы дворян побуждали их отстаивать мелкую промышленность. Эта промышленность была распространена среди крепостного крестьянства особенно нечерноземной полосы. Здесь нередко помещичий

[1] Сборник Русского исторического общества, т. VIII, СПБ 1871 г., стр. 291 93, 148, 260—261, 96—97, 129—130, 192, 199, 230 и др.

оброк зависел не столько от земледельческих занятий крепостного крестьянства, сколько от их занятий разными промыслами.

Как видим, имеется достаточно данных, которые опровергают вывод Туган-Барановского об отсутствии борьбы между крупной и мелкой промышленностью в XVIII веке. Если бы дело обстояло так, как рисует его Туган-Барановский, то зачем было шуйским «купцам» в своем наказе в комиссию 1767 года требовать уничтожения крестьянских юфтяных, скорняжных, сальных, свечных, выбойчатых и платочных заводов, воротынским «купцам» настаивать на запрещении «уездному крестьянству» обделывать пеньку, депутату «Тульской оружейной слободы» добиваться запрещения крестьянского производства оружия, а ряду других депутатов требовать запрещения крестьянских кожевенных заводов и других. Если бы «фабрика и кустарная изба мирно уживались друг с другом», то представителям мелкой промышленности вряд ли потребовалось бы мобилизовать для ее защиты от напора крупных предпринимателей столь значительные силы в комиссии 1767 года. Наконец, никак нельзя считать «отсутствием антагонизма» между крупной и мелкой промышленностью или «слабым его проявлением» разгром оборудования орловских мастеров канатного цеха фабрикантом Кузнецовым или закрытие московского красильного цеха по домогательству фабрикантов Шелковниковых. Таким образом и здесь Туган-Барановский недостаточно внимательно отнесся к источникам. Он просто не принял их во внимание, когда делал свой вывод. Борьба между крупной и мелкой промышленностью шла в XVIII веке, хотя, конечно, не так сильно и ярко, как в XIX в.

Недостаточная проработка источников, а также необоснованные и слишком поспешные выводы встречаются у Туган-Барановского в ряде случаев. Рассмотрим, например, вывод, который он делает по вопросу о соотношении купеческой и дворянской «фабрики» в XVIII и начале XIX века. Отметим при этом, что вывод этот он делает, не касаясь горной и винокуренной промышленности, которых он, как было отмечено ранее, и не изучал за этот период в своей работе. Вот что пишет Туган-Барановский по этому вопросу: «Первоначальная купеческая фабрика, возникшая на почве экономических условий петровской России, превратилась в течение XVIII века в дворянскую фабрику, основанную на принудительном труде»[1]. Вывод этот требует, однако, существенных исправлений. В такой общей формулировке он неверен. Для второй половины XVIII и первой половины XIX века приходится говорить уже не только о дворянской и купеческой мануфактуре, но и о крестьянских предприятиях. Но останемся в пределах формулировки, установленной Туган-Барановским, и посмотрим, позволяет ли материал сделать такой вывод, какой был сделан историком русской фабрики.

Изучив материал, мы увидим, что только в некоторых отраслях дворянская «фабрика» получает преобладание над купеческой. При этом рост дворянской «фабрики» идет двумя путями: не только путем учредительства вотчинной мануфактуры, но и путем одворянивания фабрикантов из буржуазии. Зато в других отраслях купеческая «фабрика» продолжала преобладать над дворянской и своих позиций не сдавала[2].

[1] Туган-Барановский. Ук. соч., стр. III.

[2] Подробнее этот вопрос рассмотрен в приготовленной к печати работе автора «Очерки по истории промышленности и рабочего класса в крепостной России».

Рассмотрим промышленные предприятия по составу владельцев по данным ведомости мануфактур-коллегии 1770 года, т. е. за такой период, когда, казалось бы, дворянская «мануфактура» должна была бы уже значительно вытеснить купеческую, если держаться взгляда, высказанного Туган-Барановским. Вот что мы имеем: из 350 предприятий, находившихся в ведении мануфактур-коллегии, нам известны владельцы 342 предприятий. Они распределялись таким образом: дворянам принадлежало 75 предприятий, т. е. 22%, недворянам — 264. В совместном владении дворянина и купца находилось 3 предприятия[1]. В числе недворянских предприятий значительнейшее количество принадлежало купцам.

Число рабочих на недворянских предприятиях составляло 18.486 человек, т. е. 32,7%.

При этом в одной из главнейших отраслей — текстильной — распределение владельцев было таково:

	Число предприятий	Число дворянских предприятий	Число совместных предприятий	Число недворянских предприятий	Число рабочих на дворянских предприятиях	Число рабочих на недворянских предприятиях
Суконные	58	29	—	29	9 562	15 146
Полотняные	69	17	2	48	5 550	11 974
Шелковые	52	7	—	45	502	5 502

В других отраслях промышленности, подведомственных мануфактур-коллегии, дворянство имело немного предприятий, как видно из таблицы:

	Число предприятий	Число дворянских предприятий	Число недворянских предприятий	Число рабочих на дворянских предприятиях	Число рабочих на недворянских предприятиях
Писчебумажные	22	6	15	2 649	1 003
Стеклянные и хрустальные	29	7	19	106	698
Шляпные	6	1	5	11	63
Кожевенные	10	2	8	46	250
Трубочные	2	1	1	66	4
Скипидарные	1	1	—	40	—
Красочные	14	1	13	нет свед.	63
Масляные	1	1	—	нет свед.	—

В других отраслях, как, например, хлопчатобумажном, красильном, халатном производстве и пр. владельцев дворян не отмечено вовсе.

[1] На предприятиях, находившихся в ведении мануфактур-конторы, дворянских фабрик было еще меньше. Из общего числа 93 предприятий, владельцы которых известны, дворянам принадлежало всего лишь 11 «фабрик», т. е. около 12%.

По числу рабочих предприятия распределялись таким образом:

	Число рабочих	Процент
На дворянских предприятиях . . .	18 486	34
„ недворянских . . .	35 724	64,5
„ предприятиях совместных . . .	869	1,5

Таким образом, и по числу рабочих дворянские мануфактуры имели лишь около одной трети всего числа рабочих. Правда, дворянские предприятия выходят несколько более крупными, чем другие: на 22% всех предприятий имелось 34% всех рабочих. Но именно в отношении дворянских вотчинных предприятий одно число рабочих еще очень мало говорит о мощности предприятии. На этих предприятиях больше, чем на других, замечается нерациональное использование рабочей силы. Даровой крестьянский труд вел к тому, что дворянин-владелец предприятия не стеснялся растрачивать рабочую силу как попало. Только в двух отраслях, которых Туган-Барановский как раз не изучает, можно говорить о преобладании в это время дворянских предприятий над другими. Это в винокуренной промышленности, из которой купечество после указа правительства Елизаветы 1755 года было просто выброшено дворянством, и в горной промышленности. Однако следует отметить, что в числе горных заводов значительное количество предприятий принадлежало одворянившимся заводчикам (Демидовым, например, 20 заводов). В общем и здесь участие купеческого капитала было значительно, хотя дворянство в этой отрасли промышленности заняло уже первое место.

В других отраслях преобладания дворянской «фабрики» отметить пока нельзя. Только в суконной промышленности дворянство по числу предприятий сравнялось с прочими владельцами, но отставало, однако, по числу рабочих. Во всех остальных отраслях преобладала «купеческая фабрика».

Таким образом, мы не может отметить победы дворянской «фабрики» над купеческими предприятиями во всей тогдашней промышленности. Правильнее будет другое положение. Дворянская «фабрика» во 2-й половине XVIII века выросла по сравнению с предыдущим периодом. Однако в ряде отраслей продолжала расти и «купеческая фабрика». Исключение составляли лишь винокуренная промышленность, откуда купечество было выброшено дворянством, и горная. Только в некоторых отраслях темп роста был неодинаков: дворянские предприятия росли быстрее. Все же победить «купеческую фабрику» дворянская «фабрика» не смогла. К такому выводу мы приходим, подводя итоги по всей промышленности, а не по отдельным отраслям.

Об этом свидетельствуют и данные начала XIX века, из которых видно, что ряд главнейших отраслей продолжал оставаться в руках не дворян, а преимущественно фабрикантов из купцов. Так, в 1813—1814 году дворяне имели преобладание по числу предприятий в следующих отраслях промышленности[1]:

Горная	64%
Суконная	78%
Писчебумажная	60%
Стеклянная и хрустальная . .	65%
Поташная	80%

[1] Подсчет сделан автором работы на основании официальной ведомости, которою пользовался и Туган-Барановский, а именно «Ведомости о мануфактурах в России за 1813—1814 гг.». Преобладали дворянские предприятия и в винокуренной промышленности, но число дворянских заводов точно неизвестно.

В руках не-дворян находились следующие отрасли промышленности:

Хлопчатобумажная	97%
Полотняная	76%
Шелковая	9[illegible]%
Кожевенная	98%
Салотопенная, свечная	98.5%
Сахарная	90%
Химическая	87%
Канатное и прядильное производство	97%

Как видим, и в начале XIX века ряд важнейших отраслей промышленности продолжал оставаться в руках фабрикантов не из дворян, а из других классов общества.

Таким образом, более детальный анализ материалов, какие были известны и Туган-Барановскому, не подтверждает вывода, сделанного этим исследователем о победе дворянской фабрики в изучаемый период.

Допускает нередко Туган-Барановский в своей работе и более широкие выводы, чем позволяют его источники, причем отсутствует у него и проверка этих выводов даже на том материале, какой имеется в его распоряжении.

Посмотрим, например, как разрешает историк русской фабрики один из важнейших для него вопросов — вопрос об образовании разряда посессионных рабочих в русской промышленности. Здесь Туган-Барановский почти все дело сводит к указу 18 января 1721 года. Указ этот разрешал фабрикантам — купецким людям — покупать к фабрикам и заводам населенные деревни. Ввиду необходимости проверить вывод Туган-Барановского, приведем текст указа. В указе говорилось: «Понеже хотя по прежним указам купецким людям деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещение было того ради, что они кроме купечества к пользе государственной других никаких заводов не имели, а ныне по нашим указам, как всем видно, что многие купецкие люди компаниями, и особенно многие возымели к приращению государственной пользы заводить вновь разные заводы, а именно: серебряные, медные, железные, игольные и прочие сим подобные к тому же и шелковые, и полотняные, и шерстяные фабрики, из которых многие уже и в действо произошли. Того ради позволяем сим нашим указом для размножения таких заводов, как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать невозбранно с позволения Берг и Мануфактур-коллегии, токмо под такою кондициею, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно. И для того, как шляхетству, так и купечеству тех деревень особо без заводов отнюдь никому не продавать и не закладывать и никакими вымыслы ни за кем не крепить, и на выкуп таких деревень никому не отдавать, разве кто похочет для необходимых своих нужд те деревни с теми продать, то таким продавать с позволения Берг- и Мануфактур-коллегии. А ежели кто против сего поступит, то оного всего того лишить бесповоротно. А ежели кто будет заводы заводить токмо для лица малые, чтоб ему тем у кого деревни купить, и таковых вымышленников до той покупки отнюдь не допускать, и смотреть того накрепко в Берг-и Мануфактур-коллегии, а ежели таковые явятся, и их по усмотрению штрафовать отнятием всего движимого и недвижимого имения»[1].

---

[1] П. С. З. т. VI. № 3711.

Процитировав этот указ, Туган-Барановский далее пишет следующее. «Благодаря этому указу, петровские фабрики быстро перешли от свободного к принудительному труду»[1].

Здесь Туган-Барановский забывает, что переход к подневольному труду совершался не только путем покупки населенных деревень фабрикантами, но и путем приписки рабочих к мануфактурам целым рядом указов; при этом приписка рабочих к мануфактурам давала еще большее количество посессионных рабочих, чем покупка[2]. Кроме того, из указа 1721 года, текст которого мы привели, никак не видно, что переход к подневольному труду совершался «быстро» именно в силу этого указа. А никаких других подтверждений этому своему выводу Туган-Барановский не приводит. Между тем это ему следовало бы проверить. В действительности никакого «быстрого» перехода от свободного к принудительному труду в силу указа 1721 года и не было.

Достаточно было ознакомиться хотя бы с некоторыми материалами позднейших годов, чтобы усумниться в этой «быстроте». Так, в 1731 году был издан специальный указ о присылке в Сенат ведомостей относительно покупки «мануфактурщиками и заводчиками» крестьян и деревень: «Кто в котором году и у кого земли и деревни покупили и сколько четвертей пашни и крестьян, и в тех деревнях действительно ли заводы, как указ повелевает, имеют»[3]. Из ведомостей, поступивших в Сенат, видно, что крестьяне к мануфактурам были приобретены лишь немногими фабрикантами, а именно: шелковый фабрикант Милютин купил село Титово в Алексинском уезде, причем из общего числа рабочих, имевшихся у него на предприятии — 367 человек, — крепостных рабочих было меньшинство — всего 97 человек (67 мужчин и 30 женщин): кожевенный фабрикант Иван Симонов купил в Алаторском уезде село в 48 дворов с 257 крестьянами; писчебумажный фабрикант Солеников приобрел в Переяславль-Залесском уезде 13 дворов; владелец железного завода в Торжке Иван Гантапников купил 14 рабочих и 1 мастера с семьей; владельцы железных и винокуренных заводов Миляковы приобрели в Краснослободском уезде 80 дворов с 309 душами м. п.; фабриканты Рюмины купили к своей игольной мануфактуре в Переяславль-Рязанском уезде деревню с крестьянами; наконец, крупнейший горнозаводчик того времени А. Демидов купил крестьян в Казанской губернии в количестве 784 душ м. п.[4]. А в то же время рабочее население на одних уральских заводах Демидова почти достигало 4.000 человек. Так, перепись полковника Талбузина 1733—1734 гг. насчитала на уральских заводах А. Демидова 3.595 человек (вместе с престарелыми и малолетними). В числе их было до 2.600 -2.700 вольнонаемных рабочих[5]. Таким об-

[1] Туган-Барановский. Ук. соч., стр. 26.

[2] По нашему подсчету, в конце 60-х годов XVIII в. по предприятиям, находившимся в ведении мануфактур-коллегии, около 62% посессионных рабочих было из числа приписных и отданных по указам к мануфактурам. Подробнее этот вопрос рассмотрен в работе автора, приготовленной к печати: «Очерки по истории промышленности и рабочего класса в крепостной России».

[3] ГАФКЭ, Дела прав. сената по К. Б. и М.-кол., № 4/908, л. 189 и след.; ведомости охватывают значительнейшее число тогдашних провинций.

[4] Кроме того, ведомости 1731 года отметили покупку 10 человек обоего пола к «овчарному заводу» белозерцем Меркулом Огвоздиным. Несколько человек было куплено также полотняным фабрикантом Филатовым, как это известно из других данных.

[5] См. работу автора настоящей статьи «К вопросу о формировании вольнонаемного труда в крепостной России» в «Истории пролетариата СССР», т. I.

разом, по имеющимся данным — ведомостям и другим источникам — можно насчитать всего 8 фабрикантов, которые купили крестьян. Кроме того, за весь десятилетний период было дано разрешение произвести покупку крестьян 17 фабрикантам, но еще и в 1731 году учреждениям, ведавшим промышленностью и сообщавшим в Сенат сведения по этому вопросу, не было известно, воспользовались ли этим разрешением фабриканты, или нет. Можно думать, что очень многие из них и не покупали крестьян, так как в противном случае о сделках на покупку крестьян, регистрировавшихся в правительственных учреждениях, было бы властям известно. Это подтверждает и другая ведомость о мануфактурах, поступившая в Сенат позже, а именно в 1732 году из коммерц-коллегии, ведавшей тогда промышленными заведениями. В этой ведомости имелся специальный вопрос и относительно покупки к фабрикам и заводам «земель, кому даны и сколько кто купил». По этому вопросу ведомость из общего числа перечисленных ею 55 промышленных предприятий отметила покупку деревень с людьми лишь 3 фабрикантами, указанными выше, — Милютиными, Симоновым и Рюминым. Да кроме того, ведомость отметила, что дано было разрешение чулочному фабриканту Воронину купить деревню до 30 дворов, но еще и в 1732 году не было известно, купил ли он деревню, или нет [1]. О других фабрикантах, которым было дано разрешение на покупку крестьян, ведомость не считала нужным даже сделать отметку. Повидимому, составители ведомости не сомневались в том, что покупок не было произведено. Таким образом за 10—11 лет, протекших от издания указа 1721 года, лишь очень немногие фабриканты приобрели к своим предприятиям деревни с крестьянами.

Значительнейшая часть предпринимателей вовсе не спешила подтверждать вывод Туган-Барановского и продолжала пользоваться преимущественно вольнонаемным трудом на своих предприятиях. Фабриканты далеко не так стремительно бросились покупать деревни с людьми, как это казалось историку русской фабрики. Они стремились получить рабочую силу даром или почти даром — путем приписки к их предприятиям вольных и вольнонаемных рабочих.

Впрочем, даже если бы Туган-Барановский обратился не к архивному материалу, а к печатным источникам, какие были у него под руками и какими он пользовался, а именно к документам, помещенным в Первом полном собрании законов, то и тогда он мог бы усомниться в правильности своего вывода о быстром переходе от вольнонаемного труда к подневольному «благодаря указу 1721 года». Для этого достаточно было внимательно изучить указ 7 января 1736 года и указ 15 июня 1744 года, изданный во время 2-й ревизии. Однако никакого серьезного анализа указа 1736 года о прикреплении рабочих к мануфактурам некоторых крупнейших фабрикантов Туган-Барановский не делает и не пытается делать, а указ 1744 года, прикреплявший рабочих ко всем остальным мануфактурам, для него просто не существует: историк русской фабрики его и не заметил. Между тем эти важнейшие указы по вопросу об образовании разряда посессионных рабочих во многом могли бы исправить точку зрения историка русской фабрики. Однако Туган-Барановский ограничился лишь довольно поверхностным изложением указа 1736 года, причем и здесь обнаружил слабость своих источниковедческих и методологических приемов. Так, изучая в своей работе вопрос об образовании разряда посессионных рабочих.

---

[1] ГАФКЭ. Дела прав. сената по К. Б. и М.-кол., № 4/908.

историк русской фабрики и здесь, как и в ряде других случаев, фетишизирует документы и не дает классового анализа содержания источников, что приводит его к искажению исторического процесса, а именно, к затушевыванию классовой борьбы рабочих с эксплоататорами. Это затушевывание, как известно, являлось одной из характерных черт легального марксизма.

Посмотрим, как анализирует Туган-Барановский крепостнический указ 1736 года — этот классовый документ, необычайно ярко характеризующий политику правительства и фабрикантов в отношении рабочих. Очень поверхностно. Он даже интерпретирует его неточно. Вот что он пишет относительно указа 7 января 1736 года: «В этом году, по прошению крупнейших фабрикантов того времени — Затрапезного, Щеголина с товарищами, Микляевой, Гончарова, Подсевальщикова, Тамеса с товарищами, был издан высочайший указ, по которому все те мастеровые, которые во время издания указа будут находиться на фабриках и будут обучены мастерству, должны «вечно» со всеми своими семействами оставаться на фабриках у настоящих владельцев. За этих мастеров фабриканты должны были заплатить по известной таксе прежним владельцам-помещикам, дворцовому, синодальному ведомству, казне. Мастеровые, владельцы которых не известны, отдавались фабрикантам без всякой платы, а все беглые чернорабочие, которые окажутся на фабриках, должны были быть возвращены законным владельцам [1]. Вместе с тем фабрикантам предоставлено было право наказывать «домашним порядком» вечно-отданных им мастеровых, «которые явятся невоздержанные и ни к какому учению не прилежные», а также отправлять их в Коммерц-коллегию «для ссылки в дальние города на Камчатку на работу, чтобы другим был страх». В случае бегства мастеровых с фабрики воеводы должны были их ловить и по учинении наказания отсылать обратно на фабрику.

«Таким образом, — заключает Туган-Барановский, — состоялось окончательное прикрепление мастеровых к фабрикам, и наша фабрика приняла характер рабочего дома, в котором порядок поддерживался суровой дисциплиной, а поощрением к труду служили тяжелые наказания» [2].

Итак, по мнению Туган-Барановского, указ 7 января 1736 года относился ко всем мануфактурам: им производилось «окончательное» прикрепление рабочих к «фабрикам». Между тем это неверно. Из указа этого не вытекает. Из текста указа видно, что он относится к мануфактурам лишь тех 7 фабрикантов, которые ходатайствовали о при-

---

[1] Следует отметить, что эта формулировка неточна: отдавались бесплатно не только мастеровые, владельцы которых неизвестны, но и все те мастеровые, у которых не было никаких владельцев, а таких на мануфактурах было немало.

[2] Туган-Барановский. Ук. соч., стр. 27. Следует отметить, что вся трактовка этого указа Туган-Барановским является примером того, как историк русской фабрики стремился затушевать в интересах буржуазии классовую борьбу фабрикантов и дворянского правительства с рабочими. В сущности своей интерпретацией указа 1736 года Туган-Барановский все дело свел к тому, что мастеровые, бывшие в момент издания указа на мануфактурах, переменили лишь владельцев: ранее были крепостными помещика или какого-либо учреждения, а теперь стали крепостными промышленного предприятия фабриканта. Историк русской фабрики совершенно умалчивает о том, что указ 1736 года закрепостил по домогательству фабрикантов значительное количество рабочих вовсе не из крепостных крестьян, а из других разрядов населения: посадских, разночинцев и других людей, которые до указа не были крепостными. Впрочем, от Тугана-Барановского, обрабатывавшего исторический процесс в интересах буржуазии, другой трактовки, которая вскрыла бы действительную картину процесса, ожидать не приходится.

креплении вольных и вольнонаемных рабочих, имевшихся на их предприятиях, и которые перечислены в указе: Затрапезного, Щеголина, Микляевой, Гончарова, Подсевальщикова, Тамеса, Полуярославцева. На всех прочих мануфактурах рабочие оставались в прежнем положении. Вопрос о прикреплении их на остальных мануфактурах этим указом был лишь поставлен, а разрешаться он должен был в дальнейшем в зависимости от состояния этих мануфактур, которые предписано было освидетельствовать Коммерц-коллегии вместе с особыми комиссиями. В тексте указа ясно сказано, что вопрос о состоянии прочих мануфактур предписывается рассмотреть особо Коммерц-коллегии, которая управляла промышленными предприятиями, и представить в Сенат свое «мнение» вместе с материалами по освидетельствованию мануфактур; было предписано также произвести переписи рабочих на всех других мануфактурах и представить их в Сенат[1].

Это обязывало Туган-Барановского поискать дальнейшие указы, которые «окончательно» закрепляли рабочих на всех мануфактурах. Действительно, вслед за указом 7 января 1736 года, прикреплявшим рабочих на мануфактурах 7 крупнейших фабрикантов, были изданы, по ходатайству самого крупного горнозаводчика А. Демидова два указа в декабре 1736 года и в 1738 году, которые закрепощали вольных и вольнонаемных рабочих на Уральских и Колывановоскресенских заводах этого предпринимателя[2]. Окончательное же прикрепление рабочих ко всем остальным мануфактурам было проведено позже, а именно, во время второй ревизии в первой половине 40-х годов XVIII века. Указы по этой ревизии, в том числе и указ 15 июня 1744 года, напечатаны в том же Полном собрании законов, в котором находится и указ 1736 года. Но Туган-Барановский указа 1744 года и не заметил. А этот указ при изучении данного вопроса для него был обязателен.

Из этого указа видно, что хотя перепись рабочих людей была произведена у семи фабрикантов, которые ходатайствовали в 30-е годы XVIII в. о прикреплении к их мануфактурам рабочих и добились этого в 1736 году, деньги за рабочих были уплачены только двумя фабрикантами — Гончаровым и Затрапезным. Им велено было выдать выписи на рабочих людей; от прочих же фабрикантов денег не поступало, как отмечал указ, до 1744 года. Точно так же не были представлены в Сенат и материалы по рассмотрению состояния других мануфактур, что было предписано указом 1736 г. Между тем из переписных ведомостей мануфактур, поступивших в Сенат в 1741 г., было видно, что на многих предприятиях имелись мастеровые люди из разных чинов, в том числе и вольнонаемные. Поэтому Сенат, заботясь о том, чтобы «при нынешней ревизии» не произошло для мануфактур упадка от «разобрания мастеровых», принял ряд мер, сводившихся к политике прикрепления вольнонаемных людей к промышленным предприятиям.

Прежде всего было велено на мануфактурах семи фабрикантов, которых касался указ 1736 г., всех мастеровых, принятых до 1736 г., «написать при тех фабриках и мануфактурах», причем «от коих (фабрикантов) за оных людей деньги заплачены и выписи даны, тех вечно»,

[1] П. С. З. т. IX, № 6858, пункты 10 и 11 указа, см. также архивный текст указа, который полнее, нежели печатный. ГАФКЭ, Д. прав. сената по К. Б. и М.-к., кн. 20/924, л. 258.

[2] М. Ф. Злотников «К вопросу о формировании вольнонаемного труда в крепостной России». В «Истории пролетариата СССР», т. I, см. также П. С. З., т. XII, № 8969.

а там, где деньги еще не уплочены, «тех переписать и до будущего указа с тех фабрик не ссылать». Беглых же людей и крестьян, принятых после указа 1736 г., выслать на прежнее жилище.

Прочие мануфактуры распределялись Сенатом на две категории. На тех мануфактурах, которые будут аттестованы мануфактур-коллегией, как «достойные и надобные», мастеровых людей, «чьи б они ни были», принятых до указа 1736 года, «писать при тех фабриках, а до указа не ссылать», чернорабочих же и принятых после указа 1736 года беглых отсылать на прежнее жилище.

На «недостойных и подложных фабриках» никаких беглых людей не оставлять, а высылать их всех на прежнее жилище.

Мануфактур-коллегия обязана была произвести рассмотрение «достойных и недостойных фабрик» к 15 июля 1744 года. На заведенных после 1736 г. фабриках, какие будут аттестованы Мануфактур-коллегии, как «достойные и государству полезные», мастеровых людей переписать и до указа не ссылать. На заводах Демидова «пришлых крестьян», прикрепленных к заводам «вечно» указами 1736 г. и 1738 г., записать за заводами, «а что явятся сверх того беглые, тех высылать». Так же предписывал Сенат поступать и относительно других заводов.

Одновременно Сенат постановил представить на утверждение Елизаветы проект своего указа о прикреплении вольнонаемных рабочих. Сенат предлагал на «семи главных фабриках», а равно и на всех других, «достойных и государству полезных», всех мастеровых людей, принятых до указа 1736 г., «чьи б они ни были, написать при тех фабриках и быть у них вечно, равно яко их купленные или крепостные».

С фабрикантов за тех людей, за которых полагалось уплатить и еще не уплочено, деньги взыскать, согласно указа 1736 года, да сверх того еще по 40 коп. в год с души, начиная с 1736 г., а по взыскании денег дать фабрикантам выписи на тех людей.

В отношении вновь заведенных после 1736 г. 10 фабрик, из коих пять было суконных, Сенат считал желательным оставить на них беглых, чтобы фабрики эти «в совершенное разорение и опустошение не пришли». Однако Сенат, не имея права сам решить этот вопрос, требовал указа от Елизаветы[1].

Как видим, окончательное прикрепление рабочих ко всем мануфактурам имело место не в 1736 году, как полагал Туган-Барановский, а в 1744 году.

Таким образом, даже интерпретация документа у историка русской фабрики не всегда верна. Но это еще не все. Туган-Барановский не обратил внимания на классовый характер указа 1736 года и не дал классового анализа этого документа, весьма важного в истории образования разряда подневольных рабочих в русской промышленности. Он даже не пытался вскрыть его классовый характер и выяснить его ценность как «объективного» источника, как не пытался вскрыть и классового характера других документов, относящихся к этому вопросу. Например, чем объясняет Туган-Барановский создание разряда поссессионных рабочих в русской промышленности? Какие причины вызвали введение нового вида крепостничества на вольнонаемных людей, работавших в промышленных предприятиях?

(Продолжение следует.)

---

[1] П. С. З., т. XII, № 8969.

М. А. Сильвин

Накануне первой революции

Глава I

Перед вторым съездом

С тех пор, как мы в начале 90-х гг. начали свою работу кротов-могильщиков буржуазного строя, прошло десять лет. После тюремных мытарств и ссыльных скитаний большинство из нас вернулось теперь опять к революционному делу. В жизни страны произошли за это время крупные перемены. Прежде всего сделала большой шаг вперед индустриализация страны. Капитализм развивался стремительно, охватывая все шире и глубже внутренний рынок, осваивая естественные богатства юга, уголь и руды, проникая на Дальний Восток, реорганизуя Урал, всюду ломая и староотеческие приемы эксплуатации и патриархальные формы мышления. Еще в 90-х годах загребущие руки московских фабрикантов не мешали объявлению Владивостока порто-франко, и я лично с удивлением видел в казачьих станицах на Шилке и Амуре мешки из-под пшеницы с клеймами манчжурских и американских фирм и незнакомой формы земледельческие орудия, топоры, молотки, пилы, ножницы и другие домашние инструменты, для которых теперь были уже поставлены таможенные барьеры. В Туркестане те же московские фабриканты, Коншин и др., положили твердые основы капиталистического возделывания хлопка. Вырастало Баку, прокладывая дорогу применению жидкого топлива в промышленности и транспорте, лихорадочно строились новые железнодорожные пути, развивался речной и морской транспорт. Расширялся и внешний рынок. Русские ситцы, керосин, сахар и пр. проникали уже не только в Персию, Манчжурию и Афганистан, они стали знакомы и европейским странам. Там, где для основания нового производства и, значит, открытия новой скважины для извлечения потока прибыли не хватало собственного капитала, привлекался иностранный. Золотое денежное обращение упрочилось. Старозаветный «купец» с его смирением перед дворянством и обращенными к престолу мольбами о «воспособлениях» начинал уступать место по-европейски образованному, знакомому с современной техникой коммерсанту «независимого» образа мыслей.

Изменения, вызванные прогрессом техники в социальной структуре общества, отражались и в быте. По прибытии в 1902 г. в Петербург после ссылки я, посещая квартиры старых знакомых, был удивлен в особенности двумя вещами: электрическим освещением, заменившим прежние керосиновые лампы в домах, и телефоном. Наряду с этим шло применение газа для кухонных плит и ванн, центральное отопление, лифты, развитие водопроводной и канализационной сети в больших городах, — все это, конечно, лишь в буржуазных кварталах; рабочие жилища попрежнему скорее напоминали логовища троглодитов, чем обиталище людей эпохи «цивилизации». На улицах стали появляться легковые автомобили, пока еще, впрочем, очень редкие. Вошли во всеобщее употребление пишущие машины в конторах и рота-

ционные в типографиях. Фонограф развился в граммофон; делало первые еще робкие завоевания кино (кинематограф как публичное зрелище впервые появился в Петербурге в зиму 1895/96 г.).

Не менее значителен был сдвиг и в области сельского хозяйства. Низкие цены 90-х годов были забыты, рост промышленных центров предъявлял все больший спрос на продукты питания, увеличивая и экспорт зерновых продуктов за границу, быстро развивалось возделывание промышленных растений, льна, свекловицы, подсолнуха и пр.; повысились арендные цены, сокращалась все более доля испольщика-крестьянина в урожае. Для кулацкой же части крестьян земля стала ценным средством производства, не только главным и серьезнейшим источником существования, но и источником прибыли. Расслоению в помещичьем классе соответствовало расслоение в массе крестьянства. Безмерное увеличение эксплуатации беднейших крестьян, наделы которых не обеспечивали им минимума, необходимого для физического существования, порождало озлобление и вызывало то там, то тут еще смутно осознанные проявления лютой классовой вражды, борьбы за землю и волю. Под влиянием высылаемых из столиц социалистически мыслящих рабочих борьба эта стала приобретать все более осмысленные формы и сделалась явлением столь угрожающим для существующего строя, что по инициативе министра Витте было образовано «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Совещание это, организованное из представителей землевладельцев и интеллигенции, в речах и постановлениях своих членов раскрыло картину такой нищеты крестьянской массы и такой остроты классовых противоречий в деревне, что вопрос о коренной реформе аграрных отношений вставал сам собой. По решению наиболее упорной в своем консерватизме части дворянства «совещание» это было вскоре закрыто.

Огромная перемена произошла и в росте численности и классового самосознания рабочей массы. Рабочий старого типа, «тихоня», как характеризовал его Тургенев в своей «Нови», сохранился разве только в самых медвежьих углах. Еще в 90-х годах либеральный публицист «Русской мысли» (1894, № 4), захлебываясь от восторга, живописал так:

«Русский фабричный рабочий — это могучая и покорная сила, при помощи которой быстро растет, развивается, крепнет наше фабрично-заводское производство. Он смышлен, без всяких претензий, довольствуется малым и работает, как вол. За ним, как за каменной стеной, всякое промышленное предприятие».

Этот приятный русскому либералу образ теперь исчез. Забастовки, проводимые с спокойной выдержкой и твердой настойчивостью в требованиях, ясно формулированных, стали заурядным явлением в промышленных районах. В борьбе за экономические требования к рабочим механических заводов и текстильных фабрик присоединились теперь углекопы, железнодорожные рабочие, торговые служащие и всякого рода рабочие неквалифицированных специальностей, включая чернорабочих. Уже в 1897 г. правительство под напором рабочего движения вынуждено было издать закон, ограничивающий рабочий день, — правда, $11^1/_2$ часами — разумеется, в огромном числе случаев неисполнявшийся фабрикантами. Волны рабочего движения все ширились, и, что самое важное, выступления масс все чаще сопровождались теперь политическими требованиями, и это политическое движение выливалось в форму уличных демонстраций. В их организации,

в формулировке лозунгов, в появлявшихся в связи с ними листках: видна была направляющая рука социал-демократии, вернее, отдельных с.-д. групп, еще не объединенных общим центром, лишенных общего руководства, единого плана действий, единой программы. Отсутствие партии, как всероссийской организации, чувствовалось всеми.

Между тем наряду с социал-демократией формировались и крепли буржуазные политические партии, либералы и социалисты-революционеры. Последние стали приобретать в мелкобуржуазной среде популярность как пропагандой среди крестьян и рабочих, так и в особенности отважными террористическими покушениями. О либералах же, несмотря на попытки группировок земской оппозиции и на издание под редакцией Струве нелегального органа за границей «Освобождение», все еще можно было сказать словами Достоевского: «наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить». Все же политическая спячка русского «общества» 80—90-х годов сменилась уже периодом политического возбуждения, развившегося в ближайшие годы в широкое и действительно революционное общественное движение.

Владимир Ильич, еще будучи в ссылке, предвидел это политическое пробуждение масс и обдумывал предстоящую роль социал-демократии в начинавшемся движении, ее ближайшие задачи и пути объединения разрозненно работавших групп, кружков и комитетов в единую мощную партию. В то время как Струве носился с пропагандой идеи, что «социальная катастрофа исчезла из реалистической точки зрения», Вл. Ильич считал, что именно такая «катастрофа» должна быть руководящей целью движения. Еще в ссылке, в статьях, предназначенных для «Рабочей газеты», которая должна была выходить по постановлению первого съезда партии, в статьях, своевременно не увидевших света, Вл. Ильич ясно формулировал наши задачи. На первом месте стояла здесь разработка революционной теории, так как крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, объединяющей всех социалистов; затем шла выработка партийной программы в целях организации классовой борьбы пролетариата и руководства этой борьбой, «конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и устройство социалистического общества». При этом, по мысли В. И. Ленина, пролетариат должен явиться гегемоном, вести за собой на ближайших этапах борьбы другие борющиеся с старым порядком вещей общественные классы. Возможность этого обусловливалась прежде всего тем, чтобы стихийная разрозненная борьба рабочих и социал-демократических группировок отдельных местностей превратилась в организованную борьбу единой политической партии. Средством создания такой централизованной партии должна явиться газета, связанная со всеми местными группами, которая одновременно должна быть и трибуной и аудиторией, куда должны стекаться все материалы и корреспонденции; она должна отражать все моменты движения и руководить им, она должна поэтому правильно и систематически доставляться во все местности. Вокруг этой газеты и на почве ее распространения и создается связь между комитетами, создается широкая, крупная и гибкая организация профессиональных революционеров, скелет партийной организации. Общерусская политическая газета с ее обличениями экономического и политического развала отживающего строя, проникающая при посредстве пролетариата в крестьянство, в широкие низы народных масс должна быть народной политической газетой и вместе с тем близкой

всероссийской партийной организации, которая положит конец существующему кустарничеству с.-д. работы. Эти же мысли Вл. Ильич развивал и позже на страницах «Искры» в статье «С чего начать» и в особенности в своей книге «Что делать», вышедшей в начале 1902 г. и сыгравшей огромную роль в организации партии.

По возвращении из ссылки в начале 1900 г. Вл. Ильич, сговорившись с Мартовым и Потресовым, кратко сформулировал на псковском совещании ближайшие задачи органа, выяснив отношение к Струве и Туган-Барановскому[1]. Заручившись денежной поддержкой предприятия со стороны А. М. Калмыковой и обеспечив кое-какие другие нерегулярные источники денежных средств, связавшись с некоторыми группами и отдельными лицами в разных городах, Владимир Ильич выехал за границу. Идейные традиции Группы «Освобождение труда», на которых воспиталось целое поколение революционных социал-демократов, были близки и ему, и не было спора о том, что Группа «О. т.» целиком войдет в редакцию. Но Вл. Ильич учитывал сложившуюся десятилетиями эмиграции психологию Группы, ее оторванность от движения, неизбежную тяжеловатость и медлительность работы его членов и полагая, что главная тяжесть работы будет лежать на нем и его молодых товарищах при деятельном сотрудничестве Плеханова, Засулич и Аксельрода. Однако, он встретит здесь неожиданное и упорное противодействие, едва не потопившее «Искру» в самом ее начале.

Плеханов, считавший себя идейным вождем российской с.-д., свое значение ученого и писателя, свое обаяние блестящего публициста несколько преувеличивал и во всяком случае смотрел на себя, как на центральную фигуру всякого партийного начинания и как на безусловный авторитет в вопросах теории и тактики. Он вдруг почувствовал, что «ученик» его, Ленин, как-будто хочет выйти из-под его ферулы. Он уже готовится, как главный редактор, распределять отделы, назначать темы статей и пр., как вдруг ему преподносят готовый план, определенные тактические задачи и и обнаруживают в вопросах теоретических и организационных самостоятельность, какую он не привык видеть в своих товарищах. Эти товарищи, П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич, были людьми несравненно меньшего калибра и так свыклись с своей ролью спутников большого светила, что независимый тон вновь прибывших смутил их и они, видимо, долго не могли освоиться с мыслью, что можно перечить «Жоржу». Помимо психологических и вообще личных мотивов, осложнявших отношения между старыми и молодыми членами редакции «Искры», надо отметить еще одну черту старых, в особенности Плеханова: неверие в творческие, действенные силы российского пролетариата. На длинном пути своей революционной деятельности Плеханов и его друзья успели пережить много горьких разочарований: изолированность от народных масс «Земли и Воли», бесплодность героической борьбы народовольцев, превращение европейской социал-демократии из партии революции в партию соглашателей. Им всегда казалось, что Ленин слишком укорачивает путь от полуфеодальной абсолютной монархии к социалистической революции, что огран[illegible]-

[1] П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский, так называемые легальные марксисты, в середине 1890 г. пытавшиеся насадить в тогдашней России ревизионизм и использовать социал-демократию и рабочее движение в интересах развивавшегося капитализма. Оба в эпоху первой революции стали кадетами, а после Октябрьской революции оголтелыми белогвардейцами, вдохновителями вооруженной борьбы с Советской властью. И Струве, и Туган-Барановский в эпоху гражданской войны были министрами белогвардейских правительств. Ред.

ченному в своем политическом сознании и в своих целях российскому пролетариату он подсовывает задачи преждевременные, непосильные и недостижимые для него в ближайшем будущем. В этом отношении члены Гр. «О. т.» разделяли, повидимому, впечатление А. М. Калмыковой, беззаветно преданной «Искре» и Ленину, но под старость ставшей несколько наивной в своих суждениях. «В Пскове, — пишет она («Былое», 1926, № 1), — Вл. Ильич прочел нам статью, написанную им для первого номера. Говорил он от имени рабочей массы, пролетариата, и когда я высказала ему свое удивление, что он говорит от имени массы, которой еще не существует (Калмыкова, очевидно, хочет сказать «которая так не думает». — *М. С.)*, он отвечал: «она проникнется убеждением, что она уже есть, **что это ее слова и требования»** (разрядка моя. — *М. С.*).

Как бы то ни было, возникшие трения были пока преодолены; Вл. Ильичу удалось даже перевести редакцию «Искры» подальше от Женевы, в Мюнхен, а затем в Лондон, чтобы не быть слишком связанным влиянием своих более тяжеловесных коллег. Из всех трех стариков В. И. Засулич оказалась самой живой и восприимчивой к новым темпам работы и открывавшимся перспективам. Она все время жила с молодыми в самом пекле редакции. «Посмотревши сквозь окошечко «Искры» — не газеты, а ее обстановки — на настоящее революционное движение, я уже не помирилась бы с работой впотьмах», писала она А. Н. Потресову в июне 1900 г.

Началась работа по строительству партии.

В этом отношении положение вещей к началу 1902 г. сложилось очень трудное. Некоторые опорные пункты у «Искры» были. Прежде всего были два надежных стационарных пункта. В Пскове сидел «Лапоть» (П. Н. Лепешинский); туда можно было направлять людей за явками, адресами, паролями, там можно было устраивать встречи, вести переговоры; пункт был удобен сравнительной близостью к границе и соседством с Петербургом. Но роль Лаптя, вопреки ее ответственности, была все же пассивной. Менее пассивным был другой также немаловажный стационарный пункт, Самара, где жили Кржижановские и Ленгник, обслуживающие Поволжье, связанные до некоторой степени с Саратовом через Барамзина («Эмбрион») и с Нижним, где были старые знакомцы Ильича, Пискуновы и Малченко. Более активным центром был Киев, где Крохмаль и Басовский, связанные со многими местами промышленного юга — Екатеринославом, Одессой, Полтавой, Харьковом (через Л. Н. Радченко), организовали транспорт «Искры», координировали работу с «Южным рабочим», пытались не без успеха вести работу объединения на платформе «Искры» по всему югу. В Петербурге был С. И. Радченко. В Смоленске жил член Сев. союза Любимов («Марк»). Были, кроме того, «лошади» (Л. Б. Красин, Л. Е. Гальперин и др.), через которых шли связи с Кавказом, где обрисовывались возможности солидной типографской техники. Другой важный технический пункт был в Кишиневе — тайная, кстати, типография «Акима» (Гольдмана), перепечатывавшая между прочим «Искру». Кроме того в Москве сидел, хотя и мало себя проявлял пока, доверенный человек «Искры» «Грач» (Бауман). Он пытался связать Москву с Киевом, но попытки эти скоро кончились его арестом. С подмосковной областью, с Иваново-Вознесенским районом он не успел связаться, а между тем работа в этом направлении могла бы дать важные результаты ввиду образования Северного рабочего союза, располагавшего значительными личными силами. Деятельным ра-

ботником там был наш товарищ по ссылке Н. Н. Панин, обосновавшийся в Иванове. Кроме него, из старых товарищей входили в Союз еще М. А. Багаев и В. А. Носков, познакомившийся в Уфе с Вл. Ильичем и к 1902 г. бывший уже за границей. Деятелями Союза были также Варенцова, Любимов, Карпов, Стопани, Костеркин, Кардашев, Щеколдин, Кедров, Горн и др., — я называю только тех, с кем мне лично приходилось иметь дело. Еще раньше, в 1901 г., в районе Союза работал старый партиец Бабушкин, хорошо информировавший «Искру» о положении дел в районе своими корреспонденциями из Кохмы, Гуся, Иванова и других пунктов. Несмотря на эти рассеянные по разным местам деятельные силы не было налицо той живой, подвижной организации, которая являлась бы постоянной связью между отдельными пунктами, создавала бы новые ячейки и звенья цепи и сплачивала бы все это вокруг «Искры».

К концу 1901 г. вышло уже 13 номеров «Искры», но распространение ее шло из рук вон плохо. Организовать правильно действующую сеть распространителей не удавалось. В 1901 г. посчастливилось приобрести двух очень ценных сотрудников, как потом стали называть, «агентов» Искры, Ногина и Андропова, но к осени они вкупе с Цедербаумом провалились. На смену им последовательно приходили: «Аркадий» (Ив. Ив. Радченко), «Бродяга» (М. А. Сильвин), Гурвич («Дан»), «Зайчик» (Окулова), Краснуха, Доливо-Добровольский, «Игнат» (Красиков) и другие. Но весь аппарат был явно недостаточен и непрочен. Частые «провалы» нарушали преемственность работы и обрывали связи. Транспорты «Искры», кроме как «путем Дементия» (Басовского, через Теофиполь) и отчасти Таршиса (район Ковно), не достигали назначения. Путь на Батум не налаживался, не осуществился и путь на Варде.

Работа большею частью шла силами старых испытанных товарищей, уже побывавших в ссылке, но они оказались тяжеловесны и малодеятельны. Неподвижно сидел Лапоть, мало признаков жизни подавали самарцы. И. И. Радченко писал в «Искре» незадолго до своего ареста в августе 1902 г.:

«Я в Соню (Кржижановскую) влюблен и мне обидно за нее, год она проворонила, продремлет и еще один... А как Лапоть? Довольно бы и ему отдыхать. Жизнь уходит вперед... Усиленной работой и всякий мало просуществовавший сделает много».

Наиболее жизненными в начале 1902 г. оказывались киевляне, но связей с ними ни у самарцев, ни у Лаптя не было. Л. Н. Радченко была в Харькове и держала связь с киевлянами, но дни ее были уже сочтены. С. И. Радченко в Петербурге был попрежнему тяжкодум и неповоротлив.

Как мало еще было сделано для осуществления организационных идей «Искры», как велик был недостаток в людях и как трудно было найти подходящих организаторов, «агентов» по установившейся терминологии, видно из приписки Вл. Ильича к письму секретариата «Искры» на имя И. И. Радченко от 6 июля 1902 г.:

«Пусть помнит Аркадий, что он теперь у нас почти один и что сберечь себя он должен во что бы то ни стало».

Почти в то же время, в августе 1902 г., Ленин писал Носкову по поводу его замечания по адресу «Искры» («слишком легко агенты набирались»):

«Мы ведь не творим себе «человеческого материала», а берем и не можем не брать, что дают. Без этого нам жить нельзя. Едет чело-

век в Россию, говорит, хочу для «Искры» работать, честный и преданный делу. Ну, и едет, конечно, и идет за «агента», хотя никто из нас никогда сего звания не раздавал. И какие же у нас средства проверять «агентов», руководить ими, ставить на иные места. Да мы сплошь и рядом даже писем добиться не можем, и в 9 случаях из 10 (я говорю по опыту) все наши здешние предположения о будущей деятельности «агента» летят к чорту на другой день по переезде границы, и агент работает, как ему бог на душу положит. Поверьте, я буквально теряю всякую веру в здешние предположения, маршруты, планы и пр., потому что заранее знаю, что это ни к чему. Нам «приходится» биться, как рыба об лед, делая (за неимением других людей) не свое дело. Ведь чтобы назначать агентов, смотреть за ними, отвечать за них, объединять и руководить на деле, для этого надо везде бывать, летать, всех видеть на самом деле, на работе. Для этого нужна артель **практических** организаторов и вожаков, а ведь у нас нет их, т. е. есть, конечно, но мало, мало, мало! Ведь в этом все горе наше. Ведь когда посмотришь на нашу практическую бесхозяйственность, то злишься часто до потери работоспособности и только одно утешает: значит, живое дело, если растет и явно растет, несмотря на весь этот хаос. Значит, перебродит и хорошее вино будет».

Вот в эту атмосферу неперебродившего вина и попал я по возвращении из ссылки в самом начале января 1902 г.

Найдя в Самаре Ленгника и Кржижановских, я заявил им о своем желании немедленно взяться в работу по линии «Искры». Было решено написать об этом в редакцию, а в ожидании ответа посидеть мне в Самаре. Я остался, поселился у Ленгника и засел за свою книжку «В казарме», которую конспиративным путем переправили для напечатания в «Искру». Осматриваясь среди старых и новых знакомцев в Самаре, я увидел, что здесь было много сил, не находящих себе применения. Никаких связей с местными рабочими не было, да и вряд ли стоило заводить их: Самара была в то время совершенно не промышленный город. Между тем здесь, кроме Кржижановских и Ленгника, были еще В. П. Арцыбушев, Кранихфельд и его жена, Н. О. Цедербаум, Газенбуш и семья Ульяновых, в которой на Дмитрия Ильича и Марию Ильиничну можно было вполне рассчитывать, как на активных членов организации. Арцыбушев, старый землеволец, с львиной головой и бородой Карла Маркса, несмотря на свой уже почтенный возраст, относился к нашим планам и предложениям с пылким энтузиазмом юности. Кранихфельд, прозванный «подушечкой» за свой тихий нрав и малоподвижной меланхолический темперамент, был также очень предан движению, и полученное им только что наследство, помнится, 10 000 рублей, полностью отдал на дело «Искры». Кроме них были еще и другие сочувствующие и готовые оказать посильную поддержку делу объединения партии: Шлихтер предоставлял свою квартиру для ночевок нелегальных и оказывал другие частные услуги; Груздь, статистик, обладавший прекрасным голосом, добывал нам адреса для переписки; писатель Скиталец (С. Г. Петров), плохо разбиравшийся в программах, но дружески ко всем нам расположенный, и другие.

«Искра» получалась нерегулярно и с большими опозданиями. Даже в Красноярске, откуда я приехал, она получалась чаще и в больших количествах. Переписка с редакцией была малооживленной и плохо налажена, да и не о чем было писать в редакцию самарцам, мало связанным с центрами работы, — Киевом, Москвой, Петербургом.

Северным союзом. Даже Поволжье не было объединено ими, если не считать редких и случайных сношений с Барамзиным в Саратове и с Пискуновым в Нижнем. Кржижановский сообщил мне немногие доступные ему сведения о зачатках организации, о том, что «Паша» в Харькове, что в Пскове сидит «Лапоть», образуя собой такой же «центр», как он, Кржижановский, в Самаре, и самое интересное о том, что единственным деятельным и подвижным работником, стержнем всего ожидаемого объединения является разъездной агент «Искры» Аркадий. О киевском кружке Басовского-Крохмаля, как и о Северном союзе, самарцы не имели представления. При таком состоянии организации, при полной ее несвязанности и совершенной неоформленности нет ничего удивительного, что когда получилось, примерно в середине января, письмо из редакции, приглашавшее меня, Ленгника и Кржижановского за границу на совещание, или, как мы поняли, на конференцию работников, — мы отнеслись к этому предложению совершенно отрицательно. Нам казалось, что сначала было необходимо хотя что-нибудь сделать, заложить сколько-нибудь прочные основы «Искры» в России. На случай, если бы я не поехал за границу, редакция предлагала мне выехать в Псков и увидаться там с Аркадием. Это была уже определенная директива, которой я и решил следовать. Но перед этим мы устроили пленарное совещание, на котором решительно взяли инициативу внутренней организации «Искры» в свои руки. Совещание состоялось где-то за городом в железнодорожном доме, в котором Кржижановский имел квартиру. На нем присутствовали: Г. М. и З. П. Кржижановские, Ф. В. Ленгник, Д. И. Ульянов, М. И. Ульянова, В. П. Арцыбушев, Газенбуш, М. А. Сильвин и Кранихфельд[1]. Решено было выбрать Центральный комитет с постоянным местопребыванием нескольких его членов в Самаре. Секретарем ЦК была избрана З. П. Кржижановская и помощником ее М. И. Ульянова. В Самаре должны были оставаться Кржижановские, Газенбуш и Кранихфельды. Д. И. Ульянов должен был ехать на юг (вскоре уехал в Одессу, где и был арестован в сентября 1902 г.), Ленгник — в Киев (уехал туда осенью того же года), Арцыбушев — на Урал (уехал в Уфу); Сильвин (Бродяга) и Радченко (Аркадий) — оставались на ролях разъездных агентов. Все названные товарищи были избраны в состав ЦК с присоединением к ним Л. Н. Радченко и шести членов редакции «Искра». Все это было довольно скороспело и даже наивно, но, нам казалось, необходимо было начать именно с этого, т. е. с образования ядра, вокруг которого можно было легче и быстрее сгруппировать публику и объединить связи, чем вокруг отдаленной редакции. Вменено было в обязанность всем членам ЦК возможно чаще сноситься с секретариатом в Самаре, информируя его о своей работе. В отношении местных комитетов и организаций было постановлено следующее:

«Каждый член ЦК, являясь в данное место, должен стремиться к приобретению там наибольшего влияния и иметь конечной целью присоединение данного комитета к организации «Искры» и к признанию ее партийным органом. Для этого он: «1) входит автономно в местную группу, предлагая ей услуги по доставке литературы, газеты, по печатанию прокламаций, заявлений и пр.; 2) если, несмотря на все усилия, комитет остается враждебным, он образует свою собственную группу и свой местный комитет».

[1] З. П. Кржижановская (см. Ленинский сборник, № 8), опустившая мое имя в своем сообщении об этом совещании, ошибочно упомянула Г. Окулову, которая в это время была в Киеве.

Другим важным вопросом было отношение членов «Искры» к местным органам печати. Успехи «Южного рабочего» и «Рабочей мысли» на севере, их большая роль в деле организации движения на пространстве обширных районов, их работа по пропаганде с.-д. идей, выдвиганию и проработке вопросов тактики были неоспоримы и при далеко еще недостаточной замене всего этого руководства «Искрой» эти органы имели для местных работников огромное значение и самая идея их была столь популярна, что каждая местная организация мечтала о своем органе; уральцы пытались издавать «Пролетарскую борьбу», Северный союз собирался выпускать свою газету, даже нижегородцы задумывались о том же. Для нас, конечно, всего важнее было обеспечить гегемонию «Искры» в руководстве движением, всеобщее признание ее программной и тактической линии, объединение вокруг нее. Мы постановили поэтому: «относиться отрицательно к существованию местных органов и стараться сосредоточить все силы для прочной постановки общепартийной группы, как единственного средства к практическому и теоретическому объединению действующих групп».

Протоколы нашего совещания были составлены З. П. Кржижановской и отосланы ею в «Искру». Письмо дошло по назначению, но, очевидно, было перлюстрировано, так как копия его нашлась потом в архивах департамента полиции (см. Ленин. сб., № 8).

Для редакции «Искры» сообщение о нашем совещании было большим и радостным событием. Вл. Ильич услышал в нем действенный отклик своему делу со стороны старых друзей, на преданность и революционное рвение которых он мог положиться.

«Ваш почин нас страшно обрадовал, — писал он в Самару. — Ура! Именно так! Шире забирайте! И орудуйте самостоятельнее, инициативнее: вы первые начали так широко, значит, и продолжение будет успешно».

Вскоре после того я выехал в Псков, где должен был встретить Аркадия. По дороге я заехал в Москву, куда Кржижановский дал мне явку к Грачу (Бауману), также агенту «Искры». Разыскать его оказалось нелегким делом. Все явки и адреса были перепутаны, не точны: или лицо, указанное в адресе, вовсе там не проживало, или его фамилия была совсем иная. Один из старых товарищей, через которого шла конспиративная переписка, жаловался мне по этому поводу: «уж на что у меня чисто русская и вполне понятная фамилия — Шестопалов, так нет, пишут на конверте «Жистопалову». Паспорта у меня не было, кроме своего, выданного мне еще в Минусинске и неудобного для прописки в гостинице, так как проживать в Москве я не имел права. Пришлось искать приюта у личных знакомых, но люди обывательского круга были так сдержаны и мало любезны, что после первых же попыток я решил их больше не беспокоить. И. И. Скворцов, не стоявший тогда близко к делу, направил меня в какой-то книжный магазин на Никитской, откуда барышни позвонили по телефону своему приятелю, присяжному поверенному, нельзя ли сегодня вечером притти к нему «повинтить»; это было условным паролем насчет ночевки приезжему, которая и была мне приготовлена в Денежном переулке, но Денежных переулков оказалось в Москве четыре, и я долго разъезжал по городу, пока нашел пристанище. Наконец, через Лосеву, фельдшерицу Екатерининской больницы, я добрался до Баумана. Впечатление от беседы с ним было угнетающее. По его словам, вся с.-д. организация в Москве была почти что фикцией, местная работа замерла. Комитет не подавал признаков жизни и совершенно не в со-

стоянии был парализовать влияние в рабочей среде зубатовщины с ее многочисленными, солидно поставленными разветвлениями Московского союза механических рабочих; «Искра» получалась редко, распространялась мало, да и то главным образом среди интеллигенции. На-днях он, Бауман, собирался поехать в Киев, чтобы наладить с помощью киевлян снабжение Москвы «Искрой» Я сообщил Бауману о нашем самарском совещании. Он рассказал мне о положении дел в Киеве и усиленно рекомендовал туда съездить, дав мне явку к «Деду», З. Г. Френкелю. Я уехал из Москвы с тяжелым чувством, с впечатлением полнейшего развала.

Заехав дня на два в Нижний повидаться с родными (въезд в этот город мне также был воспрещен), я отправился в Петербург, очень желая не миновать Иваново-Вознесенского района, но никаких явок или адресов в Северный союз ни в Москве, ни в Самаре я получить не мог, и единственным знакомым человеком во всем районе был для меня В. В. Старков, служивший инженером на какой-то ткацкой фабрике близ Шуи, адрес которого мне на всякий случай дал Кржижановский. Из разговора с ним я понял, — в чем я, повидимому, был неправ, — что от дела он стоит в стороне и о положении вещей в районе и вообще в России совершенно не осведомлен. Повидимому, это было не совсем так, и Старков, видимо, проявил в отношении меня излишнюю осторожность, потому что уже в конце февраля он был арестован и отвезен в Петербург.

В Петербурге я нашел С. И. Радченко совершенно изолированным от местной организации, находившейся всецело во власти рабочедельцев. По моим настояниям он однако нашел мне доступ в комитет и устроил свидание с одним из его членов, инженером Аносовым, заранее предупредив меня, что из этого свидания ничего не выйдет. Действительно, все мои старания убедить Аносова в исключительной необходимости поддерживать «Искру», объединить на ее платформе отдельные комитеты и на почве распространения этой общерусской газеты организовать партию, разбились об его упорное и тупое недоброжелательство к «диктаторам». В отношении общеискровских дел Степан был занят тем, как бы восстановить порвавшиеся с арестом Ногина и Цедербаума транспортные связи на западной границе (вероятно, Таршис) для получения «Искры». В Харьков заезжать он мне решительно не советовал, говоря, что там тоже пустое место и что Л. Н. ожидается в Петербург. Таким образом и здесь я не нашел никаких зачатков общерусской организации, а между тем, будучи у жены за Невской заставой в районе Обуховского завода, где она жила домашней учительницей в доме инж. Яковлева, я слышал в кругу знакомых ее патрона, — людей, по своей профессии близких к рабочей массе, — что политические интересы вместе с духом растущего возмущения и протеста приобретают в этой массе широкую и благодарную почву, что настроение масс боевое, что наблюдается среди них сочувствие к с.-р., но это последнее наблюдение зависело уже, конечно, от точки зрения наблюдателей. Во всяком случае Петербург обманул все мои ожидания. Но праздным занятием было бы скулить и падать духом. Я направился в Псков.

В Пскове я поселился на иждивении старого товарища по ссылке П. Н. Лепешинского в его квартире, поджидая Аркадия. Здесь в Пскове жили в то время П. А. Красиков, П. Ф. Кудели, Стопани и еще много других. Делать им всем по линии партийной работы здесь было нечего, если не считать того, что у Лепешинского было бюро по сно-

шениям с «Искрой», через которое шла переписка. В Пскове, удобном своей близостью к столице, жило много других поднадзорных, в том числе Пешехонов, у которого бывали журфиксы, где собиравшаяся публика дебатировала злободневные вопросы партийных разногласий и где блистал своим едким остроумием П. А. Красиков, увлекая иные пылкие сердца. У Лепешинских собиралась своя более тесная группа: брат его и тот же Красиков играли на скрипке. В общем жизнь была по провинциальному бездеятельной и сонной.

Явился Аркадий. Мы устроили с ним совершенно сепаратное совещание, на котором прежде всего установили тот факт, что оба мы разъездные агенты «Искры» и члены образованного в Самаре ЦК, о проблематичном характере которого у нас не было спора. Затем Аркадий рассказал о разгроме на юге и о провале пути Дементия, который необходимо было во что бы то ни стало возобновить, потому что этот путь был до сих пор наиболее продуктивным; все, что было налажено в транспорте до него, быстро провалилось, и, помимо него, «Искра» доставлялась только в чемоданах, так сказать, вручную, и следовательно в очень незначительных количествах. Аркадий обратил мое внимание на то, что организовать транспорт, значит не только найти пути переправы через границу, но обеспечить прием «товара», иметь для этого достаточный штат людей и, главное, иметь надежные склады в ближайших к границе городах, откуда и развозить затем литературу небольшими сравнительно партиями в разные пункты. Киевский склад провалился вместе с Басовским (Дементием), но открылась возможность устройства склада в Конотопе, чем Аркадий и предлагал мне заняться. Другой надежный склад имелся в Смоленске, где жил Любимов (Марк). Для Москвы он дал мне две новых явки, предупредив, что Грач, по всей видимости, погиб. Эти новые явки были: одна в правлении Морозовской мануфактуры на Варварке, где надо было вызвать Ногина, выпущенного из тюрьмы до окончания дела[1], у которого я и был несколько дней спустя; другая — в статистическом отделе городской управы, у жены третьего брата Радченко, Леонтия. Эти явки мы использовывали, связав через них Москву с Самарой и заручившись обещанием приема в Москве литературы. В Смоленске, куда мы вместе с Аркадием поехали, мы взяли 8 пудов искровской литературы и развезли ее частью лично, частью пользуясь предоставленными нам в разных местах молодыми товарищами, в Воронеж, Ярославль, Москву и Самару. Оставив часть литературы в Смоленске товарищу, прикосновенному к складу в качестве технической силы и известному «Искре» под именем Дубровского, мы просили уплатить нам за нее деньги, но он сухо заявил, что причитающаяся по расчету сумма пойдет на издание № 8 «Южного рабочего», — ответ очень нас огорчивший. Мы старались всюду, где было можно, получать деньги за оставляемую литературу, но нам это не всегда удавалось. В одном из своих писем в «Искре» я писал по этому поводу (пользуюсь любезно предоставленными мне Институтом Ленина копиями моих писем в «Искру»):

«Доставлено литературы мной и Аркадием в марте и апреле Семену Семеновичу (Сев. союзу) на 301 р. 10 к., Старухе (Москве) 281 р. 95 к., Птицам (?) 115 р. 95 к., Соне (Поволжью) 791 р. 15 к., Николаю Петровичу (Петербургу) на 332 р. 40 к., считая № «Зари» по

[1] По всей вероятности, это был брат В. П. Ногина, но в памяти моей странным образом сливается это свидание с фигурой самого В. П.

5 р. и № «Искры» по 25 к., брошюра («Что делать») по стоимости (т. е. по цене на обложке. — *И. С.*). Деньги получены от Сони и Красавца, остальные берут в долг, не платят да и все, имейте в виду эти долги».

В другом письме, сообщая об отказе Дубровского уплатить деньги, я писал:

«Дайте ему нагоняй. Мы просили его устроить для нас собеседование с «Южн. рабочим» и приедем туда на-днях, но не знаю, где Виктор (Дан). У Старухи местное дело хорошо, сделайте Федорова (?) представителем»...

В письме от 21 марта я жаловался «Искре»:

«В общем дела не важны, везде неорганизованность, неряшливость, свойственные россам, нет ни квартир, ни ночевки, ни мест для складов; на юге разгром полный».

Главным злом была неорганизованность и вследствие этого медленность сношений с заграницей. Мы не успевали во время получить нужное извещение или послать туда срочное уведомление. Мы продолжали отправлять туда и получать оттуда письма по адресам уже скомпрометированным, и письма эти перлюстрировались. Департамент полиции, отправляя оригиналы писем по адресу, снимал с них копии, без особого труда разбираясь в наших немудреных шифрах. Так, департамент перехватил письмо Булки (З. П. Кржижановской, от 31 января 1902 г.) с приложением протокола нашего самарского совещания. Хуже того, им было перехвачено письмо Надежды Константиновны в Самару от 21 марта с сообщением паролей и явок в Северный союз, по которым чиновник департамента Меньщиков явился в Воронеж, а затем и в Ярославль, где Дан, только что прибывший с Белостокской конференции, подробно информировал его о происходившем там и между прочим осведомился у него о судьбе Бродяги, которым, естественно, Меньщиков очень заинтересовался[1]. Результатом был арест Дана и почти всех работников Северного союза. Такой осведомленности департамента о наших сношениях мы тогда не предполагали и подозревали провокацию. 14 апреля я писал «Искре»:

«Везде многочисленные аресты. Замечательно при этом, что более серьезные из них попадают в самую голову и производятся всего чаще по предписанию из Киева или от департамента полиции. Например, в Воронеже из 40 человек арестованных на прошлой неделе выпущены почти все, кроме наших. Почти все обвиняемые по делу «Искры» свозятся в Киев. Арестованные и уцелевшие все говорят о провокации, которая и для нас несомненна. Я долго думал, откуда она исходит, и начинаю бояться, не от вас ли. Не читаются ли предварительно получаемые вами письма, надежна ли ваша прислуга, если она у вас есть, ваши квартиры и пр. Живя в Европе, не забывайте, что вы окружены русскими шпионами. В особенности будьте осторожны с оказиями, едущими к вам и обратно. Если не вы, так уж эти оказии, наверно, окружены провокацией. Простите, что я позволяю

---

[1] Варенцова пишет об этом («Пролетарская революция», 1922, № 9) «2 апреля я познакомила его (Бронера-Дана) с Иваном Алексеевичем, как с товарищем, только что приехавшим из Воронежа от американцев. Бронер очень заинтересовался этим обстоятельством и спросил, не встречал ли он в Воронеже Бродяги, к которому Иван Алексеевич проявил не меньший интерес. Словом, судьба Бродяги сблизила их, началась общая беседа»... Та же Варенцова сообщает, что Любимов в Смоленске ожидал 30 марта возвращения к себе Бродяги со сведениями о съезде в Белостоке.

себе напомнить об осторожности вам, искушенным в опыте по меньшей мере не меньше моего. Но обстоятельства таковы, что я уже падал духом и приходил в отчаяние. Во-первых, становится грустно от сознания, что 2—3 месяца средняя продолжительность политического существования. Согласитесь, что срок обидно короткий. Во-вторых, у меня теперь множество связей, я везде являюсь, меня все знают, и уже начинают посматривать на меня косо, мое положение становится невыносимым, и я думаю, что если не последует разделения функций, я должен буду просить об отставке. В сущности ведь все — и объединение, и транспорт, и функция складов, и даже функция Дементия, поездки на границу, разговоры, все это лежит на нас двух — Аркадии и на мне. Боясь провокации, не уверенный, что вы получите письмо, я писать вам больше не буду, потому что опасаюсь, как бы мои письма не давали ключа к аресту. Все сведения обо мне и моей работе будете получать от Грызунов» [1].

Провокацию в окружении редакции подозревал и Плеханов. 4 апреля он писал Мартову:

«Боюсь, не провалился бы Дан. У нас здесь явилась мысль, что полиция систематически прослеживает всех, от вас уезжающих».

Ленин писал по этому поводу Кржижановскому 6 мая 1902 г.:

«Бродягин подозревает провокацию, здесь ее быть не может... Очень вероятно, что много нитей взято у нескольких наших арестованных людей, — это все объясняет».

В том же письме Ленин писал о тактических задачах самарского центра:

«Ближайшая задача, чтобы Курц (Ленгник) и Эмбрион (Бараммин) оба тотчас вошли в комитеты. Затем, чтобы Клэр (Кржижановский) и Бродягин (Сильвин) последовали в той или иной форме их примеру... Немедленно перешлите это письмо целиком Бродягину и скажите, чтобы непременно писал нам чаще и чаще, все его письма дошли отлично... Если подтвердится, что Дерево (Дан) погибло, то нам с Клэром или Бродягиным надо поскорее повидаться или списаться сугубо подробно... Не обменяться ли Клэру с Бродягиным, раз того уже все знают» (Ленин, сб. № 8, стр. 232).

Однако ни повидаться, ни списаться с Лениным я уже не успел. Как мы выяснили в Смоленске, полученный там нами транспорт был последним и на дальнейшее получение нельзя было рассчитывать в связи с киевскими и другими арестами. Иван Иванович, не помню уже в каком городе, свел меня с архангельским купцом Плотниковым, через которого можно было будто бы наладить связь с заграницей, именно с Варде, где был склад «Искры». Плотников, щедро заплативший нам за несколько номеров «Зари» и «Искры» и угостивший нас отличным ужином, уклонился однако от категорически поставленного ему вопроса, и проект этот пришлось признать несостоятельным. Тогда Иван Иванович повез меня в Конотоп, где познакомил с гражданином весьма своеобразного для революционной среды типа, владельцем иконописной мастерской, фамилию которого я забыл. В отдельно стоявший особнячек, где он жил и где была также и его мастерская, постоянно привозились и увозились оттуда разные материалы и товары, и потому помещение было удобным, надежным, и владелец соглашался предоставить его нам для склада. Решено было, что именно

[1] «Грызуны» — самарцы. Эта кличка была присвоена им в конспиративной переписке «Искры» по шутливому прозвищу, данному в нашем кружке еще в 90-х годах Г. М. Кржижановскому — «Суслик».

сюда я должен доставить первый же транспорт литературы с границы по восстановлении пути Дементия. В Коногоне мы расстались с Ив. Ивановичем, условившись в половине марта встретиться в Пскове у Лаптя, и я направился в Киев.

Уже в это время мы были озабочены вопросом распространения майского листка, который должен был подоспеть из-за границы. Мы полагали, что это будет первым и очень важным символом партийного единства, если всюду майские демонстрации будут проходить под общим лозунгом, с общими программными заявлениями, с одинаковыми повсюду листками. В переговорах с местными работниками мы убеждали их не издавать своих особых листков, обещая в достаточном количестве доставить листки, отпечатанные в типографии «Искры». При этом мы рассчитывали не на один только заграничный транспорт, но также и на «Акима», кишиневскую типографию, в работе которой Иван Ив. принимал личное участие, и где были уже отпечатаны один или два номера «Искры», которые мы также распространяли при содействии специального транспортера, «Акима» — А. А. Квятковского. Мы рассчитывали, что еще успеем, получив листок «Искры», дать его для размножения в Кишинев. Я поэтому после Киева должен был поехать также в Кишинев, куда Ив. Ив. дал мне явку.

В Киеве З. Г. Френкель, старый народоволец, а теперь искровец, устроил мне свидание с преемником Крохмаля, Льдовым (Сапежко). Это был конспиратор типа нашего С. И. Радченко, так же медлителен, скрытен, преувеличенно осторожен. Совершенно так же, как наш Степан, он в свое время высказывался против «агитации» по тем же мотивам осторожности. Ему удалось ускользнуть от февральских арестов и теперь он играл в Киеве руководящую роль. Свидание состоялось в мистической обстановке садов и катакомб киевской лавры. Результатом его я был просто взбешен. Я писал в «Искру» об этом:

«По обстоятельствам... получать счета они теперь не могут, так что дело приходится вести нам, и это географически страшно неудобно, но делать нечего. Имел разговор с наследником Д. Солнцевым и с наследником Красавца—Льдовым. Первый пока бесполезен, а второй конспиратор до-нельзя. Я поставил ему несколько вопросов: 1) Не возьмет ли на себя Киев объединение юга хотя так, как это мы сделали на севере. Ответ—нет. 2) Не объявит ли Киевский комитет «Искру» своим органом, т. е. руководящим, и т. д. (это я думаю предложить и в других местах). Ответ—нет. Опускаю мотивы. Обещали связи с Ростовом, Одессой. Я слышал в другом месте, что юг объединяется вокруг «Южн. рабочего», организация охватывает будто бы до 20 пунктов и опубликовала свое кредо; что знаете об этом? Есть ли у нее ходы и нельзя ли сговориться с ними и слиться? Вообще, повторяю, съезд необходим».

Свое отрицательное отношение к моим конкретным предложениям Сапежко, как и Петренко, мотивировали разгромом почти всех организаций в южных городах и невозможностью быстро мобилизовать персонал технических работников, пока не восстановится дело на местах. До восстановления местных организаций нечего было, конечно, и начинать их объединения. Против объявления Киевским комитетом «Искры» своим руководящим органом было выдвинуто соображение о необходимости сговориться предварительно по этому вопросу с «Южным рабочим», заслуги и роль которого для движения на юге были столь важны, что порывать с ним или даже игнорировать его в этом деле было бы нецелесообразно.

Другое свидание в Киеве было у меня с Солнцевым [Петренко, ныне член ВКП(б)], которому Басовский благоразумно сообщил связи с заграницей. На мой вопрос, можно ли продолжать пользоваться путем Дементия, он ответил, что самый путь сохранился, но организация разбита и, пока она не восстановлена, киевляне не могут взять на себя снабжение кого бы то ни было «Искрой» и другой литературой, так что если нам надо будет срочно получить майские листки, мы, «агенты» «Искры», должны будем сделать это собственными силами. О других путях транспорта Петренко ничего не знал, думал однако, что «лошади» (Л. Е. Гальперин — Батум) провалились. Во всяком случае он обещал прислать явки к ним по данному мной адресу в Самару и предупредил, что по всей вероятности к «лошадям» придется пробираться через Астрахань, имея в виду, без сомнения, «Дяденьку» (Книпович).

«Лошадьми», — писал я в «Искру», — займемся уже после мая. Пришлите еще раз, что знаете о них, к «Грызунам». Мы по окончании майской операции там съедемся. Кроме пути Д., у нас никакого другого пока нет».

Разузнав у Петренко подробности о «пути Д.», я уехал в Псков. По дороге я заехал в Орел, куда имел явку к прис. пов. Каринскому. Оставив у него несколько брошюр и номера «Искры», всегда бывшие в моем багаже, я заручился его согласием на устройство приемного пункта, малого склада, куда можно было бы привозить литературу с границы. В Орле мне больше быть не пришлось, и я не знаю, использован ли был впоследствии этот склад.

В Пскове я нашел новую директиву «Искры» — ждать приезда Виктора (Имя — рек, Гурвич — Бронер, Дан). Эту директиву «Искра» в письме от 21 марта сообщила и самарцам:

«Виктор прежде всего повидается с Бродягой и сообщит ему все подробности настоящего положения дел и все связи».

Как оказалось позже, эти «все связи» происходили отНоскова, сидевшего уже в Мюнхене, и касались главным образом Северного союза.

После нервной встряски, переездов, переговоров, неудач и огорчений я с удовольствием залег на отдых у Лепешинскаго. Не помню, приехал ли Дан в Псков или мы встретились где-то на станции, но только, встретившись, мы направились прямо в Воронеж для свидания с членами Северного союза, от которых Дан надеялся узнать адрес затеянного рабочедельцами съезда, полагая, что они не могли не получить на него приглашения. Я не видел Дана почти шесть лет и теперь с интересом присматривался к нему и к тому новому, что мне в нем открывалось. Он был несколько иным теперь, чем тот скромный, самоотверженный пропагандист и агитатор, каким я знал его в Петербурге. От него веяло самоуверенностью, самовлюбленностью. С первых же слов он дал мне понять, что он не просто разъездной агент «Искры», как, например, мы с Аркадием, а особоуполномоченный, получивший мандат представлять «Искру» на съезде. «Вам, впрочем, тоже предлагается поехать туда», — прибавил он как бы между прочим. Он сообщил мне о положении дел в редакции, о выработке программы, о возникавших временами трениях, о съезде с.-д. за границей, на котором произошел окончательный разрыв с «Рабочим делом», и о том, что это именно он был «папский нунций», огласивший известную декларацию «Искры». Дан перешел границу с контрабандистами, имея при себе два чемодана, набитых только что вышедшей книгой Ленина

«Что делать». Нашей задачей теперь было развезти эту книгу как можно скорее по комитетам, так как она исчерпывающим образом излагала принципиальные программные вопросы и те организационные задачи, которые стояли теперь перед партией. Она являла собой вадемекум для всех работников по подготовке съезда и для всех его будущих участников. Я принялся за эту книгу, читая ее на пути, и в вагоне, и на ночлегах в гостиницах, где мы останавливались.

Меня, да и Аркадия, всегда очень смущало, что наши путешествия дорого обходятся «Искре». В моем письме от 14 апреля в редакцию я читаю:

«Вот отчет за апрель, вещь это просто ужас: оставалось к 28 марта 423. Получено с Красавца 100, всего приход 523. Дано почтальону для Сем. Сем. 35, Чертельку на то же для Ник. Пет. (Петербурга) 50, Плевинову (?) 150. Остаток к 14 апреля 140 р., израсходовано мной за 16 дней 148 р... Отчет до 28 марта дал Грызунам с тем, чтобы они переслали вам. Мы беспокоимся, остается ли вам что-нибудь при наших непомерных, но неизбежных денежных расходах».

«Пусть Бродяга и Аркадий не смущаются большими расходами», — писала по этому поводу Надежда Константиновна в Самару 6 мая.

Мы всегда имели тенденцию устраиваться как-нибудь подешевле, ночевать у знакомых или брать недорогой номер, обедать в столовых и т. п. В Воронеже я вдруг с тревогой слышу, что Дан приказывает извозчику везти нас в лучшую гостиницу, берет дорогой номер, заказывает обед в лучшем ресторане. — «Послушайте, — говорю я ему, — ведь если мы будем так расточительны, нам не хватит никаких денег». — «Ах, М. А., — отвечал он с досадой, — нужно думать не о сокращении расходов, а об увеличении прихода!» Коммерчески да и политически это было правильно, но как-то неприятно. Откуда у него эти аллюры? — думал я. Я знал, что Вл. Ильич жил за границей очень бедно; в это самое время при переезде редакции из Мюнхена в Лондон Надежда Константиновна ликвидировала всю личную обстановку квартиры Ульяновых за 12 марок. Из разговоров с Даном я узнал, что он около года жил в Берлине и познакомился там с настроениями и нравами германской социал-демократии в тот именно период, когда в ее рядах идея революции, по выражению даже Струве, «исчезла из реалистической точки зрения» и прежний революционный идеализм уступил место погоне за теплыми местами редакторов газет и секретарей профсоюзов, накопивших к тому времени значительные фонды. Дан, смакуя, рассказывал об этих новых для меня явлениях, как о вполне естественных в условиях политической свободы. В особенности возмутило меня его сообщение, что немецкие с.-д. забросили большое литературное наследство Маркса — Энгельса, не желая его разрабатывать, так как занятие это было мало рентабельным, гонорар за него платила партия ничтожный. И, глядя на Дана, на его опрятный костюм, уверенные манеры, все его повадки, на скрытое в нем презрение вожака к слепо идущему за ним «людскому стаду», я думал, что и у нас скоро появится этот тип беспардонного в своем бесстыдстве парламентария, у которого только одна забота, чтобы именно он был выбран в депутаты. Дан много говорил мне о необходимости поднять упавший по его мнению престиж революционеров-центристов.

«Какие-то гимназисты, — презрительно говорил он, — передали нам некоторую сумму, но потребовали при этом, чтобы им было непременно сообщено, на что именно она израсходована. Какое безоб-

разне. Да разве Желябов допустил бы когда-нибудь подобную наглость, разве посмели бы обратиться с таким требованием к Исполнительному комитету. Нам необходимо поднять наш авторитет в широкой публике, безусловное доверие к нам, революционерам».

«Так-то оно так, — думал я, — но все-таки партийные деньги существуют не для того, чтобы проедать их у Фелисьена».

Дан очень обиделся на меня однажды во время нашего путешествия.

— Посмотрите на меня издали, — попросил он, отходя в сторону: — удалось ли мне изменить мою походку?

Его характерная скользящая походка осталась та же.

— Нет, друг мой, — заметил я, — и походка и все остальные ваши особенности остаются при вас.

Он был очень недоволен: у него был «православный» паспорт и он был уверен, что его никак нельзя принять за еврея, чего он, повидимому, очень желал.

В Воронеже через С. А. Мартынову[1] мы получили явку к «американцам», членам Северного союза, и имели несколько совещаний с ними. Там были: Карпов, Костеркин, Горн, Кардашев, Щеколдин и еще несколько товарищей. Несмотря на все красноречие Дана, северяне к предложению объявить «Искру» своим органом отнеслись сдержанно, ссылаясь на какую-то свою программу, посланную на отзыв в «Искру». Чувствовалось, однако, что это своя публика и с ней можно будет сговориться. Они взяли у нас порядочное количество литературы, в том числе «Что делать», которое Дан первый привез в Россию и которое мы вообще оставляли всюду, где только побывали, в особенности хорошо снабдив им север, Псков, Смоленск, Петербург, Москву, Орел, Иваново-Вознесенск; некоторое количество мы переслали в Самару для распространения в Поволжье, затем уже я один распространял книжку в Киеве, Харькове, Полтаве. Интерес к ней всюду был огромный, и мы не могли удовлетворить предъявлявшегося на нее спроса.

Дан был очень огорчен тем, что ни в Пскове, ни в Москве, ни в Смоленске и, наконец, ни в Воронеже он не узнал адреса созываемого Бундом съезда, который по директиве «Искры» должен был быть объявлен конференцией. Съезд был назначен на 21 марта, но где? Дану, имевшему специальное задание быть на этом съезде, ничего не оставалось делать, как помчаться в Самару, откуда он, наконец, и отправился в Белосток, куда прибыл с опозданием на 4 дня, но все же успел выполнить возложенную на него миссию. Не его вина, что Меньщиков, искусно разыграв водевиль с переодеваньем, унич-

[1] Доктор Мартынов, его жена, брат ее, присяжный поверенный Перелешин, были связаны когда-то с народовольцами и побывали в ссылке. Теперь они принадлежали к тому кругу радикальной интеллигенции, которая в недалеком будущем составила ядро организации «Освобождение», а затем либеральной конституционно-демократической партии, возглавленной П. Н. Милюковым и П. Б. Струве. В 1902 году дом Мартыновых в Воронеже, подобно тому, как это было у Перелешиновых в Пскове, до некоторой степени был центром, где сходились на журфиксах для выяснения программных разногласий и обсуждения злободневных политических вопросов социалисты и радикалы, поднадзорные статистики, заезжие нелегальные, члены местных социал-демократических группировок и куда бывали вхожи также и наши «американцы». У С. А. Мартыновой была явка к «американцам», и я был очень обрадован, явившись к ней в поисках своих и встретив у нее приветливый, дружеский и ласковый прием. Любимов (Марк) был немедленно ко мне вызван.

тожил все результаты его усилий, как и результаты всей белостокской конференции вообще. Обходное движение против «Искры» со стороны Бунда и солидарного с ним тогда Петербургского комитета разбилось о подводные скалы политического сыска.

Не имея вкуса к интригам и всякого рода переговорным комбинациям, я считал белостокскую конференцию пустой затеей, и ехать туда для того только, чтобы аннулировать затем все ее постановления, я не имел охоты и предоставил Дану исключительную честь представлять там «Искру». Я был озабочен другим. Я писал в «Искру»:

«Виктора (Дана) отправим в объезд для разговоров, он мастер, а сами займемся развозкой майских листков и организацией счетоводства (т. е. сбором денег. — *М. С.*)... Теперь задача в том, чтобы создать орган с большой властью, приказания которого исполнялись бы без разговоров. Это необходимо, чтобы не было хаоса в действиях, чтобы действия стали общепартийны. С маевкой, очевидно, опять хаос: разные листки, неодновременные, неодинакового характера манифестации. Орган (здесь разумеется организационный центр, а не орган печати. — *М. С.*) необходим также в целях объединения сумм, технических и личных средств. Может ли быть им «Искра»? Отдаленность и пр.? Вообще теперь необходим съезд. Находите ли вы это и если да, где и когда устраивать»[1].

Приближалась маевка, и надо было добывать заготовленные «Искрой» листки, которые уже лежали на границе и доставку которых на места мы так щедро наобещали, уговаривая товарищей в целях единства демонстраций и лозунгов не выпускать своих особых местных листков. На другой день после того, как Дан выехал в Самару, я отправился на юг, имея в виду два конечных пункта: Теофиполь (путь Дементия) и Кишинев. Зная уже, что в Киеве нечего ждать помощи, я решил проехать в Полтаву (в конспиративной переписке — Паша) разведать, нельзя ли там найти людей и другие средства для получения и развозки майских листков. Но как и во многих других местах впечатление от Паши (по другой терминологии — «пепелище Якова», т. е. С. Цедербаума) было не из веселых. Помню, что ночевал я там в квартире Чериковер, которая свела меня к Штесселю. Никаких средств и никаких людей в мое распоряжение они предоставить не

---

[1] Несколько выдержек из моих писем в редакцию «Искры» были приведены в докладе организации «Искры» второму съезду партии (см. Доклады с.-д. комитетов второму съезду РСДРП. Госизд., 1930, стр. 42—43).

Писем непосредственно из редакции я не получал и все сношения со мной велись главным образом через Самару, куда я приезжал еще раз на пути своих разъездов, не помню уже из какого города, получая там информацию. Следы такого порядка сношений со мной я вижу в письме Н. К. Крупской Ленгнику от 23 мая 1902 г. (см. Ленин. сб. № 8): «Пусть Бродягин ...повидается с Бакуниными». К этому редакция Ленин. сб. делает примечание:

«Племянник М. А. Бакунина, доктор, оказывал существенную помощь в распространении «Искры» в России, близко стоял к тверской с.-д. организации»

Я не помню имени Бакунина в числе лиц, которых я встречал или с которыми должен был вести переговоры, но помню, что самарцами (а, может быть, Даном по поручению редакции) было мне сообщено об образовании Аграрной лиги, состоявшей из кружка интеллигентов, связанных с деревней,—врачей, фельдшеров, учителей, агрономов, имевших свои центры в Твери и Новгороде, стоявших на с.-д. точке зрения и с полным сочувствием относившихся к «Искре». Аграрная лига желала теснее связаться с «Искрой», регулярно получать газету и пользоваться содействием нашей организации для осуществления пропагандистских и вообще политических задач в своей работе в деревне. Явки и адреса в Аграрную лигу, которые я так и не успел использовать, были зашифрованы в моей записной книжке, счастливо уничтоженной мной в момент ареста.

могли. Мне показалось, что Штессель, угрюмый и замкнутый, переживал в это время период душевной репрессии, отчасти под влиянием первичных неудач и провалов. «На Пашу надежда плоха, — писал я в своем донесении «Искре», — он скоро уезжает, заместителя указать не может, в складе отказывает».

Я пробыл в Полтаве дня два, чтобы собраться с мыслями, резюмировать сделанное, формулировать для «Искры» положение вещей, так как хорошо понимал, что еду на неверное и опасное дело: выручать транспорт на границе и возобновить путь Дементия, по всей вероятности уже раскрытый. Если бы все сошло благополучно, я, доставив груз в Конотоп, отправился бы к Гольдману в Кишинев со спешным заказом того же майского листка, который затем с помощью самарцев и сегерян своевременно бы развез по России. Таковы были мои планы. Я не знал тогда, что кишиневская типография уже 22 марта была арестована, так что если бы дело в Теофиполе и сошло мне с рук, я был бы, вероятно, взят в Кишиневе.

Как раз в те дни, когда я был в Полтаве, город находился под впечатлением происходивших кругом крестьянских волнений. Прошлый год был неурожайным, и к весне деревня уже переживала голод. Беднота бросилась на господские усадьбы, разбирала и увозила хлеб, угоняла скот, жгла постройки. Раздраженные повышением арендных цен в последние годы и уменьшением доли испольщика, к бедноте присоединились и более зажиточные, которым не столько нужен был хлеб, сколько хотелось показать панам, что у них можно взять все — и землю, и продовольственные запасы. Десятки тысяч крестьян приняли участие в движении. В Константиноградском и Полтавском уездах было разгромлено 54 именья, в соседних Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губ. — 25 имений. Волна крестьянского движения почти одновременно прокатилась по всему черноземному краю, в Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Екатеринославской, Черниговской и Херсонской губерниях. Выстрел Балмашева еще более повысил общее возбуждение. Я писал в «Искру» из Полтавы:

«Пишут ли вам о крестьянских бунтах в Воронежской и Полтавской губ.? В последней целые битвы, 4 апреля 9 человек убитых, войска посланы даже из Киева, сам Драгомиров ездил на театр военных действий. Причина: будто бы прекращение сдачи земли в аренду в целях ведения собственного хозяйства помещиками».

В другом письме в «Искру», к сожалению не найденном мной в архиве Института Ленина, я под впечатлением крестьянских волнений высказывался в пользу агитации за вооруженное восстание.

В Киеве Петренко рассказал мне, как проехать в Теофиполь, местечко, километрах в 15 от Подволочиска, что у самой бывшей австрийской границы. Осторожности ради я проехал туда через Шепетовку и Заславль, откуда пробирался дальше уже на лошадях. Дорога часто шла прекрасным дубовым лесом. «Чьи это леса? — спрашивал я по временам возницу и всегда слышал ответ: «князя Сангушко» или «графа Потоцкаго», других владельцев на всем огромном пространстве, по-видимому, не было. В Теофиполе я остановился в корчме и без труда разыскал Мальцмана. Он объяснил мне, что путь сохранился в том отношении, что груз лежит по ту сторону границы в надежном месте и контрабандист попрежнему согласен его переправить, если с этой стороны груз будет принят. «Но, — говорил Мальцман, — я удивляюсь, что вы приехали; перед самыми арестами я был в Киеве и виделся с Крохмалем, за которым, очевидно, уже следили; проследили,

повидимому, и меня, потому что я вижу много признаков усиленного наблюдения за мной».

Я с своей стороны объяснил, что для меня получить груз — дело чести, и я приму его лично. Мальцман дал знать о моем приезде контрабандисту, и часов в 11 вечера мы уже все трое сидели, попивая дешевое бессарабское вино, и обсуждали техническую сторону вопроса. Условились, что груз, до 6 пудов, будет доставлен на подводе в следующую ночь и я вместе с подводой проеду до Шепетовки, где сдам «товар» на железную дорогу по назначению. Контрабандист, почтеннаго вида старый бородатый еврей, внушал к себе полное доверие и, кажется, действительно заслуживал его, потому что, как я после узнал, груз в конце концов был через него же получен. Почему этот путь затем оборвался, я не знаю. По уходе старика было уже поздно итти в корчму, можно было навлечь подозрения, да и не хотелось, — так больно кусались там блохи; багажа со мной никакого не было, и я остался у Мальцмана ночевать. Это была роковая ошибка. Сквозь сон я слышал бряцанье шпор и громкий говор, и проснулся, когда кто-то, держа меня за руки, говорил: «Ваше благородие, тут еще один!». Ротмистр и прокурор принялись меня допрашивать. Я назвал свою настоящую фамилию, заявил себя корреспондентом газет и объяснил, что езжу в этих местах, собирая материал для газеты.

«Мы ничего о вас не знаем и у нас нет предписания арестовать вас, но мы должны вас задержать и доставить в Киев до выяснения».

Меня обыскали и все содержимое моих карманов, в том числе два паспорта и записную книжку, где были зашифрованы адреса и явки, положили на стол возле кровати, на которой я остался сидеть. Начальство ушло в другую комнату составлять протокол, оставив возле меня понятых, двух крестьянских парней с простодушными рожицами. Присмотревшись к ним, я протянул руку к столу, как бы осматривая свои вещи. Парни отвернулись. Мы вели нашу работу в атмосфере почти всеобщего сочувствия. Я быстро сунул в карман пиджака записную книжку и фальшивый паспорт. Парни улыбнулись. Я попросился выйти и в сопровождении жандарма был выпущен на двор. Ночь была темная. Первой мыслью было бежать; но кругом каменные заборы соседних владений, сзади жандарм с револьвером... подождем. Записную книжку и неудобный паспорт мне удалось незаметно уничтожить и я вернулся в дом. Под утро Мальцмана и его жену на деревенской подводе под конвоем отправили в Киев. Меня ротмистр и прокурор взяли с собой в квартиру станового пристава, где они остановились. Вежливый хозяин просил меня, «как воронежский дворянин и бывший офицер», оказать ему честь отобедать у него. Я отказался. Невольные спутники усадили меня в свою коляску и повезли вдоль самой границы в виду цепи часовых в Волочиск. Садясь обедать в буфете станции, я увидел рядом с собой жандарма, не отходившего от меня затем и в поезде. На другой день я уже сидел арестованным в камере Старокиевскаго участка. Это было 22 апреля 1902 г.

Было печально, что моя работа для «Искры», для партии и ее объединения оборвалась так скоро, и единственным утешением для меня было сознание, что, несмотря на свою кратковременность, работа эта была важной и что продолжатели ее, мои преемники, найдутся. Прошло, однако, немало времени, прежде чем у меня и Аркадия, арестованнаго через три с половиной месяца после меня, нашлись эти преемники. Еще 6 июля Вл. Ильич приписал на письме Н. К. в Самару:

«Пусть помнит Аркадий, что он теперь у нас почти один и что сберечь себя он должен во что бы то ни стало».

Но «сберечь себя» деятельному революционеру в то время было невозможно, и уже в августе самарцы сообщали «Искре»:

«Взяли Аркадия, нельзя выразить, как это досадно, больно и грустно. Эквивалента ему и Бродяге нет. Эти потери страшно чувствительны».

В заключение этой главы мне хотелось бы сказать несколько слов о судьбе «Самарского центра», в котором началась моя работа для «Искры». Главное его значение в истории того периода состояло в том, что он был относительно прочным стационарным пунктом, куда можно было направлять сообщения, людей, адреса и явки из-за границы и где работники по подготовке съезда и по строительству партии всегда могли найти нужную информацию друг о друге и вообще о положении вещей. Здесь же всегда можно было найти и поддержку денежными средствами, благодаря главным образом энергичным усилиям Г. М. Кржижановского, использовавшего для этого свои личные связи и собиравшего значительные суммы. «Самарский центр» с отъездом Д. И. Ульянова в Одессу и Ф. В. Ленгника в Киев, с арестом моим и Аркадия оставался небольшим, но пользовавшимся всеобщим доверием и авторитетом группой, состоявшей из Г. М. и З. П. Кржижановских, М. и А. И. Ульяновых, В. П. Арцыбушева, Газенбуша и Крамихфельдов. До формального образования ОК эта группа выполняла до известной степени его функции, поддерживая связи с отдельными местностями, выискивая и распределяя работников всероссийского значения, т. обр. из бывших товарищей по ссылке. Возвращаясь из Сибири, старые товарищи обычно не миновали самарцев. Через Самару в июле 1902 г. проехал Лалаянц, направленный за границу. Через Самару осенью того же года вновь связалась с организацией Г. И. Окулова («Зайчик»). Здесь бывали в разное время Бауер, Шаповалов, Красиков, Книпович и др. Позже там жил некоторое время И. Ф. Дубровинский, группируя поволжские связи, но с отъездом Ульяновых и Кржижановских Самара утратила свое значение Центра

(Продолжение следует.)

Выстрел по Зимнему дворцу 6 января 1905 г.

За три дня до шествия рабочих ко дворцу раздался выстрел на «крещенском параде».

Это был выстрел картечью вместо обыкновенного холостого. Пули засвистали около Николая II и его свиты, один из городовых Лесного уч. Петр Романов оказался раненым в глаз, пуля пробила также и знамя. Зеркальные окна в Зимнем дворце во втором этаже были разбиты. Стреляли хорошо, выстрел, казалось, предназначался царю.

А. И. Верховский, в 1917 г. бывший военным министром временного правительства, присутствовавший на параде в качестве камерпажа, описывая этот случай [1], говорит, что выстрел «тяжело повлиял на царя: он горько усмехнулся и заметил: «моя же батарея меня и расстреливает. Только плохо стреляет»...

Насколько Николай II был напуган, свидетельствует и факт оставления царем с этого дня Зимнего дворца и его переезда в Царское село (теперь Детское), где он за тройной цепью охраны отсиживался подобно своему отцу в качестве «пленника русской революции».

Немедленно было начато расследование, причем департамент полиции и военные власти постарались дело замазать и свести его к неопытности нижних чинов и недосмотру со стороны офицерства. Военные и полицейские власти пришли к заключению, «что за неимением в деле указаний на какой-либо преступный умысел, происшедший в январе выстрел с достаточной вероятностью может быть объяснён несоблюдением установленных правил при обращении с орудиями в парке и на салютационной стрельбе».

Хотя ни одна из действовавших в то время партий не сообщала, что выстрел подготовлен какой-либо партийной организацией, но всем было ясно, что спутать боевой снаряд с учебным более чем затруднительно, что тут налицо «умысел», а не «случайность».

В делах Военно-исторического архива мы нашли и публикуем два письма, выражающих мнение реакционных кругов по этому вопросу.

Одно, адресованное военному министру, подписанное «преданный престолу и отечеству», говорит прямо: «злой умысел в январе превзошел всякие политические гадости, коими наводнили Россию». Автор возмущается, что расследование дела поручено начальнику артиллерии и вообще тем же артиллеристам. «Истинно-русский» автор письма считает, что благодаря этому событию «утрачивает доверие военный мундир». «Крамола проникла в армию» — вот смысл письма «истинно-русского». Автор другого письма, посланного судебному следователю по важнейшим делам, подписался так: «помещик Рязанской губ. потомственный дворянин NN». Он тоже в выстреле видит «злой умысел». «Тут был заранее заготовленный снаряд», — заявляет он.

[1] «Былое», 1924 г., № 27—28, стр. 160—162.

3 марта 1905 г. состоялось заседание Петербургского военно-окружного суда, разбиравшего это дело. Суд постановил: «исключить из военной службы и подвергнуть заключению в крепости: капитана Давыдова на 1 год и 6 месяцев, шт.-капитана Карцева на 1 г. 5 месяцев, подпоручика Рот II — на 1 год 4 месяца, подпоручика Рот I — подвергнуть содержанию на гауптвахте с ограничением некоторых прав и преимуществ по службе на три месяца; младшего фейерверкера Гандарева и канонира Апалькова — отдать в дисциплинарный батальон сроком на 2 года каждого».

Б. Струмилло

Из обвинительного акта по делу о выстреле на крещенском параде 6 января 1905 г.

6 января настоящего года для производства салютационной пальбы во время церемонии водоосвящения в высочайшем государя императора присутствии в Иорданской часовне, против Зимнего дворца, согласно особому приказанию по войскам гвардии и Петербургского военного округа от 27 декабря 1904 года за № 91 было предписано трем батареям гвардейской артиллерии стать на Васильевском острове на Набережной Невы, против здания Биржи, под начальством командира дивизиона Гвардейской конно-артиллерийской бригады полковника Гаспарини. Батареям предлагалось прибыть в назначенные места к 12¼ час. дня, а к 11½ час. утра выслать к зданию Биржи фейерверкеров (линейных) для расстановки коих и указания места расположения батарей согласно приложенному к приказанию плана расположения войск был назначен офицер генерального штаба подполковник П[illegible]цов. В состав артиллерии для указанной цели входили: 1-я его величества батарея Гвардейской конно-артиллерийской бригады и 4 батареи л.-гв. 1-й и 2-й артиллерийской бригады, причем две последние батареи располагались полукругом, ниже биржевого сквера, у спуска, а первая — на площадке от Дворцового моста до Биржевого маяка (ростральной колонны), причем фронт этой последней батареи, как то видно на приложенном к особому приказанию плане, имел косое направление к стороне Зимнего дворца, с таким расчетом, что прямая линия (директрисса) первого орудия, минуя иорданскую часовню, проходила левее ее и упиралась приблизительно в здание Эрмитажа.

В исходе первого часа дня последовал высочайший выход с Иорданского подъезда в часовню, и когда, в присутствии государя императора, изволившего находиться с правой стороны у входа означенной часовни, вместе с другими высочайшими особами императорской фамилии началась церемония погружения св. креста в воду и освящения знамен, то по данному ракетой сигналу начался установленный салют. Первый выстрел был сделан с Петропавловской крепости и затем начали салют батареи, расположенные на Васильевском острове, по порядку с первого орудия 1-й батареи Гвардейской конно-артиллерийской бригады с промежутками между выстрелами в пять секунд. Вслед за первым выстрелом из второго орудия той же батареи многие из присутствовавших как в самой иорданской часовне, так и вблизи по набережной Зимнего дворца были поражены свистом летящих в воздухе предметов, и тут же некоторыми из них были подняты упавшие на землю круглые пули, повидимому от картечи; независимо сего

находившийся тогда в наряде на дистанции № 5, близ иорданской часовни, городовой Лесного участка Петр Романов был такою же пулею тяжко ранен в левый глаз с повреждением глазного яблока, а у стоявшего на деревянном помосте иорданской часовни, влево от входа и шагах в шести от места нахождения его величества государя императора, знаменщика Морского кадетского корпуса фельдфебеля гардемаринской роты Салова одна из таких пуль попала в древко знамени, сшибла шляпку гвоздя и, пробив полотнище знамени в правом нижнем углу, скользнула по носу Салова, не причинив ему никакого повреждения. Происшествие это, однако, не помешало дальнейшей церемонии водосвятия, и только по окончании ее и положенного салюта принятыми энергичными мерами удалось установить, что причину сего случая следует отнести к выстрелу, во время салютации, одним из орудий первого взвода 3 батареи Гвардейской конно-артиллерийской бригады, картечью, вместо обыкновенного холостого[1].

Анонимное письмо военному министру. Без даты

Злой умысел (6 янв.) превзошел всякие политические гадости, коим наводнили Россию. Всякого из нас душою русского гражданина и человека истинно-преданного государю императору, всероссийскому престолу и отечеству, поставил в глубокое уныние. Гвардейская батарея вместо холостого сделала выстрел картечью в Иордань и Зимний дворец его величества, а между тем расследование такого случая поручается начальнику артиллерии и вообще тем же артиллеристам. По нашим соображениям следовало бы начать следствие с самого начальника артиллерии корпуса и кончив канониром, бывшим у орудия, вот только тогда успокоятся умы истинно русских людей, да' и тогда будет понятно, что действительно злодеям нет спуска. Просим эти соображения принять во внимание во имя достоинства того ведомства, представителем коего вы состоите. Такое направление следствия желательно бы знать чрез газеты. Так как в данном поступке утрачивает доверие военный мундир.

Преданный престолу и отечеству[1].

Письмо помещика

Желая по возможности дать некоторое освещение случаю, бывшему в январе на церковном параде, я убежден, что тут имел место не простой случай, а злой умысел. Тут был заранее заготовленный снаряд. Вы скажете, что это вздор, ибо снаряды все на счету в батарее и из них украсть нельзя. В батарее взять невозможно, но на заводе, где выделываются медные гильзы для снарядов, их можно достать сколько угодно.

Дело в том, что где-то в Петербурге или около его есть завод, выделывающий гильзы для орудий. Года два тому назад в нашу местность пришел на побывку рядовой, мастер с этого завода. Он принес с собой около 15 штук новых орудийных гильз. Их он раздарил в своей деревне своим родным и знакомым. Я видел их и держал в руках. Их было два сорта: одни высотой в 2 дюйма при внутреннем диа-

[1] ЛОЦИА. Главное военно-судное управление. Дело Петербургского военно-окружного суда, № 144, 1905 г., л. 12.

[2] ЛОЦИА. Главное военно-судное управление. Отд. 2-й, д. № 4, 1905 г., л. 3.

метре в 3 дюйма с винтовой конической нарезкой в дне. Другой сорт я не измерял, но приблизительно диаметром 2" и высотой от 8 до 10".

Видите, как легко добыть гильзу для снаряда, и зарядить ее еще легче. Воруют на казенных заводах массами. Вот и этот солдат украл их для подарков, они ни ему и никому другому не нужны, но украл их потому, что плохо лежали. Если не усилят надзор, то много всяких снарядов может попасть в руки врагов России.

Подумайте о том, что я вам пишу.

Буду счастлив и рад, если письмо мое принесет пользу делу.

Примите уверение в совершенном к вам уважении.

Помещик Рязанской губ., потомственный дворянин XX[1].

[1] ЦГВИА. Главное военно-судное управление. Дело Петербургского военно-окружного суда, № 144, 1905 г., л. 13.

М. И. Михайлов (Кром)

Бойня в Екатеринославской тюрьме в 1908 г.[1]

27 апреля 1908 г. судился Одесским военно-окружным судом анархист Нагорный[2] и был приговорен к смертной казни.

Через 2 дня он должен был пойти на объявление приговора в окончательном виде. Администрация тюрьмы в провокационных целях оставила Нагорного и после суда сидеть в 10-й следственной камере, куда он был переведен из секретки за месяц до своего суда.

Многие товарищи утверждали, что Нагорного начальник нарочно оставил в камере незакованного после вынесения приговора, чтобы этим спровоцировать камеру на побег.

Это утверждение имеет за собой веские данные, ибо, кроме Нагорного, обыкновенно всех приговоренных к смертной казни моментально переводили в секретки и тотчас же заковывали по рукам и ногам. Нагорный боялся, что его могут перевести в секретку и там заковать, и таким образом рухнет его проект побега; он стал торопить 10-ю камеру немедленно приступить к исполнению своего намерения. Никого об этом не оповестив, 10-я камера решила немедленно бежать. 29 апреля 1908 года, сейчас же после обеда, камера попросилась на прогулку. Вышла она вся в количестве 21 человека, из которых большая половина имела 279-ю смертную статью, остальные были каторжане, которые заранее сняли кандалы. На прогулку они захватили с собой 2 матраца, петарду и жестяной чайник, в котором находилась фитильная бомба. Как выяснилось потом из следственного материала по этому делу, план их состоял в том, чтобы взорвать стену, выходящую на двор казармы стражников, а оттуда пробиться на волю.

Петардой они думали наполнить двор дымом, чтобы незаметна была их работа. Но вышло иначе.

Матрацы они подложили к толстой тюремной ограде, поставили на них чайник с бомбой, и Рыбовалов зажег фитиль.

Раздался оглушительный взрыв, в главном корпусе и даже в нашем заднем корпусе все стекла были разбиты. Рыбовалова отбросило в сторону, обожгло всего; бомба ударилась в другую сторону, выбила противоположную дверь корпуса и дала значительную трещину стены в этом здании.

Как только участники предполагаемого побега убедились, что сте-

---

[1] Глава из моих воспоминаний «Шесть лет в тюрьмах Екатеринославской губ.».

[2] Нагорный — «анархист-индивидуалист». В 1906 г. он вместе с Остапом и Василием Короткими организовал в Екатеринославе группу экспроприаторов, которая своими дерзкими налетами терроризировала администрацию города и окрестностей.

Очутившись в 1907 г. в Екатеринославской тюрьме, группа Нагорного явилась организатором ряда подкопов и побегов.

на не взорвалась и что их дело проиграно, многие из них бросились обратно в корпус и стали прятаться на кухне.

Несколько человек кинулись в сторону заднего корпуса, думая через это одноэтажное здание проскочить на двор казенного винного склада. На углу нашего корпуса они ранили в руку часового Назаренко. Часовой с криком пустился бежать; второй часовой нашего корпуса Шевцов тоже пустился во все лопатки. Из окна нашей камеры видно было, как они бежали по двору, а за ними с револьвером гнался матрос Иванов[1] из 10-й камеры ротного коридора.

Когда Иванов очутился около прогулки 12-й камеры среднего коридора, она стала его умолять уходить оттуда, ибо она непричастна к этому предприятию и ее, не принимавшую участия в побеге, могут расстрелять.

В это время слышна уже была зычная команда старшего Белокоза: «Расстрелять до последнего!.. Бей, не щади никого!.. Чтобы ни один не остался в живых во дворе тюрьмы!.. Бей, бей до последнего!..»

Первым упал около 2-й башни Иванов. Он был убит наповал. Прогулка 12-й политической камеры прижалась к стене и стала умолять старшего пощадить ее, ибо она непричастна к побегу.

— Бей этих собак!.. Не щадить никого!.. Чтобы ни один не остался в живых!.. — был его ответ.

Один за другим убитыми и ранеными стали падать политические, бывшие на прогулке. Раздались крики раненых и недобитых. Особенно громко кричал раненый Филипп Ваюш[2], с.-д. большевик, который все время просил воды. Из 16 человек политических, вышедших на прогулку из 12-й камеры, осталось в живых только 4 и то благодаря тому, что при команде старшего они упали на землю и раненые и убитые своими телами защищали их от дождя надзирательских пуль. Впоследствии политический К[illegible], который случайно очутился на прогулке 12-й камеры, рассказывал мне, что на нем лежал раненый Ваюш. Он весь был облит его кровью, и Ваюш скончался на нем.

Около Каногина был также убит 15-летний Маркин. Он умер геройской смертью. После ранения, собрав последние силы, он встал, порвал рубаху и закричал нечеловеческим голосом:

— Бейте, бейте, настанет час возмездия и для вас!..

Тут же он был убит наповал.

То же самое было со студентом Цукериным[3] — с.-д. большевиком. Будучи тяжело раненым, он взывал о помощи. Подбежавший старший помощник Маяцкий спросил у часового, почему Цукерин кричит. Тот доложил, в чем дело.

— Не могу ли я, ваше благородие, добить его, приколоть штыком?

— Добей его, добей, все равно жить не будет! — ответил ему помощник.

Тут же часовой приколол студента Цукерина своим тупым штыком. Расправившись с политическими из 12-й камеры, бывшими на прогулке и не принимавшими участия в побеге, старший Белокоз направился с надзирателями на кухню.

---

[1] Судился по делу восстания на броненосце «Потемкин».

[2] Филипп Ваюш — организатор ж.-д. соц.-дем. группы в Екатеринославе в 1906—1907 гг.

[3] Михаил Цукерин работал в городском районе с.-д. Екатеринославской организации в 1906—1907 гг.

На лестнице он столкнулся с больничным дневальным Водопьяновым, который в то время нес из кухни кипяток для больных.

Старший набросился на него с револьвером и закричал:

— Стой! Ни с места! На колени немедленно стань!

Старик Водопьянов упал на колени и стал умолять о пощаде. Старший его отпустил, пригрозив:

— Смотри, старая сволочь. Ступай в больницу, после с тобой расправлюсь. Прибежав на кухню[1], Белокоз скомандовал «срочным»

— В сторону от котлов, на колени становись!

Все беспрекословно немедленно исполнили его требование. Надзиратели стали вытаскивать из-за котлов, из-за дров заключенных из 10-й ротной камеры.

Тут же их расстреляли.

Белокоз пришел в азарт. Вооруженный револьвером и топором, он рубил направо и налево.

Впоследствии, когда я лежал в больнице, мне рассказывали срочные уголовные, видевшие всю эту гнусную картину, что старший топором ранил одного заключенного, а когда тот крикнул, он ему размозжил череп. Также мне рассказали, как надзиратель Мамай убил заключенного Клыкова. Когда последнего вытащили из-за котла, Мамай бросился на него с револьвером. Но револьвер дал осечку.

Клыков стал умолять Мамая о пощаде.

— Я тебе, сволочь, сейчас покажу как «подарить жизнь».

Тут он еще раз выстрелил в него, опять осечка.

Три раза он стрелял в Клыкова и все безрезультатно.

Наконец, Мамаю это надоело, он выхватил у другого надзирателя револьвер и застрелил Клыкова, а затем несколькими ударами лома размозжил последнему голову.

Расстреляв всех спрятавшихся на кухне, заключенных, старший с надзирателями бросились через раскрытую дверь на прогулку 10-го ротного коридора. Тут они добили несколько человек, раненых взорвавшейся бомбой.

Около часовни они нашли соц.-рев. Дементьева.

На коленях последний стал умолять старшего о пощаде.

Но Белокоз двумя выстрелами убил его.

Я уже указывал, что после неудачного взрыва стены на прогулке 10-й камеры несколько человек бросились в сторону нашего заднего корпуса. Им удалось взобраться на крышу, но как только они подошли к проволочному заграждению на крыше, на них посыпался град пуль со стороны военного караула казенного винного склада.

Видя, что дело их проиграно, они покончили самоубийством.

Сначала Нагорный застрелил Дубинина, а затем покончил с собой. Прибежав к нашему корпусу и найдя Нагорного и Дубинина на крыше мертвыми, Белокоз распорядился сбросить их оттуда, что надзиратели немедленно исполнили. Впоследствии мне пришлось слышать, как часовой нашего корпуса Шевцов хвастался перед начальством, что он убил Нагорного и Дубинина. Но его утверждение было опровергнуто больными 16-й палаты, которые были свидетелями картины самоубийства на крыше заднего корпуса.

Покончив с прогулками, надзиратели во главе с Белокозом бросились в главный корпус, рассыпались по коридорам и стали стрелять в камеры. К 12-й политической камере они бросились с криками:

[1] Кухня Екатеринославской тюрьмы помещалась в подвале главного корпуса, и все прогулки должны были проходить по коридору мимо кухни.

— Христос воскресе!.. Поздравляем с праздником!.. — и стали палить через решетчатую дверь.

Здесь заключенные забаррикадировались и спрятались за нары. Надзиратели зорко высматривали свои жертвы и как только из-за баррикад показывалась голова или часть туловища человека, они немедленно направляли в него огонь.

Вначале они ранили Шевченко[1] (он имел 6 месяцев крепости за хранение литературы и кончал свой срок через месяц). После этого они отступили от дверей и направились расстреливать заключенных в следственно-уголовных камерах.

Убив и ранив там несколько человек, они бросились на ротный коридор. Из 10-й камеры все заключенные были выпущены на прогулку и поэтому дверь оставалась открытой. После взрыва два человека с прогулки бросились обратно в камеру и спрятались за нарами...

Прибежавшие надзиратели их выташили оттуда и застрелили. Затем они бросились к 8-й и 9-й башням.

Там сидели лица, привлекавшиеся по анархистскому делу «группы Интернационала».

— Дежурный, давай ключи, мы их всех перебьем! — закричал старший.

Но дежурный наотрез отказался отперегь камеры без распоряжения помощника. Тогда они стали палить через «волчки».

Выпустив безрезультатно несколько зарядов, надзиратели побежали обратно на средний и следственный коридоры.

На последнем они убили как в 1-й, так и во 2-й камерах по 4 человека и ранили по одному. Несколько человек они убили и ранили в 11-й и 17-й камерах ротного коридора.

В среднем коридоре они убили в 15-й камере 4 человека и ранили одного. Подбежав к 12-й камере, надзиратели снова стали ее обстреливать, сопровождая обстрел криками:

— Христос воскресе!.. Поздравляем со святым праздником!..

Раненый Шевченко стоял около кадушки с водой и обмывал рану. Выстрелом через двери он был убит на пороге камеры.

Тут же надзиратели убили народного учителя Колодяжного и ранили в обе ноги социал-демократа Хацкелевича.

Из камеры неслись крики мольбы о пощаде.

Особенно усердствовал в этом отношении «горловец» Игнатьев[2]. То и дело из-под нары раздавался его голос:

— Пощадите, мы сдаемся, разрешите нам, пленникам, выкинуть белый флаг в знак покорности!..

Но в ответ еще большее количество пуль полетело в камеру.

Наконец, по команде старшего Белокоза надзиратели отступили к нижнему коридору. Здесь они произвели обстрел 25-й башни, где сидели «скрывающиеся» арестанты. Убив одного и ранив тоже одного заключенного, убийцы в полном боевом порядке снова пошли в средний коридор.

Здесь следует отметить один интересный факт, показывающий наглядно, как описываемая расправа в тюрьме была строго организована. В нижнем коридоре находились пересыльная и срочная камеры, а также мастерские. В интересы тюремной администрации не входил расстрел этих камер. Поэтому, как только надзиратели хотели стре-

[1] С.-д. большевик Екатеринославской организации в 1907 г.

[2] Арестованный по делу восстания в Горловке и на других станциях Екатерининской дороги. Всего по этому делу было арестовано свыше 1[illegible]0 чел.

лять в эти камеры, Белокоз немедленно приказал отступить с этого коридора.

Поднявшись наверх, они снова с криками «Христос воскресе!» убили в 12-й камере еще двух человек. Тем временем со двора, на который была выведена часть заключенных 12-й политической камеры, раздавались душу раздирающие крики раненых. Мы сидели в заднем корпусе, как на иголках. Как раз против окон нашей камеры произошла эта кровавая расправа с невинными людьми. Мы были свидетелями этой ужасающей расправы. Сердце еще и поныне обливается кровью, когда вспоминаешь эту бойню в стенах Екатеринославской тюрьмы. Больно за тех невинно погибших товарищей, которые, ничего не зная о готовящейся катастрофе, погибли только потому, что их в это время «выводной» надзиратель взял на прогулку.

Покончив с главным корпусом, старший с надзирателями бросились к нам. Первый вопрос дежурному:

— Где прогулка «заднего строения?»

Тот трясется как осиновый лист, со слезами на глазах, взволнованным голосом отвечает, что в момент взрыва прогулка немедленно забежала в корпус и попросилась в камеры.

— Я их и впустил.

Старший стал неистовствовать, кричать на надзирателя.

— Сволочь!.. Я тебя под суд отдам!.. Кто тебе приказал впустить этих мерзавцев в камеры?.. Их, как собак, следовало расстрелять, а ты их спасаешь...

После этого он избил надзирателя Матвеева, обещав рассчитаться с ним впоследствии по заслугам.

Впоследствии Белокоз расправился с этим надзирателем. Несмотря на его давнишнюю службу, он начал его частенько штрафовать, и ему удалось выжить его из тюрьмы.

Была сделана попытка расстрелять и нас — политических, сидевших в заднем строении. Надзиратели сделали несколько залпов по нашим окнам. Но, к счастью, никто от них не пострадал.

С момента взрыва и до приезда властей наша тюрьма беспрерывно обстреливалась как наружным военным караулом, так и внутри часовыми надзирателями.

Пальба была невероятная. Даже тюремная церковь и больница подверглись действию огня.

По приезде начальствующих лиц пальба прекратилась; приступили к обыску. Предварительно в тюрьму ввели усиленные военные караулы с офицерами во главе и расставили около каждой камеры.

Товарищ прокурора стал кричать, чтобы оставшиеся в живых и раненые на прогулке встали, обещая им подарить жизнь.

Поднялось несколько человек.

— И вы здесь? — обратился изумленный товарищ прокурора к Сергею Канавину. — Как же вы очутились на прогулке?

Дрожащим голосом последний рассказал, как было дело.

— После обеда «выводной» надзиратель явился в 12-ю камеру взять политических на прогулку. Так как в камере сидели 72 человека, то обыкновенно камеру разделяли на четыре части и в четыре приема брали на прогулку. Те, которые успели пообедать, пошли. Случайно с первой партией пошел и я гулять. Мы ничего не подозревали и никому в голову не приходила мысль о готовящейся катастрофе. В доказательство, что никто об этом ничего не знал, говорит тот факт, что на прогулку в той же группе вышли политические, кото-

рые не могли быть заинтересованы в побеге. Вот, например, Орлов, убитый на прогулке, должен был освободиться через несколько дней, Бергману[1] остался год крепости, студент Цукерин имел всего два года административной ссылки, Ваныш — ссылку на поселение, мне — 1 год тюрьмы и пр. Ясно, что все это невинные жертвы белокозовского и фетисовского произвола. Прижавшись к стене, многие из нас на коленях умоляли Белокоза о пощаде. Но в ответ в нас стали стрелять, как в куропаток.

Тот же товарищ Канкин рассказал прокурору, как Маяцкий распорядился добить штыком раненого горняка-студента Цукерина, как добили 15-летнего Маркина и проч.

Товарищ прокурора обещал расследовать дело.

Было приказано бывшим на прогулке и оставшимся в живых раздеться догола. После обыска всех отправили в 21-ю секретку. В нее же поместили несколько человек раненых на прогулке.

Несмотря на то, что надзору было по прибытии начальства запрещено стрелять, несмотря на то, что в 21-й секретке лежали раненые, часовые все же дважды выпалили в окно, но, к счастью, никого не убили.

Еще до обыска перетащили со двора, кухни и из различных камер всех убитых и раненых в коридор тюремной больницы.

Здесь происходило нечто ужасное.

Около 60 человек убитых и раненых валялись на голом каменном полу. Раненым не оказывалась никакая медицинская помощь. Вопли, стоны, крики о помощи разносились по всей тюрьме и не прекращались все время до поздней ночи, пока всех раненых не перевезли в земскую больницу.

Некоторые, особенно тяжелораненые, как Рыбовалов, Колосов и другие, остались лежать в тюремной больнице; на другой день они скончались. Больные долго еще рассказывали о тех мучениях, которые пришлось пережить тяжелораненым в день 29 апреля, о всех тех жестокостях, которые применяло тюремное начальство к раненым, которым оно мстило за попытки к побегу в этот роковой день.

После посещения тюрьмы городскими властями был отдан строгий приказ стрелять без предупреждения в заключенных, если кто-нибудь из них станет смотреть в окна.

После этого приступили к генеральному обыску всех камер.

С криками: «Руки вверх! Выходи на коридор!» — выводили заключенных из камер. В коридоре всех политических 12-й камеры раздели догола.

Искали повсюду, разрезали одежду и обувь, матрацы и подушки, была перебита вся посуда. Пух смешали с соломой, с бельем и одеждой заключенных. Разорвали книги, тетради и письменные принадлежности. Чай, сахар, табак рассыпали по полу. Все было перемешано, свалено в одну кучу. В заключение перевернули на пол грязную парашу и кадушку с водой. Получилась невообразимая каша.

Когда после погрома загнали голых людей обратно в камеру, они никак не могли разобраться в своих вещах.

Так господин Фетисов отомстил 12-й камере.

Покончив с нею, начальство двинулось дальше, производя повсюду такое же разорение. Ничего в камерах предосудительного не на-

[1] Григорий Бергман — старый с.-д., организатор первой с.-д. группы в Иваново-Вознесенске в [illegible] годах. В Екатеринославской тюрьме был заключен по делу Юзовской с.-д. организации.

шли. Вся эта картина погрома разворачивалась на глазах вице-губернатора, товарища прокурора, тюремного инспектора и полицеймейстера. Немало было во время обыска гарнизонных офицеров, которые хотя возмущались погромом, но не смели прекратить это бесчинство.

В 9 часов вечера обыск в главном корпусе закончился, и все перешли к нам на заднее строение. Всех вывели в коридор.

— Раздевайся догола! — скомандовал старший Белокоз.

Все разделись. Я немного замешкался. Немедленно подбежал ко мне Белокоз, схватил за воротник рубашки и сразу сорвал ее с меня. Женщин нашего коридора не раздевали, но тщательно обыскивали. Все время их держали в коридоре с раздетыми мужчинами. Около каждой камеры поставили офицера с солдатами.

Через несколько времени явился вице-губернатор Шильднер-Шульднер. Поздоровавшись с надзором и поблагодарив его за верную службу, он стал ораторствовать.

— Только через наши трупы кто-нибудь из арестованых выйдет отсюда: до одного перестреляем, если придется. Сегодня застрелили 60 человек; если придется, всю тюрьму застрелим. Мы ни перед чем не остановимся. Помните об этом!..

Обыск в наших камерах носил тот же характер, что и в главном корпусе. Помню, какое ужасное впечатление произвел на меня камерный погром. Трудно было хоть что-нибудь выбрать из этой каши вещей и продуктов, рассыпанных на полу: все пришлось выбросить.

Разбитые и измученные, мы поздно ночью легли отдохнуть. Каждый горько оплакивал невинные жертвы, погибшие жизни. Каждому грозно рисовалась жизнь в тюрьме в будущем, всякий предчувствовал кошмарную реакцию.

Тяжелая ночь сменилась утром. Мы чувствовали, что только теперь начнутся репрессии и что утренняя проверка не пройдет бесследно для заключенных. Поэтому, как только ударил звонок на поверку, мы немедленно поднялись, убрали камеру и в мучительном напряжении нервов стали ждать.

Надо заметить, что еще накануне, во время обыска, вице-губернатор оповестил нас, что по распоряжению губернатора тюрьма наказана карцером на месяц — без кипятка, передачи, выписки, свиданий, прогулок, переписки и книг. Что значит месячный карцер, мы себе представляли. Все мучительно стали готовиться к месячному тяжелому испытанию.

Между тем из корпуса стали доноситься крики:

— Убивают! Убивают! Спасайте!.. Караул!..

Как потом выяснилось, старший Белокоз со сворой пьяных надзирателей, вооруженные револьверами и шашками, врывались в запуганные камеры и рубили направо и налево.

Когда начали поверку на кухне, там нашли в шкафу спрятавшихся двух человек: уголовного старосту Сегиду и Николая Тарана[1].

Началась бойня. Били их до того, что изо рта пошла кровь. Они упали в обморок; их тогда облили холодной водой и снова били. В бесчувственном состоянии этих людей бросили на 7 суток в темный карцер.

Но вот поверка в заднем строении.

Следует заметить, что до этого рокового дня в женских полити-

[1] Н. Таран — большевик, состоял в Екатеринославской организации с 1905 г. Впоследствии ему приписали экспроприацию и повесили.

ческих камерах поверка не делалась. На этот раз Белокоз решил нарушить обычный порядок и заставить женщин встать на поверку по команде. Врывается в первую женскую камеру.

— Вставай, сволочь! — кричит и размахивает обнаженной шашкой над спящими. Крепостничка Виленчик начала ему возражать. Он не постеснялся ударить больную женщину и заставить всех женщин подняться с постели в нижнем белье и стоять перед пьяными надзирателями смирно.

В 7-й камере тов. Ткаченко-Петренко[1] не успел во-время встать. Без лишних разговоров Белокоз стал его рубить шашкой. Вся рука его окровавилась. Когда последний поднялся, Белокоз с надзирателями набросились на него и стали бить по лицу.

— Сволочь, на линию огня выходи!..

Не успел Ткаченко выйти за порог камеры, как надзиратели со всех сторон подхватили его и в одном нижнем белье поволокли в темный карцер главного корпуса. Там с ним расправились. Стали его бить коромыслами, отбили легкое и кровь хлынула изо рта. Облили холодной водой. Через некоторое время явился старший Белокоз. Видит, что Ткаченко валяется на полу полумертвым.

— Бей его! бей этого мерзавца, — заорал он.

Снова начали бить. Били неимоверно. Только тогда, когда Ткаченко вторично упал в обморок, экзекуция прекратилась, и его бросили в темный карцер. Закончив поверку, Белокоз явился на коридор и стал отдавать приказания. Прежде всего распорядился никого в течение месяца не выпускать из камеры, подавать парашу и холодную воду в камеру только утром и вечером. Строго-настрого приказал не подниматься с койки.

— Пусть собаки лежат под нарами!.. За ослушание немедленно стрелять. Всякие разговоры в камере он запретил. Тишина должна быть абсолютнейшей. Сейчас после поверки ложиться спать при полном огне лампы. Надзирателю он приказал все время смотреть в «волчки», чтобы все спали, чтобы никто не смел двигаться.

При ослушании били на всем пути в карцер. Вечером во время поверки надзиратели становились попарно на лестницах вплоть до карцера. При команде: «Выходи на линию огня!» — арестант ни живой, ни мертвый выходил из камеры. Тут его подхватывали и гнали сквозь строй. У лестницы его сшибали с ног и сбрасывали вниз. Внизу продолжалась расправа. Сначала били коромыслами, но потом специально изготовили для экзекуции дубинки, которые всегда лежали на коридоре около карцеров. Тут же всегда стояли 2 ведра воды, которой обливали арестанта, когда он падал в обморок. Эти экзекуции продолжались вплоть до моего ухода в Луганскую тюрьму 22 октября 1908 г. За эти 6 месяцев Белокозу со своим карательным отрядом удалось избиениями отправить на тот свет около 300 человек.

И только когда в обществе заговорили о невероятных зверствах в губернской тюрьме, когда родители заключенных начали беспокоить начальство, губернатор Клингенберг приказал немного умерить тюремные «строгости».

Помню избиение двух товарищей, которые через некоторое время скончались. В 8-й камере заднего строения сидел бывший начальник одной из станций Екатерининской железной дороги, некий Аким Ин-

[1] Григорий Ткаченко-Петренко — с.-д. большевик, организатор горловского восстания. В 1910 г. был повешен.

дюченко, который отбывал у нас двухгодичный срок крепости за забастовку 1905 года. Поведение его было безукоризненно, он отличался своей тактичностью и корректностью. Но Белокозу хотелось наказать заднее строение, особенно 8-ю камеру, за Коновалова. И вот, — это было 18 июня 1908 г., — коридорный Барабаш доложил Белокозу, что Индюченко с Рейхом[1] разговаривают в камере о чем-то непонятном.

— Доложи вечером мне на поверке, — приказал тот ему.

Барабаш вечером доложил. Индюченко стал объяснять старшему, что он совместно с Рейхом изучают немецкий и разговаривают на этом языке.

— Ну, и сволочь этакая, еще разговаривать смеет! — грозно перебил его Белокоз. — Выходи на линию огня! — скомандовал он.

Бедный Аким вышел из камеры. Началось избиение. Он пустился быстрым шагом к карцеру, желая скорее попасть туда и таким образом прекратить эту пытку. Но надзиратели его догнали и еще с большим остервенением продолжали его бить, бросать из стороны в сторону.

— Ты куда? — кричит на него надзиратель и бросает к другому. Тот со своей стороны бросает к третьему с тем же криком и тюканьем. Когда после такого перебрасыванья из рук в руки Аким свалился с ног, надзиратели начали топтать его ногами и бить дубинками. Били ужасно. Душу раздирающие крики носились по тюрьме. Все тело его опухло и покрылось синяками. Кровь хлынула изо рта, и Индюченко упал в обморок. Но его облили холодной водой и через некоторое время снова стали бить. Потом его схватили за руки и ноги и бросили в темный карцер. Три дня он лежал там в бесчувственном состоянии, ничего не ел, не пил и не мог притти в себя. К вечеру третьего дня к нему явился Белокоз.

— Ну что, издыхаешь?

Тот молчит. Старший побежал в больницу, принесли носилки, и избитого Индюченко отнесли туда. Вскоре несчастный скончался.

Еще трагичнее была судьба Уралова. Он имел каторгу за принадлежность к социалистам-революционерам. Был он интеллигентным человеком, в высшей степени тактичным. Но его возненавидел Белокоз.

Вообще следует заметить, что Белокоз особенно не любил политических и всячески готов был поиздеваться над ними. Он смотрел на политиков, как на своих личных врагов, и неоднократно говорил, что он не понимает, почему правительство не перевешает их.

Уралова он посадил с самыми худшими уголовными — каторжниками. Но это показалось Белокозу недостаточным.

Он явился в 11-ю ротную камеру, где содержался Уралов, со своим отрядом.

— Уралов, выходи на линию огня! — последовала его команда.

Последний остолбенел и успел только промолвить:

— За что меня наказывать, господин старший?

— Ага, еще разговаривать будешь, сволочь!

И пошла «работа». Били Уралова в ротном коридоре, затем, когда он подбежал к лестнице, его сбросили головою вниз. В нижнем коридоре около карцера его стали хлестать дубинками.

Вся тюрьма рыдала от его душу раздирающих криков.

---

[1] Володя Рейх был осужден по делу Екатеринославской гимназической организации. Впоследствии покончил самоубийством.

— Товарищи! Товарищи! Убивают... Убивают меня! — выкрикивал Уралов, думая этим прекратить экзекуцию.

Сразу ему отбили грудь, и он упал без чувств.

Его облили холодной водой. Когда он пришел в себя, его опять начали бить. При этом старший Белокоз все время в исступлении кричал:

— Так тебе, собака, и следует!.. Бей его! Бей мерзавца! Бей вонючую политику! — и сам пустил в ход свои кулаки, чтобы добить Уралова.

Вся тюрьма волновалась. Из женских камер неслись истерические выкрикиванья, мы все были до того взволнованы, что еле держались на ногах. Но вот крики Уралова умолкли. В бесчувственном состоянии его бросили в карцер. Я лежал в это время в больнице.

На следующий день перед обедом, во время обхода тюремным врачом нашей 18-й палаты, на носилках внесли опухшего, окровавленного человека.

— Что это такое? Что это такое? — стал кричать доктор, бегая по палате.

— Это из карцера, ваше высокородие, отрапортовал ему больничный надзиратель Бородавкин.

Доктор всмотрелся в опухшее лицо.

— Уралов? Уралов, это вы? — стал тормошить его доктор.

— Убили, убили меня, доктор, — едва пролепетал больной Уралов.

— Лед! Лед давайте! — стал кричать доктор.

По распоряжению доктора его положили на койку, раздели, обмыли раны и стали класть лед.

— Ну как же это, господа, случилось? — взволнованно стал расспрашивать нас доктор. Ведь несколько дней тому назад Уралов был в аптеке совершенно здоровый. А теперь?.. — Тут он снова, как сумасшедший, забегал по палате, а потом полетел объясняться к начальнику тюрьмы.

Уралов недолго прожил в больнице. Через четыре дня он умер на наших глазах в страшных мучениях.

Ужасна стала наша жизнь в тюрьме после 29 апреля. Жизнь совершенно обесценилась, и никто не был уверен в завтрашнем дне. Любой надзиратель мог распоряжаться по своему усмотрению жизнью заключенного и по первому доносу мог отправить его в карцер или даже на тот свет. Надзиратели говорили:

Захочу — отправлю тебя в карцер и отниму полжизни.

Неудивительно, что заключенные стали предпочитать тех надзирателей, которые сами расправлялись с ними в коридорах, не прибегая к докладу на поверках.

В это время надзиратели использовали до конца «свое право». С утра до вечера носились по коридорам крики, ругань и циничная брань. Каждый день коридорный вызывал какого-либо заключенного из камеры в коридор, выбивал ему зубы, перебивал барабанную перепонку, «пускал» кровь из носа и проч.

Заключенные не жаловались: они знали, что если доложить по начальству, тогда прощайся со своей жизнью.

У парадных дверей целый день караулил пьяный белокозовский карательный отряд из 10 человек с знаменитым Мамаем во главе. По первому приказу старшего отряд бросался на заключенного, нападал

на камеру и бесчеловечно избивал. Этот карательный отряд надолго оставил о себе в тюрьме страшную память.

Надзиратели были вечно пьяны: за расстрел 29 апреля они получили наградные, помимо этого, им удалось обшарить карманы убитых из 10-й камеры и отнять все деньги, хранившиеся у каждого на случай удачного побега. Они собрали таким образом несколько сот рублей.

Кроме того, им удалось перехватить значительную сумму денег у больничного старосты Бенбеса, 30 рублей забрали у Петровского, 100 рублей захватил Мамай у больного Анисимова на моих глазах в больнице. Помню, как он явился к нам в палату с револьвером, направил его на Анисимова с криком:

— Деньги отдай, иначе застрелю!

Вот на эти-то деньги они несколько месяцев пьянствовали в тюрьме. Впоследствии мне рассказывали надзиратели, что они перехватили в тюрьме кое-какие золотые вещи, им даже удалось забрать коекакую хорошую одежду; все вещи они продали и пропили.

Наш задний корпус был особенно терроризирован после 29 апреля: в этом здании окна были низкие, и часовому хорошо было видно, что делается в камере.

— Ложись под нары, иначе подстрелю! — то и дело раздавалась его команда, и он ежеминутно направлял свою винтовку в то или другое окно.

Никто не смел подниматься. На четвереньках приходилось ползти к параше, не смели, выпрямившись во весь рост, пройтись по камере. Жизнь наша становилась невыносимой.

Месячное карцерное положение на хлебе и воде сильно нас измотало и общее напряжение нервов доводило людей до бешенства.

Нервы мои не выдержали, и я слег в больницу.

В больнице я встретился с ранеными 29 апреля. Там от них я узнал подробности этого страшного дня, там следователь допрашивал раненых. Жестокий режим в тюрьме отразился и на больнице.

Я уже выше указывал, что задолго до 29 апреля тюремная администрация прибрала больницу к рукам и стала полновластным хозяином в деле лечения больных. А после 29 апреля не только начальник, но и больничный надзиратель получил больше прав, чем медицинский персонал. Впрочем, наши лекари в это время были не лучше самих тюремщиков. Палаты были переполнены. Больные валялись на полу, спали даже под койками. Никакого пространства между койками почти не оставлялось. Выдавалось больному ½ фунта белого хлеба, стакан молока и яйцо; другая порция — ½ фунта белого хлеба, кислые щи с небольшим кусочком мяса; третья — ½ фунта хлеба, баланда и небольшой кусочек мяса. Вот меню для больных.

Щи делались настолько кислыми, чтобы больные не могли их есть, и их съедал белокозовский отряд.

Голод в больнице доходил до того, что больные умоляли доктора выписать их из больницы, иначе они рискуют умереть от истощения. Участились заболевания голодным тифом. Просьбы больных добавить немного черного хлеба к ½ фунту белого упорно отклонялись. Нередко бывали случаи, когда порции больных конфисковывались надзирателем Бородавкиным и фельдшерами в свою пользу. Они этого не скрывали, считали вправе это делать.

Помню, в мае месяце три дня под ряд никто из [illegible] больных

не получил яиц. Когда больные стали жаловаться фельдшеру, он их выругал матерно и ответил:

— Что захочу, то и сделаю с вами. Не смей жаловаться!..

Он избивал больных, сопровождая избиения изощренной площадной руганью. Помню, один раз он избил политического Блясера, когда тот явился к нему в аптеку во время амбулаторного приема.

Фельдшер обыкновенно являлся в больницу в 10 час. утра. С хохотом, с гиканьем, с пьяными глазами, со значком «Союза русского народа» на груди, с хлыстиком в руке, он начинал обход палат с Бородавкиным.

— Этого, Василий Петрович, лечить не надо! — заявляет фельдшер Бородавкину, — все равно его повесят!

— Ты чем болен? — спрашивает фельдшер у моего соседа по койке.

Тот отвечает.

Раздается непередаваемая брань. Больной плачет. Тогда фельдшер его наказывает, приказывая ему в течение суток лежать без движения на койке. Лекарства прописывались совершенно произвольно. Один раз в нашей палате фельдшер прислал больному такую дозу морфия, что последний чуть не отравился; в другой раз он вместо висмута прислал слабительных порошков, и больной после их приема лишний месяц пролежал в больнице.

Особенно фельдшер издевался над ранеными во время перевязки. В нашей 16-й палате лежал больной, у которого обе ноги были до кости обожжены взорвавшейся бомбой. Фельдшер ежедневно делал ему перевязку. От криков и стонов больного трудно было тогда оставаться в палате. Фельдшер вырывал у него куски мяса с ноги вместе с ватой, прилипшей к обожженному телу, и такие ежедневные пытки больного окончательно нас издергали.

Случайность положила этому конец.

Во время допроса следователя мы указали ему на эти пытки, и он обещал донести об этом прокурорскому надзору.

После этого пытки прекратились.

Наш тюремный врач, хотя и возмущался поведением хулигана-фельдшера, грозил неоднократно его прогнать, но все это оставалось на словах, на деле он ничего не делал в больнице, лекарства не давал вовсе. Вместе с тем положение больных еще ухудшилось невыносимым режимом. Раз доктор обходил палаты. Вдруг влетел большой камень, разбил стекло и попал в больного.

Оказалось, что часовой не заметил, кто расхаживает по палате, и захотел его за это проучить. Доктор возмутился поведением часового, но получил характерный ответ больничного надзирателя Бородавкина:

— Это еще ничего, ваше высокородие, ведь он должен был стрелять...

Раз ночью в нашу палату влетела пуля часового, но, к счастью, никого не убила. Часовой стрелял, потому что увидал, как больной пошел к параше.

На следующий день больные стали жаловаться доктору. Доктор побежал в контору объясняться. Но после этой истории он уволился и больше не явился в больницу. Впрочем, больные передавали, что уход доктора объяснялся другими причинами и, между прочим, убийством Уралова.

Дело в том, что администрация тюрьмы требовала от врача сви-

детельства после смерти Уралова, что последний умер от чахотки. Но доктор заартачился, и между ним и тюремной администрацией возник конфликт, результатом чего явилась его отставка. То, что творилось в это время в корпусах, происходило и в больнице. Те же погромные обыски, те же издевательства, те же избиения, тот же темный карцер на тот же срок, хотя по уставу больных запрещалось сажать в карцер.

У нас в палате лежал больной Чубанов, осужденный по делу Александровского восстания 1905 года к вечной тюрьме. У него была скоротечная чахотка. Ему все же ужасно хотелось жить, повидаться с семьей, умереть в кругу семьи. Об этом он бредил по ночам. Чубанов до последней минуты, даже тогда, когда не мог подняться с постели, писал стихи. Это был в высшей степени интеллигентный рабочий, ярый украинофил, вся его лирика была проникнута беспредельной любовью к «рідної Украіне». Убийства 29 апреля его застигли врасплох. Во время обыска надзиратели подняли больного Чубанова и выбрали из-под подушки две тетради с его стихотворениями:

– Ишь, сволочь, какие книжки пишет! — выругался старший и изорвал тетради.

Нам удалось собрать клочки его тетрадей и восстановить под его диктовку стихи. Но через некоторое время на обыске их снова забрали и, несмотря на все просьбы Чубанова передать стихи в контору тюрьмы, Белокоз их уничтожил. После этого Чубанов недолго прожил. Слишком близко он принял к сердцу участь своих долголетних трудов. Умер он в полном сознании, глубоко убежденный в правоте своего дела, за которое так жестоко пострадал. Из печальных случаев в больнице особенно запечатлелась в памяти история с народным учителем Николаевым, привлекавшимся по делу аграрных беспорядков 1905 г. Он привлекался по 129 ст. за агитацию. Прибыл он в тюрьму сейчас же после 29 апреля. Режим подавляюще подействовал на него. Нервно больной, он стал страдать галлюцинациями, заболел чахоткой.

Стрельба по окнам, приказание лежать на койках, не двигаясь, нервное напряжение от постоянных избиений в тюрьме свели его с ума. Но окончательно его разбило заявление помощника начальника, вызвавшего в контору для объявления ответа на прошение:

– Все равно тебя повесят, а потому напрасно хлопотать о защите.

Он вернулся к нам в палату с плачем и криком.

— Скоро, скоро меня повесят!.. Шинкаренко[1], Шинкаренко, накинь петлю на шею! Караул! Спасайся, товарищи!..

Мы все ужаснулись. С тех пор он сошел с ума. Он расхаживал по палате, плакал, смеялся, становился около окна, кричал часовому:

— Шинкаренко, Шинкаренко, стреляй, брат!.. Поцелую!..

Днем мы его кое-как удерживали. Но ночью он нас совсем изводил. Часовой не обращал внимания, что он сумасшедший. Он бросал в него камнями и попадал частенько в других больных. Несколько раз мы просили доктора убрать его из нашей палаты.

— Ну что ж, господа, я могу сделать? Заявлял неоднократно начальнику об этом, и нуль внимания. Не желает его отправить в земскую больницу.

Неизвестно, сколько нам пришлось бы промучиться с этим больным, если бы Белокоз не положил этому конец.

---

[1] Шинкаренко — тогдашний тюремный палач.

Так как всегда на поверках мы умоляли убрать больного из нашей палаты, то, наконец, начальник распорядился привести его к нему в контору тюрьмы для освидетельствования.

Явился Белокоз со своим отрядом в палату.

— Сволочь, выходи на коридор!

Больной стал кричать:

— Товарищи! На виселицу берут! Спасайте, спасайте меня!..

Старший распорядился взять его силой. Но не успел он дотронуться до него, как тот издал нечеловеческий вопль, упал на пол, и кровь ручьем хлынула у него из горла.

Белокоз испугался и велел его обратно отнести в палату. Ночью, после сильного бреда, Николаев скончался.

Хуже всего обстояло дело с амбулаторными больными.

Выше я указывал, что фельдшер избивал приходящих к нему больных. По его стопам пошел вновь назначенный больничный надзиратель Тарасенко. Он решил, что больных из камер вовсе не следует водить в аптеку к фельдшеру, а лучше самому их полечить в коридоре. И он расправлялся с ними. Бывало по утрам является в корпус:

— Больные, выходи из камеры!

Больные выходят.

— Становись в два, в затылок!

Становятся. Начинается опрос.

— Ты чем болен? — спрашивает Тарасенко чахоточного.

Тот отвечает.

— А, чахоткой? Подними рубаху.

Тот поднимает.

И получает удар в грудь.

Так поступает со всеми больными. Затем команда:

— Убирайся по камерам! Больше не хворать! — и больные, избитые Тарасенко, отправляются по местам.

Но недолго Тарасенко пришлось ставить диагнозы. Больные, узнав о его способах лечения, перестали выходить в коридор.

— Я уже всех вылечил, — хвастал он.

И, действительно, больные предпочитали страдать, умереть в камере, нежели итти в больницу к фельдшеру.

Общая участь не миновала и политических женщин.

В июле женщины нашего корпуса пошли в аптеку за лекарством. Черносотенный фельдшер им в этом отказал.

Они начали настаивать.

— Тарасенко, дай им лекарства, полечи их!

Пьяный Тарасенко с каким-то азартом набросился на политических женщин и их избил.

Нечто ужасное происходило в тюрьме, когда я выписался из больницы. В июне для прогулок заключенных устроили небольшую клетку.

— Пусть собаки знают, как гулять в тюрьме, — громко провозгласил Фетисов.

Даже Белокоз смутился этим и осмелился заявить начальнику:

— Ведь эта клетка, ваше благородие, мала на 3 человек!

— Ну, что ж, пусть издохнут в камере, не гуляют!..

На прогулку стали давать 5—10 минут в день. Кроме того, прогулку решили превратить в орудие пытки. Часовой всегда держал

ружье наизготовку и готов был ежеминутно стрелять. То и дело слышна была его команда:

— Ты куда пошел?.. Повернись!.. В ногу, в ногу!.. В затылок смотри!.. Не оглядывайся по сторонам!.. Руки по швам!

И многие из нас предпочитали вовсе на прогулку не ходить. Передачу съестного после 29 апреля отменили. Выписку стали давать 1 раз в 20 дней, а выписывать можно было самое ограниченное количество продуктов. Даже лимоны запретили, как предмет роскоши И только, когда в тюрьме началась цынга, губернатор разрешил выписывать лимоны.

Казенная пища стала отвратительной — одна вода с зеленой травкой, которую уголовные с малыми сроками рвали в екатеринославском монастырском лесу. Фетисов решил, вероятно, что настал удобный момент набить карманы на арестантском довольствии. И он морил всех голодом. Впоследствии он за это попал под суд, о чем скажу ниже. Неудивительно, что в конце 1908 г. в тюрьме начал свирепствовать голодный тиф, от которого люди умирали как мухи.

Переписку тоже ограничили. Перестали выдавать бумагу для письма. После 29 апреля мы три месяца были совершенно оторваны от своих родных и никаких писем не получали. Только в конце июля стали приносить нам отдельные апрельские письма. После месячного карцерного положения большие камеры, в которых сидело до 170 человек, вынужденных испражняться в камере, стали пускать на «оправку». Но при этом был один приказ, чтобы к 8 часам утра оправки кончались, так что надзиратели «оправляли» коридор в 300 с лишком человек в 1 час.

Достигалось это следующим образом: бывало надзиратель становится у дверей камеры и выпускает 10 человек по числу параш в клозете. Тут же в клозете стоял другой надзиратель и «регулировал» желудки арестантов, т. е. попросту гнал в шею.

— Скорей, скорей оправляйся! — то и дело раздаются его окрики.

При этом он щедро отпускал оплеухи заключенным, стаскивал их с стульчака. Остальную часть дня заключенные вынуждены были оправляться в камере.

У нас в заднем строении дежурный оправлял весь коридор — 14 камер в 1 час, а иногда и того меньше. Неудивительно, что на этой почве многие из нас стали страдать желудочными болезнями. Я запомнил одну возмутительную историю на этой почве.

В 10-й камере заднего корпуса сидел один обанкротившийся купец Калинин — старик 70 лет. Здоровый, еще бодрый, он стал буквально таять при введенном после 29 апреля режиме. Раз он попросил дежурного Барабаша пустить его на оправку в клозет или дать парашу в камеру.

Барабаш отказал, при этом пригрозил вывести его в коридор и избить. Он стал плакать, со слезами на глазах просил вызвать старшего, ибо не в силах страдать от желудочной боли.

Дежурный снова отказал. Не видя никакого исхода, Калинин оправился в своей шляпе. Вечером на поверке старик заплакал и рассказал помощнику Кретинину и Белокозу обо всем происшедшем Никакого ответа на свое заявление он не получил и, разумеется, замечания Барабашу никто из них не сделал.

Таких инцидентов немало было в нашем корпусе. Этот Барабаш отравил нам жизнь. В течение трех месяцев он нас терроризировал,

постоянно шпионил за камерами и безбожно врал, докладывая на поверках о происходившем в корпусах.

— Всех перепуляю! — повторял он на каждом шагу белокозовскую угрозу.

Этот надзиратель одинаково «крыл матом» как политических, так и уголовных. Наше начальство вообще взяло на себя миссию искоренить «крамолу». Оно стало бороться против «учености».

— Тюрьма не университет! — заявил мне тюремный инспектор Френкель, когда я попросил у него мои собственные книги.

Письменные принадлежности также перестали выдавать. Все были теперь обречены на полное безделье, на ужасную скуку. Расхаживать по камере, разговаривать, играть в шахматы, шашки, домино — также нельзя было.

Такая атмосфера удручающе действовала на всех, и громадное количество заключенных мечтало о самоубийстве. Более решительным удалось выполнить свои мечты.

Помню самоубийство брата убитого в карцере Г. Фролова. Сейчас же после суда он пришел в камеру, лег на койку и заморил себя голодом: 13 суток он не ел, не пил и скончался на глазах у всех в камере.

Говоря о самоубийствах, нельзя не указать на пессимизм, охвативший часть товарищей-политиков.

Корни пессимистического настроения заключенных были теснейшим образом связаны с пессимизмом, охватившим интеллигенцию на воле, в переоценке ценностей, в разочаровании в своих идеалах, в антагонизме между малосознательными эсеровскими рабочими и интеллигентами. Помню, еще будучи в больнице, как умирающий Фролов исповедывался передо мной:

— Вот видите, товарищ Михаил, я работал в соц.-рев. партии, работал энергично, бросался с места на место, выносил все тяготы партийной работы, меня присудили к каторге и я безропотно несу свой тяжелый крест. Глубоко верю в правоту своего дела и в свою святую идею. Но интеллигенции я никогда не прощу ее дезорганизаторскую работу в рядах эсеровской партии.

Конечно, в этих высказываниях Фролова сказалось непонимание им истинных причин кризиса эсеровской партии.

Приблизительно такой же взгляд на взаимоотношения между рабочими и интеллигентами отстаивали «игренцы», особенно Полихалов. Несколько слов об игренцах.

Весною 1907 года Екатеринославский комитет соц.-революционеров организовал экспроприацию на ст. Игрени, около Екатеринослава. Были убийства. Экспроприаторам, если не ошибаюсь, удалось захватить 35 тысяч рублей.

Участникам экспроприации удалось скрыться.

Так как экспроприация была партийная, эсеровская, то понятно, что все деньги перешли к соц.-революционерам. Но, заботясь главным образом о деньгах, они позабыли о людях и оставили главных участников экспроприации в Екатеринославе. Они остались без денег, без необходимой конспиративной квартиры. Понятно, что полиции без труда удалось через несколько дней всех их переловить. Полихалова, организатора этой экспроприации, арестовали в гостинице. В тюрьме они тоже очутились без средств, без всякой поддержки, если не считать ничтожную помощь Красного креста. Неод-

нократно игренцы присылали к нам за самыми необходимыми предметами, как чай, сахар, мыло, табак, белье и проч.

Но особенно положение их стало отчаянным, когда им объявил следователь, что решил до суда каждого освободить под залог в 500 рублей. Они начали бомбардировать «волю», чтобы прислали для них 2 000 рублей для четырех, но деньги долго не получались.

Волнение игренцев трудно описать. Две недели они волновались. И только когда прокурор Одесского военного окружного суда на запрос следователя об изменении меры пресечения, категорически отказался их освободить, они получили ответ с «воли», что деньги для залога будут. С тех пор пошла баталия.

Еще раньше этого происшествия Полихалов написал письмо эсеровскому комитету[1]: «Когда вам нужен был Полихалов и другие товарищи-рабочие, вы их ласкали, дружили, посылали в самые рискованные места; когда вам нужны были картошки (бомбы) и взрывчатые вещества, вы всегда меня вспоминали, я никогда не отказывался. А теперь, когда мы попали в тюрьму, вы нас игнорируете и никакой помощи не оказываете...»

Словом, отношения между рабочими и интеллигентами особенно обострялись в эсеровской среде, где контраст между ними особенно рельефно выступал на почве различных активных действий, и не даром Полихалов после суда пишет на волю письмо, переполненное угрозами по адресу партийных интеллигентов.

Разочарование в своих прежних идеалах вызвало в нашей тюрьме бегство неустойчивых элементов из среды политических в лагерь правых и в провокаторские камеры. Первыми ренегатами явилась часть осужденных по делу Александровского восстания 1905 г. В начале 1908 г. они послали телеграмму на высочайшее имя о помиловании, записались в «Союз русского народа», стали ярыми сторонниками тюремной администрации.

К александровцам скоро стали присоединяться другие группы, осужденные за разные вооруженные восстания на станциях Екатерининской железной дороги, некоторые «потемкинцы», отбывавшие наказание в Екатеринославе. Впоследствии рекорд побили «горловцы», осужденные за вооруженное восстание на ст. Горловка, о которых скажу ниже. Понятно, что в атмосфере разложения части политических администрация тюрьмы могла беспрепятственно вводить нужный ей режим, гнуть свою линию. Если до этого времени администрация открыто не выражала свои черносотенные взгляды и симпатии, то теперь она открыто стала их выявлять.

Были выпущены из «сучьих кутков»[2] все шпионы и провокаторы и они начали хозяйничать в тюрьме.

Стали создавать искусственные «дела», чтобы повесить более строптивых политиков. Особенно много в этом отношении поработали провокаторы над делами анархистов.

В тюрьме они стали требовать от заключенных полного подчинения.

— Ты смотри, подлюга, я тебе покажу кузькину мать! Хочешь, я тебе завтра дам смерть, «возьму по делу»!

И они «брали по делу». Немало людей отправили на тот свет из

[1] Письмо Полихалова приведено в его обвинительном акте. Оно было перехвачено у него на обыске.

[2] «Сучий куток» — камеры разоблаченных шпионов, провокаторов и других арестованных, боящихся мести со стороны остальных заключенных.

Екатеринославской тюрьмы разные негодяи — Альтгаузены, Саловы, Крыжалинские, Письменицкие и др. Но, кроме провокаторов, в качестве тюремных сыщиков были использованы и палачи. Сначала появился Шинкаренко, за ним Простотин. Они ходили по коридорам и, обладая полной властью, избивали коридорных и арестантов. Много натерпелись от них наши политические женщины.

Ежедневно они подходили к их окнам со своими гнусными предложениями, своей циничной матерной бранью.

Особенно нас выводили из себя их издевательства над смертниками. Ежедневно палачи подходили к ним и кричали:

— Васька, а, Васька! Смотри, братишка, не обижайся на меня, когда я на тебя «канку»[1] накину. Повешу тебя, ей-богу, легко, с большой честью, перед смертью по морде дам.

В таком духе производились издевательства над обреченными людьми. Палачи были в особенном почете у Белокоза. Он им давал различные льготы и всячески поощрял к их работе. Но раз случилось несчастие: палач Шинкаренко забастовал. Повесив ночью несколько человек, он вдогрез отказался привести в исполнение смертный приговор над двумя крестьянами-земляками, которые, по его мнению, невинно пострадали. Никакие увещевания полицеймейстера, товарища прокурора, присутствовавших при казни, не помогли.

— Иди, повесь их сам! — кричал он товарищу прокурора. — Не буду вешать!..

Пришлось отложить казнь, и назавтра их повесил Простотин. Но это упорство дорого обошлось Шинкаренко. Его немедлено лишили «звания» палача, заперли в камеру, и Белокоз собственноручно избил его.

Интересно, что по мере деморализации обитателей тюрьмы, по мере того, как смертная казнь стала обыденным явлением, должность палача среди уголовных перестала особенно презираться.

Помню, с каким негодованием единодушно встретила тюрьма первого палача в начале 1907 года. Его откуда-то привезли, ибо из местных уголовных никто не нашелся занять этот пост. Держали его все время под замком в карцере, никого к нему не допускали; только по вечерам его выпускали на прогулку.

Теперь ценность работы палача понизилась в глазах начальства. Раньше палачу платили 25 рублей с головы, причем ему сбавляли срок. Но теперь из массы экспроприаторов-смертников стали нередко выделяться лица, желавшие избавиться от смертной казни всяческими средствами, не отказывавшиеся даже от функций палача, лишь бы им была дарована жизнь.

Впоследствии, в 1910 году, мне рассказывал бывший писарь Екатеринославской тюрьмы Будилов, сидевший с нами, что ему пришлось отправить около сотни прошений различных сидельцев тюрьмы к генерал-губернаторам различных местностей с предложением услуг в качестве палачей.

Большое предложение сразу понизило оплату «труда» палача. В начале отменили уменьшение срока. Затем цена с головы казненного дошла до трех рублей, а в 1909 году до одного рубля. Впоследствии палачи стали вешать за бутылку водки, за головку сыра.

Большинство палачей вышло у нас в тюрьме из «сучьих кутков». Теперь они ничего не боялись и свободно разгуливали по тюрьме

[1] «Канка» — петля

В конце 1908 года в тюрьме появилась новая группа политических, так называемые «интернационалисты». История этой группы очень интересна.

Некий «Бегемот», один из видных анархистов-организаторов, составил за границей группу анархистов-интернационалистов. Эта группа ставила себе целью пропаганду анархистских идей в России. Но оказалось, что «Бегемот» одновременно служил анархистам и правительству. Когда екатеринославские анархисты узнали об этом, то немедленно дали знать за границу о провокаторстве этого «фрукта». Екатеринославцы поспешили разъехаться. Но «Бегемот» успел передать связи анархистов охранке. По этим связям охранка начала работать и в одну ночь арестовала около 100 человек. Дело об интернациональной группе анархистов перешло к чиновнику особых поручений при Столыпине Дьяченко. Сразу пришлось освободить и отстранить от дела половину арестованных. Остальным не предъявлялись статьи обвинения ввиду отсутствия улик. Но на помощь охранке явились тюремные провокаторы в лице Альтгаузена, Салова и пр., которые немедленно состряпали дело. Им удалось довести дело до суда и осудить многих. Но об этом ниже.

Между тем мое дело было закончено следствием. В Екатеринославскую тюрьму я был прислан из Петербурга, как числившийся за Екатеринославским жандармским управлением. По моем прибытии в Екатеринослав приехал жандармский ротмистр Яковлев с товарищем прокурора и предъявили мне обвинение по 1 ч. 102 ст.: за принадлежность к соц.-дем. партии, «за участие в Лондонском съезде 1907 г.» и за «организацию этого съезда».

Я отказался с ними разговаривать по существу обвинения.

Тут же товарищ прокурора мне заявил, что он должен был меня обвинять как соц.-демократа по 1 ч. 126 ст., но по новому циркуляру Столыпина он вынужден предъявить мне 1 ч. 102 ст.

Месяца через два меня снова вызвали на допрос и повторили то же самое. В январе 1908 г. следствие было закончено и мое дело перешло в Харьковскую судебную палату. В феврале того же года я получил извещение оттуда, что я привлекаюсь по 1 ч. 102 ст., а в марте получил обвинительный акт.

Каково же было мое изумление, когда я увидел, что обвинение формулировано по 1 ч. 126 ст. только за принадлежность к соц.-демократической партии.

Между прочим прокурор палаты формулировал цели партии в таком виде: «Она стремится в отдаленном будущем к социализму, а в данное время — к муниципализации земли».

Вообще обвинительные акты составлялись чрезвычайно остроумно. Многие из них пестрили нелепостями. Меня часто поражало невежество составителей обвинительных актов при формулировании программных принципов политических партий. Каждый товарищ прокурора выдумывал свою формулировку.

По мнению одного прокурора, социал-демократическая партия ставила себе целью немедленную экспроприацию капиталистов и таким образом приравнивалась к максималистам; по мнению другого — партия стремилась к социализму в отдаленном будущем, а предварительно хотела установить коллективную собственность на землю. Третий шел еще дальше и убежденно заявлял, что социализм «есть только средство борьбы против существующего строя в России» (цитирую

по подлиннику обвинительного акта), а теперь партия готовит вооруженное восстание.

И если прокуратура так нелепо формулировала обвинения по делам социал-демократов, если, например, Харьковская судебная палата могла осудить бундовцев, как анархистов, по 2 ч. 102 ст., то в делах социалистов-революционеров и других революционных партий царила полная анархия: тут совершенно произвольно трактовались программные принципы этих партий, тут максималисты смешивались с социалистами-революционерами, с анархистами, крестьянский союз с максималистами и пр.

Но рекорд побила прокуратура Одесского военно-окружного суда. Будущий историк найдет в ее обвинительных актах немало юмористического материала. Помню, как мы смеялись при чтении обвинительного акта по делу Кайданской боевой дружины 1905 года. У одного обвиняемого нашли брошюру Каутского — «Еврейские погромы и еврейский вопрос». На обложке этой брошюры нарисован рабочий, бьющий в колокол. Составитель обвинительного акта усмотрел в этом рабочем самого Каутского, созывающего революционеров для защиты евреев от погрома. В другом обвинительном акте подсудимый Николай Таран обвиняется в сношениях с Плехановым, ибо у него найден его «Дневник» — печатный «Дневник социал-демократа» 1905 г.

Словом, массу курьезов можно было встретить в обвинительных актах того времени.

18 августа 1908 г. меня судили. Все предвещало не слишком суровый приговор. Но при допросе, особенно со стороны г-на Огурцова, заместителя екатеринославского городского головы, участвовавшего в суде в качестве сословного представителя, мое положение ухудшилось. Следует заметить, что этот Огурцов был в 1906 г. членом смешанной комиссии при Екатеринославском комитете безработных для организации общественных работ.

Как ярый реакционер, он со скрежетом зубовным встречал уступки, сделанные городской думой безработным, и выжидал удобного момента, чтобы отомстить нам.

Огурцов меня знал как участника екатеринославского рабочего движения и решил воспользоваться случаем, чтобы меня «закатать».

Все его вопросы — о моем отношении к екатеринославскому комитету безработных, о характере моих статей в екатеринославской прессе — сводились только к тому, чтобы изобличить меня как социал-демократа в глазах судей.

Приговор был суровый — 6 лет крепости.

Публика еще не ушла из залы суда, меня еще тоже не успели вывести оттуда, как князь Урусов — предводитель дворянства Екатеринославской губ. — хлопнул по плечу Огурцова:

— А хорошо мы закатали этого революционера!

После суда мне недолго пришлось пробыть в Екатеринославской тюрьме. С нетерпением я стал ожидать перевода; я мечтал об этом, как о великом благе: я готов был уйти хоть на край света, лишь бы не видеть «героев» 29 апреля и не чувствовать кровавого режима. Переполнение тюрьмы дошло в конце 1908 г. до невероятных размеров. Например, 12-я камера, рассчитанная на 34 человека, вмещала 110 человек, 15-я средняя, тоже рассчитанная на 34 чел., набивалась 150-ю и более, верхние следственные, рассчитанные на 44 чел., вмещали по 170 человек и т. д., и т. д. Начальство стало бояться посе-

щать тюрьму из-за такого переполнения. Помню, что тюремный инспектор при посещении тюрьмы, бывало, в камеру не заходил, боясь дышать ее гнилым, отвратительным воздухом. По вечерам в некоторых камерах плохо горели керосиновые лампы за отсутствием кислорода. Так как арестанты гибли от таких условий, как мухи, тюремное начальство задумало перевести часть заключенных в уездные тюрьмы. Через несколько дней, в октябре 1908 г., после посещения тюрьмы тюремным инспектором, нас, крепостников, в количестве 13 человек вызвали в контору и переписали. Но при этом нам ничего не объявили, хотя все уже знали, что это подготовка к этапу. Только 19 октября нас вторично вызвали в контору и на этот раз объявили, что нас отправляют в Луганскую тюрьму. Спешно мы стали готовиться к переселению. Наскоро собрали мы свои книги, вещи, наскоро приготовили кое-какую провизию на дорогу.

21 октября в 4 ч. вечера явился в наш задний корпус тюремный надзиратель и велел собираться с вещами.

Так как этап уходил ночью, то до отправки нас посадили в 24-ю камеру нижнего коридора, где содержались следственные арестанты. Помню, какое ужасное впечатление произвела на меня эта камера, как только нас ввели в нее.

Вообразите себ низкую сводчатую камеру в полуподвальном этаже с громадными деревянными нарами посередине, с 120 заключенными, в большинстве валяющимися на голом полу. Шум, толкотня, гул разговоров, плач, бледные изможденные лица, паразиты и насекомые на стенах и вдобавок четыре больших вонючих параши в углу. Воздух здесь был настолько отвратительно удушлив, что я буквально задыхался.

Кое-как мы добрались до угла и сели на своих вещах, с нетерпением дожидаясь блаженной минуты, когда нас вызовут на этап. Через некоторое время в нашу камеру стали также срочно собирать уголовных арестантов, отправляемых с нами заодно на этап в Луганскую уездную тюрьму. То и дело дверь открывалась и к нам вводили срочных, всего 35 человек.

Среди «срочных» нашлось много политических, осужденных к отбыванию тюремного заключения, к исправительному отделению («арестантские роты») за хранение взрывчатых веществ, оружия и проч. Были и малолетние, присужденные к тюремному заключению за принадлежность к соц.-революционерам.

Стало немного спокойнее. Мы поделились впечатлениями всего пережитого после 29 апреля, рассказали о происходивших ужасах в различных камерах тюрьмы. «Срочные» сообщили нам печальные известия о погибших товарищах и о тех, которые находятся на пути к смерти. Наш разговор был прерван всхлипываниями в дальнем углу камеры. Из-за камерной суматохи, из-за дыма курящих трудно было разыскать плачущего. Но один уголовный взялся мне показать плачущего мальчика и, между прочим, сообщил мне его историю. Оказывается, что несчастный был осужден в этот день военным судом к смертной казни, хотя совершенно не участвовал в каком-либо преступлении.

Когда я подошел к нему, то моим глазам представилась такая картина: на полу валялся подросток, рыдал, рвал волосы и одежду и бился всем телом о пол.

— За что, за что меня повесят? Ведь я невиновен, никогда ни-

кого не обидел и ни о каком убийстве старика-лавочника даже не слыхал.

Причитания сопровождались ужасными судорогами, казалось вот-вот мальчик упадет в обморок.

Я стал его успокаивать. Он бросился ко мне с просьбой спасти его, как будто я в состоянии был чем-нибудь ему помочь. Полный горя и отчаяния, он мне рассказал, что служил на мельнице, что его арест был неожидан для него и его родных, что его привлекли по делу Абрамчука — анархиста, что все 5 человек, судившихся по этому делу, получили смертный приговор.

Не успел он закончить свой рассказ, как дверь с шумом открылась и Белокоз скомандовал:

— Смертник, выходи на коридор!

Мальчик весь затрепетал, схватил фалды армяка своего соседа-арестанта, рыдал на всю камеру, прося у всех спасти его. Вся камера замерла. Белокоз еще раз крикнул:

— Выходи на коридор, тебе говорят!

Но тот еще пуще прежнего стал биться об пол и плакать навзрыд.

Тогда надзиратель Мамай ворвался в камеру с обнаженной шашкой, ударил его несколько раз и вытащил в коридор.

Там его заковали в ручные и ножные кандалы, ударили несколько раз по лицу и погнали в секретку...

В этой камере я застал своего старого приятеля по тюрьме Сергея Канавина. Он мне подробно рассказал о событиях 29 апреля, как он каким-то чудом спасся, о раненых и убитых, о зверствах Белокоза и о режиме. Сообщил он мне и о своей печальной участи. После расстрела прогулки он очутился в секретке. Его заковали, переодели и посадили в 10-ю ротную камеру. Но в этой камере было одно потайное место, где арестанты хранили взрывчатые вещества. Боясь, что в случае их обнаружения могут расстрелять всю камеру, они решили доложить об этом начальнику. Заключенные этой камеры вызвали старшего и доложили ему о находке ими взрывчатых веществ. Тот немедленно позвал свой карательный отряд и начал экзекуцию. Всех гнали сквозь строй надзирателей и бесчеловечно били. Но, не довольствуясь этим, Белокоз выстроил в коридоре всех 50 человек, сидевших в этой камере, попарно и через пару взял на 7 суток в темный карцер. Только после семидневного пребывания в карцере рассказчика расковали и погнали в 24-ю камеру.

В этой же камере я встретился с щербиновцами, привлекавшимися по делу Щербиновской организации 1905—1906 гг. Они ждали военного суда. Перед отправкой я просил помощника Будилова вызвать меня к начальнику тюрьмы, чтоб похлопотать об отправке наших вещей и книг в Луганск, так как конвойные солдаты в это время отказывались принимать книги. Меня вызвали.

Начальнику тюрьмы я счел необходимым заявить протест против всего, что творилось в тюрьме после 29 апреля. Я рассказал о происшедшем у нас.

— Да, я знаю, — ответил он, — много невинных пострадало. Возьмем хотя бы Ваюша, Орлова, который должен был на-днях освободиться, студента Цукерина, Вейсмана, Шевченко, которые были убиты и не имели отношения к побегу. Но я не мог иначе поступить; не мог в момент взрыва разобраться, кто прав, кто виноват. Надо было предупредить побег, и я приказал стрелять. Мои подчиненные точно исполнили мое приказание.

Когда я ему указал, что расстрел арестантов продолжался и тогда, когда последние попрятались под нары, начальник не нашел слов, чтобы оправдать убийства.

Только когда я затронул вопрос об ужаснейших избиениях после 29 апреля, он начал горячо возражать:

— Я вам говорил когда-то, что не остановлюсь ни перед чем, чтобы усмирить, приструнить тюрьму. Так я поступил... Я уже и под следствием был, но никого не боюсь: до конца буду отстаивать режим в тюрьме. — Решительно закончил распоясавшийся палач-тюремщик.

Перед уходом из конторы я попросил начальника относительно книг и вещей, которые он обещал переслать в Луганск за наш счет. Что касается денег на дорогу, то он наотрез отказал их выдать, хотя по уставу полагается заключенному в дороге 99 коп.

—Когда-то я выдавал на дорогу административно-ссыльным и по 50 рублей. Но это время прошло. Теперь никаких одолжений никому делать не буду. Все кончено...

Я пробовал возражать, что не прошу одолжений, ссылаясь на статью устава.

— Нет, ни копейки не получите! Закон для меня не писан, я знаю, что делаю.

Впоследствии частенько мне приходилось видеть, как закон попирался грязными ногами господ тюремщиков; они в тюрьме действительно делали все, что хотели.

В 2½ часа ночи нас всех вызвали в коридор. Страшно и жутко было под этими сводчатыми стенами коридора, заполненными вооруженными надзирателями, при мерцающем свете коптилки, при виде сотни людей, «срочников», расположившихся на ночь спать в коридоре за неимением свободных мест в камерах. У ворот тюрьмы нас приняли конвойные, заковали в наручные кандалы и, предупредив, что в случае неповиновения они будут действовать холодным и огнестрельным оружием, отправили этап на вокзал Екатерининской железной дороги.

Н. Н. Тугаринов

Политическая ссылка села Казачинского в 1916—1917 годы

(Дело о похоронах тов. Навроцкого и февральский переворот)

Село Казачинское — большое волостное село Енисейского уезда, расположенное по берегу реки Енисея, на тракте между городами Красноярском и Енисейском, на расстоянии 234 километров от первого и 123 километров от второго.

Коренное казачинское население состояло из крестьян в количестве свыше двух тысяч человек, занимавшихся преимущественно земледелием, разного рода служилого и торгового люда в количестве около двухсот человек, и всех категорий ссыльных — элемента пришлого, текучего, также в числе, примерно, 150 человек.

Крестьянство с. Казачинского было зажиточно и занималось в основном земледелием, но, как и все сибирское крестьянство, в качестве подсобного промысла занималось также охотой и рыбной ловлей. Но выход на охоту в осенний сезон на целые месяцы практиковался только беднейшей частью крестьянства, а рыбная ловля велась в пределах удовлетворения только своих потребностей. Беднейшая часть крестьянства занималась также разными поденными и подрядными работами при дорожном технике переселенческого управления, контора которого помещалась в Казачинском. Давали крестьянам кое-какие добавочные заработки и больница, и расположенная поблизости опытная сельскохозяйственная станция переселенческого управления, и волостное правление, и канцелярии станового пристава, крестьянского начальника и мирового судьи, и, наконец, двухклассная министерская ремесленная школа. Наиболее зажиточная часть крестьянства держала помногу лошадей и занималась ямским и извозным промыслом, имея по нескольку рабочих. Они по контрактам возили почту и обслуживали всю платную казенную гоньбу. Прочие крестьянские хозяйства занимались извозом и ямщичеством от случая к случаю. Наличие перевозок груза и пассажиров всегда обеспечивалось тем, что Казачинское находилось на тракте между Красноярском и Енисейском, по которому происходило все движение между этими городами и который вел к приискам Северной и Южной тайги, куда следовало большое количество грузов, хотя основная часть их перевозилась на пароходах в летнюю навигацию по Енисею.

Таким образом географическое положение Казачинского, расположенного на тракте между двумя значительными городами Сибири, делало положение его чрезвычайно выгодным в экономическом отношении и заставляло тяготеть к нему расположенные по соседству деревни и села, что усиливалось также тем, что Казачинское вместе с тем было и административным центром округи.

На фоне экономического процветания села был очень заметен процесс расслоения крестьянской массы: было много безлошадных крестьян, однокоровных, с небольшими клочками возделываемой земли и совершенных бедняков, работавших в качестве батраков-возчиков у многолошадных крестьян, в хозяйствах кулацкого типа, и уходивших в отхожие заработки на прииска.

Разница интересов, как результат этого расслоения, существовавшая всегда, особенно ярко и буйно проявилась на глазах ссыльных несколько позднее при организации (при участии ссыльных) потребительского кооператива.

Это расслоение выразилось и во внешнем виде села: существовала большая главная улица, с хорошими домами, на которой жила преимущественно зажиточная часть населения, а от этой улицы в разных местах отходили «задворки», застроенные маленькими и бедными домами, в которых ютилась крестьянская беднота и потомки уголовных поселенцев, походивших на городской люмпен-пролетариат. Были, конечно, и хозяйства середняцкого типа. Они еще прочно держались в своем хозяйстве и жили безбедно, но характерным для них было то, что среди них была большая тяга к учению. Дети этих середняков стремились во что бы то ни стало обеспечить свое будущее какой-нибудь специальностью и особенно охотно избирали учительство. Отцы поддерживали их, несмотря на то, что это шло в ущерб их хозяйству. В этом сказывалась уже неуверенность середняка в прочности своего хозяйства, и он стремился обеспечить будущее своих детей другими источниками существования.

Положение с. Казачинского, как крупного экономического центра округи, создало благоприятную почву для развития в нем крупной торговли. В нем было два-три магазина городского типа (наиболее крупные — Глазунова и Петухова) и несколько мелочных лавочек. Свои дела казачинские торговцы вели так же, как велась вообще торговля в сибирских деревнях: цены на товары устанавливались торговцами самостоятельно и чуть ли не для каждого покупателя в отдельности. Торговцы любили отпускать товары крестьянам в кредит и ссужать их деньгами, чтобы закрепить за собой постоянных покупателей, а затем сбывать им всякий ненужный хлам по высоким ценам и получать за долги и проценты пушнину, кожсырье и другие продукты хозяйства крестьян по низким ценам. Отпуск товаров в кредит особенно практиковался в отношении крестьян соседних деревень, имевших меньше возможностей зарабатывать деньги и расплачиваться за товары наличными. Богатая кулацкая часть населения группировалась вокруг этих купцов и отдавала им свои капиталы для вложения в торговлю, получая за это соответствующую долю прибыли.

Эти взаимоотношения создавали сильный кулацкий актив, получавший возможность воздействовать на все дела сельского самоуправления и держать в своих руках всю местную администрацию, т. е. волостное правление, пристава, мирового судью и крестьянского начальника. С этим активом и его сплоченностью политической ссылке пришлось столкнуться также при организации кооператива.

Широкая известность богатого с. Казачинского привлекала к нему из всех мест Енисейского уезда политических ссыльных надеждой найти в нем заработок, и в 1916 году колония с. Казачинского насчитывала свыше 60 чел. администр. ссыльных и политических поселенцев. Колония состояла из ссыльных, съехавшихся в Казачинское под разными предлогами: кто для лечения, кто по многосемейности и т. д.

Сама администрация направляла ссыльных для жительства в Казачинское очень редко, и то только административных. Существовавшая в те времена система не допускала сосредоточения ссыльных в более или менее крупных населенных пунктах. Но зато сюда в большом количестве во время войны направлялись административно-ссыльные из прифронтовой полосы и иностранцы, подозреваемые в шпионаже. Ссыльных этих категорий в Казачинском было не менее 50 человек.

Пребывание такого количества ссыльных в Казачинском имело своим результатом то, что увеличилась доходность местного населения, которое получило возможность сдавать за плату каждый свободный угол своей избы и сбывать те из продуктов своего хозяйства, которые раньше имели очень незначительный спрос или совсем не продавались, но дать работу всем ссыльным, которые скопились здесь, местное население не могло. Постоянную работу имели не больше половины живших здесь политических ссыльных.

Четверо из них работали на опытной сельскохозяйственной ферме; двое в конторе дорожного техника переселенческого управления; по одному — писарями в волостном правлении и у крестьянского начальника, трое занимались уроками; один работал в больнице в качестве фельдшера; один имел столярную мастерскую у себя на дому; человек 5 работали в артельной столярной мастерской; трое имели артельную кузницу; человека четыре занимались портновским ремеслом; двое сапожничали; один занимался парикмахерством. Постоянную работу колония старалась предоставлять поселенцам, так как положение административных, получавших небольшое, но постоянное казенное пособие, было все же лучшим. Часть товарищей, не имевших постоянного заработка, перебивалась всевозможной поденной работой как у крестьян, так и при имеющихся в селе учреждениях. У всех заработки были невелики, а вызванное войной повышение цен на продукты и на квартиры было очень значительно, и это положение в Казачинском осложнялось еще тем, что «военные ссыльные» были народом денежным, не стеснявшимся в средствах, что оказывало также очень большое влияние на рост цен.

Казачинская колония была сравнительно очень многочисленной и пестрой по своему социальному и партийному составу, время же было такое, когда ссылка уже определила свое отношение к войне, а вся политическая жизнь в стране неизбежно обостряла партийные разногласия; вследствие этого колония была разъединена на несколько более или менее если не враждебных, то отчужденных групп.

Растущие же материальные затруднения, обеспечение существования членов колонии и обслуживание их культурных потребностей требовали большой корпоративной спайки. Это и было той центростремительной силой, которая соединяла воедино дифференцирующуюся ссылку.

Поэтому в казачинской колонии, несмотря на партийные разногласия, часто очень обостренные между отдельными товарищами, существовала довольно крепкая касса взаимопомощи, объединявшая почти всех ссыльных, была корпоративная квартира; производилась коллективная выписка газет и журналов, получаемых на эту квартиру, в которой колония собиралась для чтения и для обмена мнениями. В этом обмене мнений все ярче и резче обнаруживались партийные разногласия по поводу тех или других событий, и это обстоятельство все чаще приводило к открытым конфликтам. К описываемому времени уже существовали некоторые группы, которые избегали встреч,

а при встречах не разговаривали друг с другом. Ссылка раскалывалась, обнаруживая тем самым с поразительной ясностью неоднородность своего состава. Для многих это расслоение ссылки казалось непонятным и объяснялось причинами личного характера, и, конечно, никто не предвидел того, что эти же разногласия меньше чем через год поставят многих из нас по разные стороны баррикад.

Но эти разногласия в тот момент были еще только теоретическими, а жизнь ссылки, материальные затруднения и изолированность ставили свои условия, с которыми нельзя было не считаться, и колония лишь по внешнему виду продолжала сохранять прежнее единство.

К июню месяцу материальные затруднения у многих ссыльно-поселенцев сложились так, что существовать дальше без корпоративной помощи они не могли. Выходом казалась только организация коммунальной столовой. На этом и остановились, тем более, что оборудование для коммунальной столовой в колонии имелось, так как попытка ее организации в Казачинском делалась уже в 1915 году, но к началу 1916 года она распалась, как это бывало с многими коммунальными начинаниями ссылки. На созванных по этому вопросу собраниях за коммунальную столовую высказалось человек 17. Тут же был избран заведующий столовой и принят устав. Было установлено, что столовая предоставляет одни обеды; приготовление их возлагалось по очереди на каждого участника коммуны. От приготовления обедов были освобождены лишь те из работающих на постоянной работе товарищей, у которых часы работы совпадали с часами приготовления пищи. Составленная на месяц смета установила среднюю стоимость обеда от 7 руб. 50 коп. до 9 руб., но уже в середине месяца стало ясно, что обед будет стоить не менее 11 руб. Такая плата для многих обедающих оказывалась непосильной, они стали выбывать из столовой, это еще больше удорожало обеды, и столовая пошла на распад.

Во главе столовой стоял деятельный товарищ соц.-дем.-большевик Озолин. Не будучи сам заинтересованным обедами в столовой, он тратил на ее поддержание и обслуживание много времени и энергии. Он организовал заготовку дров для столовой собственными силами ссыльных, ездил в лес для их заготовки, ездил и ходил в соседние деревни за продуктами, где цены на них были ниже казачинских, так как там не было большого количества пришлых людей, набивавших цены. Он весело выполнял по столовой такие работы, от которых старались уклониться все обедающие, и своим примером привлекал и других к их выполнению. Но, несмотря на старания Озолина и еще нескольких товарищей, столовая распалась, просуществовав только один месяц.

Третьим корпоративным начинанием, таким же устойчивым, как коллективная выписка литературы, была касса взаимопомощи. Существовала она здесь издавна на тех же самых основаниях, как и все кассы Енисейского уезда. Во главе кассы взаимопомощи стоял тов. Трушечкин (большевик, административный), Озолин, Скрибова (меньшевичка), Гейдан (большевик) [1], Гуськов (большевик). Каких-либо материалов о ее работе не сохранилось. Но поскольку помнят о ней товарищи-казачинцы, она располагала довольно значительными средствами, составлявшимися из членских взносов и из сумм, поступавших из-за границы. Тем из товарищей, которые подолгу не находили себе работы или не могли работать по болезни, касса могла регулярно выдавать небольшое пособие. Выдавались также ссуды производствен-

[1] Теперь, по слухам, в Латвии. От большевизма отошел.

ного характера: на организацию артельных и индивидуальных мастерских, на закупку для них материалов и т. д. Помимо того касса могла выделять средства для поддержания особенно нуждавшихся товарищей из проходящих через Казачинское этапных партий.

Как уже упоминалось, казачинская колония в политическом отношении не была однородной, а разбивалась на ясно выраженные партийные группировки.

Выявлению партийного лица казачинской ссылки способствовало пребывание в ней в течение зимы 1915—1916 года тов. Вейнбаума и постоянное присутствие Клавдии Ивановны Николаевой. Оба эти товарища являлись для казачинской ссылки тем бродилом, которое поддерживало в ней постоянную напряженную политическую мысль. Это и явилось причиной того, что в казачинской колонии очень четко и очень рано оформились политические группировки. Из этих группировок наиболее сплоченной и активной была большевистская, собиравшаяся вокруг Николаевой. В группе было 8—9 человек, а именно: Николаева, Озолин, Шульц, Гуськов, Трушечкин, Лапин, Ведерников, живший на сельскохозяйственной ферме недалеко от Казачинского, и еще два-три человека, фамилии которых установить не представляется возможным. В то время как ни одна из других партийных группировок не сложилась в организованную фракцию колонии, большевики на всех собраниях выступали сплоченно и потому занимали в колонии руководящее положение. И только благодаря этой группе, умевшей вдумчиво относиться ко всякому явлению в жизни колонии и не пренебрегавшей никакими даже незначительными политическими выступлениями колонии, последняя в год революции, в момент первой радости освобождения в дни свержения самодержавия, не сделала таких ошибок, за которые позднее пришлось бы стыдиться. Эта же группа значительно ранее не допустила колонию до устройства демонстрации-встречи при проезде через Казачинское на пароходе Бурцева, возвращаемого из ссылки царским правительством за проявленное им патриотическое усердие. Предложение об устройстве этой встречи исходило от эсеровской группки, и колония при нараставшем революционном подъеме ссылки и некоторой политической растерянности могла стихийно устроить такую демонстрацию. Позднее эта же большевистская группа отвела и другое ошибочное выступление колонии. Но о нем будет речь впереди.

Группа большевиков в своей деятельности не замыкалась рамками колониальных дел, но вела революционную работу как в самом селе, так и в округе среди крестьянства. Николаевой был организован кружок молодежи под видом занятия школьными науками. С этой молодежью велись регулярные занятия на политические темы. Товарищ Лапин от этой группы выезжал в деревни Казачинской волости, выступал там на крестьянских собраниях и завязывал связи, которые поддерживались и в дальнейшем. У этой группы были свои собрания, которые конспирировались от колонии в целом.

Другие группировки никакой революционной работой себя не проявили и ограничивались в своих выступлениях только рамками колониальных дел и частными разговорами, в которых и выявлялась их партийная физиономия. К группе большевиков с их стороны отношение было настороженное, тем более что последние все личные отношения строили на своих партийных симпатиях или антипатиях.

Веяния назревающих революционных событий в рабочих центрах России, улавливаемые в замаскированных сообщениях газет, в слу-

хах, попадавших в ссылку различными путями, в настроении крестьян, все больше и больше озлоблявшихся затянувшейся войной, — волновали ссылку, настойчиво требовали оценки текущего момента и подготовляли в среде колонии почву для того выступления, последствием которого явился почти поголовный арест членов колонии и привлечение их к судебной ответственности по ряду политических статей.

Это так называемое «дело о похоронах тов. Навроцкого», о котором, насколько известно, в печати сведения не появлялись.

В конце июля 1916 года казачинской колонией была получена телеграмма с просьбой принять с парохода для помещения в больницу тов. Навроцкого, находившегося на пароходе в тяжелом состоянии.

История политического ссыльного Навроцкого такова: он был болен туберкулезом легких и долго добивался перевода в место с более мягким климатом (в Минусинский уезд).

Его несколько раз привозили в Енисейск для освидетельствования врачами и снова отправляли к месту приписки. Разрешение переехать в Минусинский уезд он получил только тогда, когда состояние его здоровья было безнадежным. Но тем не менее в сопровождении двух товарищей, ехавших в Красноярск, Навроцкий погрузился на пароход. В пути состояние его быстро ухудшилось настолько, что капитан парохода отказался везти его дальше, и Навроцкого приходилось с парохода снимать. Этот случай на фоне развертывающихся событий в стране произвел на колонию то действие, которое обычно сравнивается с каплей, переполняющей чашу. История Навроцкого была многим известна, многие его знали лично.

Вначале предполагалось устроить встречу тов. Навроцкого всей колонией. Но затем это было отклонено, так как (это для колонии выяснилось позднее) с этим пароходом уезжал тов. Джапаридзе, бежавший из ссылки и скрывавшийся несколько дней у тов. Николаевой. Массовый выход ссыльных к пароходу привлек бы внимание полиции, а это могло провалить тов. Джапаридзе или затруднить его отъезд. Поэтому встречать тов. Навроцкого колония вышла по одиночке, как всегда выходила к проходящим пароходам.

С парохода тов. Навроцкий был на носилках вынесен матросами и принят ссыльными на заготовленную к приходу парохода подводу.

Распоряжался его перевозкой тов. Судаков — ссыльный, работавший в качестве фельдшера в казачинской больнице. В больнице Навроцкий попал в сравнительно хорошие условия, так как фельдшер был свой, а местная фельдшерица и наезжавший из Енисейска доктор к ссыльным относились неплохо. Помимо того возле больного постоянно находился кто-нибудь из ссыльных колонии.

Однако состояние больного было таково, что помочь ему было уже невозможно, и на шестой или седьмой день пребывания в больнице Навроцкий умер.

Колония стала готовиться к его похоронам. Тов. Озолин — учитель по профессии, а вместе с тем плотник и столяр — сделал гроб. Другие товарищи копали на кладбище могилу.

Устройство гражданских похорон не вызывало разногласий. Но вопрос о том — следует ли устраивать демонстрацию с красными флагами и с пением революционных песен, горячо дебатировался как на собраниях, так и между отдельными товарищами.

Вопрос для колонии был действительно сложным. Устройство демонстрации в большом селе, на большом бойком тракте между двумя

крупными городами, на глазах у казачинской полиции, заставляло многих задумываться по разным причинам. Всем было ясно, что при данных условиях демонстрация является значительным политическим актом, который повлечет за собой большие репрессии, которые могут и не ограничиться только казачинской колонией.

Нужно было все это взвесить и решить вопрос о политическом влиянии этого выступления на местное крестьянство, которое в это время было уже сильно озлоблено против войны и охотно вело разговоры на эту тему с ссыльными. Допускалась возможность присоединения к шествию в том или ином виде части крестьянского населения. Споры о массовом шествии велись так, как будто вопрос этот был уже предрешен. Вместе с гробом у Озолина оказались готовыми и палки для флагов, а жены Трушечкина, Гуськова и швея ссыльно-поселенка Фрумсон готовили флаги и ленты к венкам.

В конце концов вопрос о демонстрации был решен положительно. Вопрос же о присоединении к шествию крестьянства не мог быть решен только ссыльными. По этому вопросу высказывались только мнения, причем возможность участия крестьян никем не исключалась. Указывалось лишь на то, что шествие с пением и флагами для сибирского крестьянина и неизвестно, и непонятно. Вопрос этот был решен практически впоследствии.

В день похорон к назначенному часу возле больницы стали собираться политические ссыльные, среди которых было несколько человек из так называемых «военно-ссыльных», было несколько и крестьян, привлеченных, видимо, необычайностью зрелища. Всего толпа была человек 50—60.

Когда шествие с гробом, сопровождаемое пением, двинулось по улице, у ворот домов повсюду толпились крестьяне. Некоторые из них стали присоединяться к шествию. При выходе из села часть «военно-ссыльных» стала отставать, так как убедилась, что это не просто похороны умершего товарища, а политическая демонстрация. Но все же на кладбище оказалась толпа человек в 70, в которой было значительное число крестьян. Они прочитывали с видимым любопытством и удовлетворением надписи на венках и на флагах. После того, как были пропеты все революционные песни и гроб был опущен в могилу, выступил с речью тов. Бирюзовский (бундовец). После него выступила тов. Николаева, речь которой была направлена против войны с соответствующими призывами к крестьянству. Похороны были закончены, и ссыльные с пением революционных песен разошлись по домам.

Следует отметить, что на похоронах не показывалась полиция и, помнится, что пристав перед похоронами или накануне их куда-то срочно выехал. Говорилось, что в толпе видели переодетого стражника, но и только.

Выступление ссыльных взбудоражило село. Было совершенно очевидно, что и шествие, и революционные речи, и лозунги, и красные флаги произвели огромное впечатление на крестьянскую массу. Не менее чем видом флагов и неслыханными речами крестьянское население было поражено и беспоповскими похоронами.

После демонстрации отношение крестьян к ссыльным заметно улучшилось. Они стали приходить к ссыльным с такими разговорами о войне, на которые до этого их трудно было вызвать. Большое впечатление, произведенное на крестьян демонстрацией, подтверждается тем, что 10—15 лет спустя встречавшиеся с товарищами, участниками

демонстрации, казачинские партизаны (а из Казачинского их вышло немало), живо вспоминали эту демонстрацию, а казачинская молодежь говорит о ней, как об очень ярком воспоминании.

Интересно отметить, что казачинская интеллигенция отнеслась к демонстрации сочувственно, но была очень смущена тем обстоятельством, что похороны были без соблюдения религиозного обряда, и с любопытством ждала последствий этой демонстрации для ссыльных. Часть этой интеллигенции, дети которой учились у политических ссыльных, высказывала эгоистическое опасение, что учителя могут быть арестованы или высланы, а их дети останутся без учителей, и рассматривала участие преподавателей в похоронах как нарушение взятых ими на себя обязательств.

Для ссыльных же дело было сделано, оставалось только ждать последствий и готовиться к ним. И ссылка готовилась: прятала дальше ту нелегальщину, которая всегда имелась в ее обиходе; очищалась от всего того, что так или иначе, при обнаружении во время обысков, могло быть использовано для обвинения ссыльных в различного рода «преступлениях».

Политическая зарядка, полученная ссыльными в результате проведенной ими демонстрации, значительно повысила настроение колонии. Активность и интерес ссыльных к политической жизни страны значительно возросли, равно как и к партийно-программным вопросам. В колонии не оставалось уже почти оторвавшихся от политической жизни товарищей, повысился интерес к газетам и журналам. Увеличилась сплоченность ссылки. В это время очень реально почувствовалось, что политическая ситуация значительно изменилась в нашу пользу, окрепла уверенность, что страна находится накануне политических событий огромной важности.

Поэтому, хотя никто и не сомневался в том, что многим скоро придется отправиться в тюрьму, в Туруханск, к местам приписки, — жандармского налета ждали спокойно и даже весело. А налет затягивался. Прошло пять, десять дней — о жандармах не было ничего слышно. И только недели через две с половиной из Енисейска товарищами было сообщено, что налета нужно скоро ждать, что в Казачинское готовится жандармская экспедиция.

И вот, недели через три после похорон, ссыльных с. Казачинского облетело известие, что с парохода сошли жандармы.

Начался повальный обыск у всех ссыльных. Обыск проходил быстро, хотя искали довольно тщательно. Особенно усиленно искали у Клавдии Николаевой; жандармы производили обыск не только в ее комнате, но искали и у хозяина дома и во дворе. Но хотя ни у кого ничего найдено не было, однако, независимо от результатов обыска, всех участников шествия арестовали и посадили в арестное помещение при мировом судье (он же следователь).

Во второй половине дня в арестном помещении скопилось человек около тридцати. Сразу же начали водить на допрос к следователю. Допросы проходили с молниеносной быстротой. Всем задавались одинаковые вопросы и у всех были стереотипные на них ответы, которые были заранее подготовлены и продуманы. Дольше других при допросе следователь останавливался на группе большевиков. Всем участникам похорон была предъявлена статья, карающая участие в антиправительственной демонстрации. Товарищам же, выступавшим на могиле с речами, — Николаевой, Бирюзовскому и еще некоторым

другим, сверх этой статьи было предъявлено еще обвинение и по ст. ст. 129 и 103 — за оскорбление величества.

Ответы всех при допросах были примерно такие: на похоронах был, никакой демонстрации не было, песен не пел, флагов не видал, речей не слыхал, а кто был еще — не знаю.

По окончании допросов, которые при таких ответах прошли очень быстро, вошедшим в арестное помещение следователем было объявлено арестованным, что они все, за исключением некоторых, могут быть освобождены под залог в 50 рублей каждый. Исключенными из числа освобождаемых под залог оказались: Николаева, Озолин, Ланин, Гейдан, Трушечкин и Бирюзовский. Их постановлено было отправить в Енисейскую тюрьму.

Собрать по 50 рублей сидевшим в каталажке ссыльным, давно не имевшим на руках таких сумм, — было нелегко. Полетели телеграммы в Россию: к родным, к знакомым, к товарищам. Но все это не устраивало, так как при самых благоприятных обстоятельствах деньги могли быть присланы только через неделю. Тогда пришла на помощь чем только могла касса взаимопомощи.

«Военные ссыльные», имевшие деньги, также пришли на помощь некоторым товарищам и внесли за них требовавшуюся сумму. Но так как денег все-таки было недостаточно, то было решено, чтобы некоторые из товарищей, имевших учеников в семьях казачинской интеллигенции, отправились к ним добыть недостающую сумму денег. Обратились к следователю с заявлением об освобождении одного из таких товарищей для добывания денег. Следователь дал свое согласие на это. Выпущенный товарищ отправился к родителям своих учеников и изложил им цель своего прихода. С некоторым недовольством родители раскошелились. Перспектива подыскивать детям других репетиторов им не улыбалась. Но, выдавая деньги, они потребовали подписать вексельные бланки, заявив, что они — люди коммерческие и в деловых отношениях всегда придерживаются установленных законом форм. Пришлось на взятые суммы подписать векселя. Но как бы то ни было, деньги были получены, а только это в данный момент и требовалось. На указанных условиях деньги были получены у купца Глазунова и у жены врача местной больницы. За некоторых товарищей деньги были внесены торговцами Гринбергами. Купец Петухов через некоторых лиц пытался передать, что и он непрочь дать денег, если к нему обратятся. Но слишком уж он был неприятен, поэтому к нему обращаться никому не хотелось. После он выражал даже обиду, что к нему не обратились: «А я бы дал», — говорил он. Такое уже наступало время, что даже исключительно дрянной человек, заведомый черносотенец, считал для себя обидой, что политические ссыльные не обратились к нему за денежной помощью. Другие же купцы позднее выражали удовольствие, что к Петухову ссыльные не обратились за деньгами.

Товарищей, назначенных к отправке в Енисейскую тюрьму, увезли. Но через несколько дней и они по одному и по двое стали возвращаться в Казачинское. Часть из них была выпущена из Енисейской тюрьмы без всякого залога, но с части взяли по 150 рублей. За них платили товарищи, жившие в Енисейске. Бирюзовский же досидел в тюрьме до Февральской революции.

Далее жизнь колонии пошла своим чередом. Судебному делу, которое велось против участников демонстрации, никто из ссыльных не придавал особенного значения, хотя вначале оно велось довольно

энергично. Допрашивали и крестьян. И опять-таки особенно налегали на квартирохозяина Клавдии Николаевой. Его допрашивали часто и с пристрастием. Возили в Енисейск и подвергали всевозможным запугиваниям. Но крестьянин твердо держался своего: «знать не знаю и ведать не ведаю».

Кто-то из товарищей списался на случай суда с петербургским адвокатом Беренштамом и с красноярскими политическими защитниками. Они высказывали мрачные предположения и сулили плохие последствия. Беренштам, кажется, совершенно отказался от защиты.

Но ссылке было уже не до этого. Жизнь выдвигала новые вопросы, захватывавшие колонию. С наступлением зимы колония приняла участие в организации потребительского кооператива. Созывались крестьянские собрания; велась борьба с купцами и кулаками, стремившимися захватить кооператив в свои руки. Но «этот номер» не прошел. После длительной и упорной борьбы руководство кооперативом попало целиком в руки ссыльных.

Так протянулось до февраля. Настроение к этому времени у колонии было совсем особое.

Было ясно, что страна вступает в полосу событий огромной важности, но как они развернутся никто ничего не знал. Газеты приносили попрежнему известия о войне и были полны думскими отчетами, из которых можно было понять, что в стране неспокойно, что революционное движение нарастает, но какие слои населения оно захватило, является ли рабочий класс ведущим в этом движении, — ссылка могла только строить предположения. Наконец, и газеты стали приходить с перебоями, а новые партии ссыльных продолжали проходить через Казачинское. Они так же, как и раньше, мерзли, были утомлены и полуголодны. Но сообщали такие новости, что ссылкой овладевала лихорадка.

В последних числах февраля вдрут по совершенно непонятным для ссыльных причинам закрылась почта. Некоторые из почтовых служащих находились в близких отношениях со ссыльными, но почему почта закрыта и какие имеются сведения из России, — сообщить отказывались: пристав и начальник почты их запугали.

Было ясно, что совершились какие-то исключительные события и почта об этом знает. Сквозь щели запертых дверей почты круглые сутки виден был свет и слышался треск аппарата. За почтой ссыльные наблюдали. По ночам пытались подслушивать, что делается в почтовом отделении, чтобы по какому-нибудь случайному слову уяснить смысл происходящих событий, но и таким путем выяснить ничего не удалось. Местная интеллигенция, повидимому, узнавала от начальника почты все новости, но с растерянным видом упорно молчала. Напряженное ожидание колонии достигло высшей точки. С утра до поздней ночи ссыльные проводили вместе. В один из вечеров первых чисел марта в колонии стало известно, что пристав вместе с семьей выехал из Казачинского. В эту же ночь часов около трех утра одному из ссыльных с почты была доставлена телеграмма с коротким, но ясным содержанием: «Николай свергнут поздравляем выезжай».

Товарищ, получивший телеграмму, нисколько не медля, отправился на квартиру к Трушечкину, у которого собиралась ссылка в последние дни. По пути было разбужено еще несколько товарищей, и скоро почти вся колония была у Трушечкина. До рассвета думали и гадали о том, как и кем свергнут царь, одновременно намечали и

план дальнейших действий. К утру еще несколько товарищей получили телеграммы с извещением о свержении самодержавия. Первым решением было устройство демонстрации с флагами и пением. Как только рассвело, ссылка нестройной толпой двинулась вдоль села по направлению к общественной квартире. По пути разъяснялся недоумевающим крестьянам смысл происходящих событий: царь свергнут с престола, теперь конец войне. Вначале крестьяне относились к сообщениям недоверчиво и высказывали предположение, что и эта демонстрация кончится тем, чем кончилось шествие при похоронах Навроцкого.

Пройдя по селу, ссыльные устроили митинг перед коммунальной квартирой. На митинг стали быстро собираться крестьяне. Подходили, слушали, но держались еще «сторожко» и старались не смешиваться с ссыльными. Какой-то путник, проезжавший мимо митинга, повидимому, из Красноярска, остановил лошадей и передал ссыльным номер газеты, в котором были телеграммы о восстании в Петербурге, о присоединении к восставшим рабочим войск гарнизона и сообщение об отречении Николая и Михаила. Здесь же была и телеграмма Керенского об амнистии. Газету стали читать вслух и разъяснять смысл сообщений сдвинувшимся плотней крестьянам. Делал это товарищ Озолин.

В это время к толпе подошел урядник и стал требовать, чтобы толпа разошлась, ссылаясь на то, что никаких указаний по обсуждаемым нами вопросам от начальства нет. Делал он это довольно решительно, так что подействовал на крестьян и они стали отстраняться от толпы ссыльных. В это время некоторые ссыльные не менее решительно потребовали от урядника, чтобы он немедленно удалился. Видя решительность ссыльных, он, несколько поворчав, исчез. Крестьяне, убедившись, что сила на стороне ссыльных, снова сомкнулись вокруг них, и митинг в дальнейшем продолжался без помех. Закончился он только к вечеру.

В это время колонии было сообщено, что урядник, переодевшись, бежал из села, а стражники сделали это еще раньше.

Вечером было созвано собрание колонии. На нем обсуждался план дальнейших действий и политические новости, разобраться в которых еще не было времени.

У всех в течение дня успели накопиться недоумения: кабинет возглавляется князем Львовым, кадетом, прочие министры — тоже известные кадеты, а Родзянко, октябрист, продолжает играть политическую роль. В кабинет вошел Керенский в качестве единственного «социалиста», одновременно существует Совет рабочих депутатов; взаимоотношения Совета с буржуазным правительством казались неясными... Каково соотношение реальных сил, на которые опирается каждая из двух властей, тоже представлялось загадкой. Имеет ли Совет за собой достаточно силы? И, если да, то почему он не захватил всей полноты власти?. И, наконец, речи о продолжении войны у большей части ссылки вызвали не только недоумение, но и разочарование. Вначале призыв к революционной войне до победного конца казался каким-то недоразумением. Как было выйти и сказать крестьянам, что война будет продолжаться? Для них революция, продолжающая непонятную и ненужную войну, была пустым звуком.

По этому вопросу среди ссыльных разгорелись горячие споры.

Большевики, главным образом, Николаева и Ланин, — немедленно указали на то, что временное правительство — правительство князей.

помещиков и капиталистов, что революция не кончилась, а только начинается, что продолжение войны — предательство, и что крестьянству надо объяснять сложившуюся политическую обстановку именно в таком духе.

Для многих ссыльных такая трактовка революционных событий вначале казалась чуть ли не кощунством. Многие были готовы принимать и приветствовать все явления без всякой критики. Им казалось совсем непонятной мысль о том, что такое правительство революционерам поддерживать нельзя. В выступлениях большевистской группы было столько страстности и столько стремительности в нападениях на противников, что большинство присутствовавших невольно воспринимало их аргументацию и начинало вдумчивей относиться к событиям. Со стороны других группок раздавались слабые голоса, что самое-то главное уже сделано, самодержавие свергнуто, а все прочее-де устроит учредительное собрание. Пределом их политических желаний являлась демократическая республика; по вопросу о войне они распинались за продолжение войны с немцами, иначе они-де посадят снова царя на престол. В ближайшие дни эти две точки зрения оформились и окрепли окончательно, и вся дальнейшая жизнь колонии шла под знаком этих разногласий.

На созываемых митингах вначале говорили только ссыльные. Большинство высказывалось осторожно: много об учредительном собрании и мало о войне, о том, что ее нужно кончать, но так, чтобы это не повредило революции.

И только Николаева, Озолин и Ланин без всяких околичностей заявили, что войну нужно кончать во что бы то ни стало, без маскировок и без оговорок — и этого нужно требовать от правительства.

Позднее стали выступать ораторы из крестьян и местной интеллигенции, которая быстро научилась действовать единым фронтом.

Крестьяне говорили о том, как разорила их война, и что дальше вести ее незачем.

Выступавший местный учитель Накрохин говорил о радости всей России по поводу свержения бездарного царя и его правительства, что новое правительство нужно поддерживать, а главное поменьше слушать людей пришлых, чужих крестьянам и их интересам, что нужно жить своим умом. Так же выступал и дорожный техник Янченко. Но если Накрохин ограничился только намеком на чужих людей, то Янченко заявил, что именно ссыльных нужно поменьше слушать, так как-де они поговорят и уедут. Вскоре местная интеллигенция повела форменную агитацию против ссыльных не только в самом Казачинском, но стала вести ее и по волости. Особенно резко выступали против ссыльных Янченко и Накрохин. Первого после одной из его поездок по волости ссыльным пришлось вызвать и предложить ему прекратить погромную агитацию. Сделано это было хотя и в мягкой форме, но достаточно решительно. Последствием такого внушения было то, что Янченко вместе со своим приятелем крестьянским начальником Сланским на другой же день исчезли из Казачинского. Затих и Накрохин. Нужно отметить, что до революции все трое были либеральствующими людьми и к ссыльным относились сравнительно неплохо, но революция сразу же сделала их активными врагами ссылки.

На одном из митингов выступал старичок-народоволец, давно проживавший в соседнем селе. Он восторженно говорил об учредительном собрании и о том, что туда надо выбирать людей известных

местному населению и уважаемых. В конце концов предложил послать временному правительству приветственную телеграмму от крестьян и ссыльных. Митинг заколебался и был склонен принять такую резолюцию. Но тут выступила Николаева и в резкой форме возразила против посылки телеграммы, указав на то, что это правительство не заслуживает посылки ему приветствия, и мотивировала это тем, что правительство состоит из промышленников и князей, а потому трудовому народу приветствовать его нельзя. Предложение было отклонено.

Все эти дни власть в селе фактически принадлежала ссыльным. Для охраны порядка в селе взамен разбежавшихся стражников была организована добровольная милиция из ссыльных и крестьянской молодежи. Были выделены товарищи для разбора дел канцелярии пристава и следователя. У последнего было изъято дело о привлечении ссыльных к ответственности за участие в демонстрации на похоронах Навроцкого.

Была выделена группа товарищей для поездок по соседним деревням и селам с целью оповещения населения о происходящих событиях. Помнится, на собрании колонии долго подбирали наименование для этих делегатов и в конце концов остановились на названии «эмиссаров».

Волостное правление еще продолжало действовать, но контроль колонии был установлен и за его деятельностью.

В работу по перестройке власти ссылкой деятельно вовлекалось крестьянство. Это было тем более необходимо, что ссыльные в скором времени собирались разъезжаться, а некоторые уже успели разъехаться. Ссыльными были выделены активисты из крестьян, главным образом из тех, которые еще во время организации кооператива проявили себя как ярко выраженные противники кулацкого и купеческого засилия. С ними ссыльные в последние дни своего пребывания в Казачинском проводили совещания, инструктируя их по вопросу организации новых органов управления и по борьбе с возможными попытками местных богатеев провести в руководящие органы управления своих ставленников. Но ссылка этим не ограничилась. Чтобы обеспечить свое влияние и на дальнейшее течение событий, в Казачинском решили задержаться большевики тт. Шульц и Мучник. Первый оставался до мая, а второй вообще не предрешал своего отъезда.

В первые дни после переворота в Казачинское еще продолжали прибывать партии ссыльных. В одной из них шли тт. Куйбышев и Бубнов. Колонией было решено освободить их здесь же. Для переговоров с конвойными отправилось несколько товарищей, которые скоро возвратились в сопровождении начальника конвоя и нескольких солдат в полном вооружении. Вошли они в помещение колониальной квартиры во время собрания, которое не было предупреждено об их приходе. Конвойный начальник начал свое обращение к собранию вопросом: «кто здесь старший?» Слишком необычно еще было новое положение для ссыльных и слишком памятны для всех собравшихся привычные взаимоотношения с вооруженными солдатами, поэтому собрание в первый момент пришло в замешательство. Несколько оправившись, ссыльные ему указали на председательствовавшего в собрании, которым был, кажется, т. Шульц. Конвойный начальник отрапортовал, что в вверенной ему партии столько-то политических, столько то уголовных, что в партии все благополучно, и

испрашивал распоряжений о дальнейшей судьбе партии. После переговоров было решено политических освободить немедленно, а об участи уголовных запросить Енисейск. Из Енисейска пришел ответ, что партия уголовных должна быть доставлена в Енисейск. По открытым листам выявили всех политических, освободили и разместили их по квартирам. Колония сфотографировалась вместе с ними и они вскоре стали отправляться обратно —в Россию.

Из Енисейска в Казачинское явился сидевший в Енисейской тюрьме тов. Бирюзовский. Явился он на этот раз в качестве комиссара по эвакуации ссыльных с запасом денег, выделенных енисейским комитетом по эвакуации.

С этого времени через Казачинское начали ежедневно проезжать освобожденные ссыльные. Первым партиям устраивались встречи, но затем они стали проезжать, не останавливаясь в Казачинском и не заходя к ссыльным.

Одним из первых казачинской колонией был встречен тов. Бадаев. Группа ссыльных, с которой он проезжал, задержалась в Казачинском на сутки, и тов. Бадаев выступал на специально созванном митинге и на собрании колонии, на котором он говорил об основных установках большевиков для данного этапа революции. Здесь же он особенно четко поставил вопрос о том, что революция только что началась и что впереди предстоят большие трудности. Он указывал, что буржуазия мобилизует все свои силы для того, чтобы овладеть движением и использовать его только в своих целях, и настаивал на зоркой бдительности и недоверии ко всем действиям буржуазии.

Выступление товарища Бадаева для ссыльных Казачинского имело то значение, что послужило решительным толчком к полному выявлению партийного лица еще большого количества остававшихся в с. Казачинском и неопределившихся товарищей. Была произведена перепись по партийности, и каждый должен был формально заявить, к какой партии он примыкает.

Подготовка к выборам в новые органы управления и самые выборы были проведены в первой половине апреля. В органы волостного управления были избраны крестьяне и несколько бывших ссыльных. Председателем самоуправления был избран ссыльный Новиков, заявивший себя большевиком. От местной интеллигенции в этот орган намечался техник переселенческого управления Янченко, но незадолго до выборов, на другой день после того как он вызывался к ссыльным для объяснения, он вместе с крестьянским начальником Сланским бежал из Казачинского. После этого оставшаяся интеллигенция перестала вмешиваться в общественные дела.

Небезынтересно отметить еще один штрих, подчеркивающий антагонизм между ссылкой и местной интеллигенцией, проявившийся немедленно после февральских дней. Ссыльные совместно с интеллигенцией решили устроить спектакль. Вначале как будто бы обо всем договорились. У интеллигенции был опыт в постановке любительских спектаклей, были кое-какие костюмы. Была выбрана пьеса, приступили к репетиции. Но незадолго до дня спектакля, подыскав какие-то причины, интеллигенция отказалась участвовать в спектакле.

Было ясно, что целью отказа являлся срыв спектакля, чтобы показать крестьянам беспомощность ссылки. О спектакле население было опощевено, и отмена его была нежелательна, поэтому ссыльные решили провести его собственными силами при участии крестьянской

молодежи. За организацию спектакля взялся Мучник. Стали быстро проводить репетиции с новым составом, спектакль состоялся и очень понравился крестьянам. Таким образом провокация интеллигенции не удалась. Воспользовавшись этим обстоятельством, Мучник и другие товарищи организовали театральный кружок из крестьянской молодежи.

После выборов в местное самоуправление из Казачинского уехал тов. Шульц.

В Казачинском оставалась небольшая группа ссыльных с несколькими большевиками во главе.

Так закончило свое пребывание в селе Казачинском последнее поколение политических ссыльных.

ПАМЯТИ УМЕРШИХ ТОВАРИЩЕЙ

Земляк

Иван Ефимович Пластунов

22 сентября 1934 г. в Москве енисейцы похоронили своего земляка — члена Общества политкаторжан Ивана Ефимовича Пластунова

Кто знал его близко, тот никогда не забудет этого обаятельного человека, отзывчивого товарища, скупого на слова, но кипевшего энтузиазмом созидательной работы.

Вся его жизнь, небогатая внешними происшествиями, проходила под знаком дисциплинированного труда. Без осмысленной работы он не мыслил жизни, особенно в наших условиях борьбы за построение бесклассового общества. Безнадежно больной, прикованный к постели последние три года, он глубоко страдал без работы, добывал ее, вопреки указанию врача, и выполнял ее с присущей ему аккуратностью и добросовестностью. Однажды, когда опоздали ему переслать очередную партию работы, он сам, пользуясь отсутствием жены, ушел из дома, появился у нас в Обществе и забрался на третий этаж. Мы пришли в ужас от страха за него, от сожаления к этому сильному волей, но безнадежно больному, превратившемуся в скелет от болезни и страданий человеку, у которого живы были только большие лучистые глаза. Мы его усадили, дали возможность отдохнуть и вместе с работой проводили домой. Он был очень оживлен, много говорил и показал, что с неослабевающим интересом следит за общественной и политической жизнью страны. Таким он остался до самой смерти.

Последний раз, когда я его видел за неделю до смерти в Михайловском, он уже не мог вставать с постели, совершенно высох, ослаб. Но он ожил, когда зашел разговор о событиях на Дальнем Востоке. Он весь загорелся, присел на кровати и стал с огнем и жаром здорового человека говорить о последней авантюре белобандитов.

Сколько задушевных сил таилось в этом человеке! И через неделю его не стало.

Всю свою жизнь Иван Ефимович работал в коллективе, жил в нем до конца, и коллектив и все соприкасавшиеся с ним сохранят надолго о нем добрую память.

Иван Ефимович Пластунов родился в 1883 г. в Сергиевом посаде Дмитровского уезда Московской губ. в небогатой мещанской семье. Образование получил в Набилковском училище в Москве, которое окончил в 1900 г. и сразу же 17-ти лет поступил на службу: сначала в железнодорожное потребительское общество, затем в контору М.-Казанской железной дороги и, наконец, в Северное страховое об-

чество. Будучи на службе, учиться не бросил, пополняя свои знания самообразованием. Около года он даже состоял вольнослушателем в Московском коммерческом училище.

В 1904 г. он познакомился с революционным движением и связался с московской с.-д. организацией. Сначала он был участником кружков, затем нес секретарские и технические обязанности в городской и окружной организациях, принимал участие в создании типографии. В марте 1906 г. он был арестован вместе с типографией Московского комитета на Спасской улице. Через несколько месяцев его выпустили на поруки. Вторично он был арестован в 1907 г. и после 1½ лет предварительного заключения был приговорен московской судебной палатой 7 апреля 1909 г. к ссылке на поселение.

В ссылке до 1911 г. он жил в деревнях Бельской волости (Бельское, Троицкое, Кузнецово, Пировское) Енисейского у. и губернии. Здесь он был активнейшим участником и организатором коллектива ссыльных, любимым и уважаемым товарищем. После 1911 г. в Енисейске и Красноярске он всецело отдался кооперативной работе и стал одним из организаторов Енисейского союза кооперативов. С 1923 г. в Москве до болезни работал бухгалтером Госторга, принимал участие в общественной жизни учреждения, работал в Енисейском землячестве Общества.

Несмотря на слабость здоровья, на истощенный организм, пожираемый тяжелой болезнью, унесшей в конце концов его от нас, он никогда не жаловался на свои недомогания. Тревогу за будущее, мучительную боль и страдания он прятал глубоко от всех.

Коллективу он служил примером радостной творческой работы.

Всегда ровный, спокойный, отзывчивый, выдержанный, добросовестный и в работе и в своих отношениях к людям, Иван Ефимович показывал прекрасный образец подлинного общественника.

Этим он дорог всем знавшим его.

Енисеец

Демьян Афанасьевич Бобков

20 апреля 1934 г. мы лишились прекрасного товарища, выдержанного революционера и общественника, Демьяна Афанасьевича Бобкова, члена Общества политкаторжан, члена Енисейского землячества.

Товарищ Демьян — типичный массовик, выдвинутый на арену политической жизни и воспитанный революцией 1905 г.

Он родился 1 июля 1882 г. в Смоленской губ. Родители его — бедняки-крестьяне дер. Пашковщины Хохловской волости жили в тяжелых условиях материальной необеспеченности, граничащей с нищетой на почве земельного утеснения и кабальной зависимости от местного помещика.

Демьяну с раннего детства пришлось проходить суровую школу борьбы за существование.

Только по счастливой случайности ему удалось научиться грамоте — кончить сельскую школу.

С 13 до 18 лет он батрачил у местного помещика.

18-ти лет он перебрался в Смоленск и поступил швейцаром в реальное училище. Здесь он пристрастился к чтению. Располагала к этому и обстановка и обилие свободного времени на скучных и длинных дежурствах. Читал он много, но беспорядочно и без системы.

21-го года Демьяна призвали на военную службу. Этот был памятный 1903 г. — преддверие 1905 г., когда скрытые силы революции, придавленные тяжелой пятой царизма, начинали вырываться наружу. Демьян уже был подготовлен к тому, чтобы видеть и понимать происходящее. На военной службе он стал революционером.

Служил он писарем, сначала в управлении смоленского воинского начальника, а с января 1905 г. — писарем Главного артиллерийского управления в Петербурге. Он прибыл в Петербург два дня спустя после 9 января, он видел кровь расстрелянных, он чувствовал пульс наступающей революции.

В конце 1905 г. он стал членом военно-писарского союза (вначале беспартийного, потом эсеровского), ставившего своей целью ведение противоправительственной пропаганды среди петербургского гарнизона и оказание помощи «вольным» агитаторам в их работе среди войск. Ядро этого союза составляли писаря петербургских центральных военных управлений — Главного артиллерийского, Окружного и Главного интендантского и Главного штаба.

Оказавшись в гуще подпольной жизни, Демьян проявил себя дельным пропагандистом и умелым организатором. Вскоре его избрали членом исполкома Союза, и он стал вести пропагандистскую и агитационную работу среди нижних чинов следующих частей: Петербургского окружного артиллерийского управления, Петербургского склада, Петропавловской крепости и Михайловского артиллерийского училища.

Несмотря на усиленную нелегальную деятельность, Демьяну удалось все же продержаться до октября 1907 г., когда, прослеженный охранниками, он был арестован и заключен в Петербургскую военную тюрьму. До суда он просидел 1½ года, из них 3½ мес. в Петропавловской крепости. Длительное предварительное заключение в суровых условиях крепости и военной тюрьмы не сломило Демьяна, а закалило его, сформировало из него верного солдата революции, каким он остался до конца своих дней. Суд, начавшийся 5 мая 1909 г. и кончившийся 19 мая, вынес всем участникам процесса обвинительный приговор. Демьян, как и все остальные, был приговорен к 10 г. каторги, замененной ссылкой на поселение.

Ссылку он отбывал в Енисейской губ.

Пребывание в Енисейской тюрьме, в которой Демьян сидел до выхода на поселение, едва не кончилось для него трагически. За отказ отойти от окна часовой выстрелом из винтовки легко ранил Демьяна. В конечном счете все окончилось благополучно, и Демьян оказался на воле в д. Погодаевой Анциферовской волости.

Здесь он вел, как и вся ссылка, суровую борьбу за существование.

Он гнал смолу, рубил дрова, делал туеса, охотничал, батрачил. В 1911 г. мы его видим на золотых приисках Северного Енисейского горного округа, где он пробыл до 1918 г., работая конторщиком у разных хозяев.

После революции Демьян член Совета рабочих депутатов и гласный земства от рабочих Елизаветинского прииска.

С ноября 1918 г. он работал счетоводом в конторе кожзавода Енисейского отделения Губсоюза кооперативов. В 1919 г., мобилизованный Колчаком, служил в 31-м Сибирском стрелковом полку в г. Красноярске. Здесь он принимал участие в организации восстания

этого полка и всего красноярского гарнизона против Колчака. Восстание произошло за неделю до прибытия в Красноярск пятой армии. Накануне восстания Демьян был избран в Совет рабочих и солдатских депутатов.

В январе 1920 г. он снова стал работать в енисейском отделении Губсоюза, где и пробыл до 1924 г. С 1926 г. в Москве он работал в артели О-ва.

Здесь он стал серьезно хворать. Крепкое здоровье его стало расшатываться. В 1933 г. он принужден был по болезни перейти на пенсию. Болезнь приобрела затяжной характер, прогрессировала, и под конец он уже не мог вставать с постели.

В лице т. Демьяна мы потеряли прекрасного, чуткого товарища, любившего и умевшего работать в коллективе, где его спокойствие, выдержка, жизнерадостность, искреннее желание помочь каждому, — сплачивали всех в одну дружную семью. Эта прекрасная черта его характера никогда не забудется всеми знавшими его.

БИБЛИОГРАФИЯ

По поводу нового издания сочинений Д. И. Писарева [1]

Учитывая потребность современного читателя в сочинениях классиков русской критики, Государственное издательство художественной литературы нашло необходимым выпустить в свет собрание избранных сочинений знаменитого критика и публициста 60-х годов Д. И. Писарева. Несомненно, что в таком издании была действительная потребность, и с этой точки зрения оно заслуживает полного внимания.

Из предисловия издательства читатель узнает, что выпускаемое ГИХЛом издание должно включать в себя «все литературно-критические статьи Писарева, а также те наиболее значительные историко-публицистические и полемические статьи его, которые тесно примыкают к литературно-критическим статьям и знакомство с которыми необходимо для уяснения сущности и эволюции общественно-политических, а в связи с ними литературно-критических взглядов Писарева».

Если с точки зрения такого задания подойти к вышедшему уже в свет I т. избранных сочинений Писарева, посвященному его литературной деятельности за 1861—1864 гг., то придется признать, что выбор статей для этого тома в общем произведен вполне правильно и удачно. Однако обещание включить в него все литературно-критические статьи Писарева в действительности осталось не выполненным. Мы не находим в I томе ни юношеских литературных опытов Писарева, среди которых преобладают именно статьи литературно-критического характера, ни написанной в 1862 г. статьи «Русский Дон-Кихот», посвященной И. Киреевскому. Если юношеские опыты не представляют особого интереса, то этого отнюдь нельзя сказать о статье «Русский Дон-Кихот», знакомящей нас с отношением Писарева к славянофилам. Нельзя не пожалеть, что редакторы рецензируемого собрания сочинений Писарева не нашли нужным включить эту статью в свое издание.

Можно пожалеть также и о том, что читатель не найдет в нем отзыва Писарева на изданную в 1862 г. В. Д. Костомаровым и Ф. Н. Бергом книгу «Поэты всех времен и народов», в которой были собраны их стихотворные переводы. Этот отзыв представляет несомненный интерес вследствие того выпада, который сделан в нем Писаревым против Всеволода Костомарова. «Напрасно, — писал Писарев, — Костомаров к имени пиэтиста Генгстенберга... делает следующее язвительное замечание: «Генгстенберг, по доносу которого отнята кафедра у Фейербаха». Кто так близко подходит к Генгстенбергу по воззрениям, тому следовало бы быть поосторожнее в отзывах». В этих словах — прямой намек на предательскую роль Костомарова в деле М. И. Михайлова, осужденного за распространение прокламации «К молодому поколению». (Гнусная роль Костомарова в деле Чернышевского не могла еще быть известна Писареву в то время). Несомненно, что желание отметить позорную роль Костомарова было побудительной причиной, заставившей Писарева откликнуться в печати на выход книги Берга и Костомарова. В русских условиях того времени этот отзыв Писарева был не только литературным выступлением, но и политическим действием, учесть которое необходимо для того, чтобы полнее охарактеризовать политическую позицию Писарева в эпоху начинающейся правительственной реакции.

Текст статей Писарева, включенных в рецензируемое издание, сверен редакцией как с журнальными публикациями, так и со всеми изданиями «Собрания сочинений» Писарева. В результате редакции удалось восстановить в статьях Писарева ряд мест, выброшенных в некоторых из прежних изданий по требованию цензуры. Это обстоятельство, повышая научную ценность предпринятого ГИХЛом издания, имеет весьма существенное значение в виду того, что недостаточно внимательное отношение некоторых исследователей к текстам прежних из-

[1] Д. И. Писарев. Избранные сочинения в двух томах. Общая редакция и вступительная статья В. Я. Кирпотина. Комментарии В. Я. Кирпотина и Н. Ф. Бельчикова. Редакция текста и примечания Н. Ф. Бельчикова. Том I. Государственное издательство художественной литературы. М., 1934 г., 600 стр., цена 8 руб., переплет 1 руб.

дания сочинений Писарева приводило их иногда к выводам ошибочным и искажавшим действительную эволюцию идей и взглядов Писарева.

Комментаторский аппарат в новом издании состоит из вступительной статьи, комментариев к отдельным статьям и словаря-указателя, содержащего в себе краткие сведения об упоминаемых Писаревым лицах, событиях, органах прессы и т. д.

Что касается вступительной статьи и комментариев, то они воспроизводят в точности ту концепцию миросозерцания Писарева и его эволюции, которая подробно развита В. Я. Кирпотиным в его неоднократно переиздававшейся книге о Писареве. Здесь не место оспаривать эту концепцию и доказывать ее несостоятельность, тем более, что это уже сделано нами в другом месте[1]. Однако нельзя не отметить, что новое издание сочинений Писарева принесло один новый — и притом очень веский — аргумент против этой концепции.

Проверяя текст статьи «Генрих Гейне», появившейся в печати впервые в IX части первого издания сочинений Писарева, вышедшей в 1867 г., редакция нового издания обратила внимание на то, что Писарев «упоминает в этой статье XI том «Сочинений Генриха Гейне в переводе русских писателей» под редакцией П. Вейнберга, выходивших в свет с 1864 г.». Это обстоятельство, на которое до сих пор никто не обратил внимания, показывает, что статья «Генрих Гейне» была написана Писаревым не в 1862 г., как это было принято думать, а не раньше 1864 г. или точнее — даже не раньше 1866 г., ибо только в этом году вышел в свет упоминаемый Писаревым XI т. сочинений Гейне. Такое уточнение датировки статьи «Генрих Гейне» имеет громадное значение для концепции Кирпотина.

Чтобы читателям это было вполне ясно, напомним кратко, как т. Кирпотин изображает эволюцию взглядов Писарева. Эта эволюция может быть, по мнению т. Кирпотина, представлена в виде кривой линии, первоначально идущей кверху, а затем начинающей все более и более спускаться вниз. В 1862 г. политический радикализм Писарева достигает апогея. Под влиянием обострения классовой борьбы в стране, в условиях назревавшей крестьянской революции, Писарев становится сторонником революции. Однако его революционное настроение было довольно поверхностным и продержалось недолго. После ареста, которому он подвергся летом 1862 г., в условиях развивающейся реакции и утраты надежд на близость крестьянской революции, Писарев начинает праветь, уходит от революции к теории «малых дел», начинает проповедывать распространение естествознания, как вернейшего средства преодоления темных сторон русской жизни, и все свои надежды возлагает на просвещенного предпринимателя, который сумеет организовать на справедливых началах промышленную жизнь страны. Наконец, в 1867 г. в статье «Борьба за жизнь» Писарев доходит до прямого сомнения в возможности морального оправдания революционных способов борьбы. В виде аналогичной кривой можно, по мнению т. Кирпотина, изобразить и эволюцию отношения Писарева к социализму. В 1862—1863 гг. он выступает как сторонник социализма, а позднее разочаровывается и начинает относиться к социалистическим теориям, как к несбыточным утопиям.

Такая точка зрения на эволюцию миросозерцания Писарева развита т. Кирпотиным в его книге и повторена во вступительной статье и в комментариях к ГИХЛовскому изданию.

Статья «Генрих Гейне» была широко использована т. Кирпотиным для обоснования его концепции.

«В 1862 г. Писарев, — писал Кирпотин, — уже бросил курс только на преобразование нравов общества, он ориентируется на переворот, на революцию — и требует к революции серьезного делового отношения. **Наиболее ярко в его легальных статьях ориентация на революцию отразилась в статье о «Генрихе Гейне»**[2].

Не меньшее значение имеет эта статья и для характеристики отношения Писарева к социализму. «В статье о Гейне, — пишет т. Кирпотин, — Писарев убежденно ратует за преимущества социалистического строя, доказывая и его возможность, и его правомочность, и его совместимость с индивидуальными особенностями отдельных людей»[3].

Из приведенных нами слов т. Кирпотина совершенно ясно, какое большое значение для всей концепции т. Кирпотина представляет точная и правильная датировка статьи «Генрих Гейне». И вот теперь выясняется, что эта статья, в

[1] См. мою статью «Д. И. Писарев и социализм» в №№ 4—6 журнала «Литература и марксизм» за 1929 г.

[2] В. Кирпотин. «Радикальный разночинец Писарев», М. 1933 г., стр. 165. Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

[3] ГИХЛовское издание сочинений Писарева, т. I, стр. 563.

которой, по мнению Кирпотина, наиболее ярко отразилась ориентация Писарева на революцию и его симпатии к социализму, была написана им не в 1862 г., а в 1866—1867 гг., т. е. тогда, когда, по концепции т. Кирпотина, Писарев окончательно распростился со всякими надеждами на революцию, осудил насильственные, революционные средства борьбы и отрекся от социализма. Ясно, что установление этого обстоятельства ниспровергает всю концепцию Кирпотина. Та кривая линия, сперва идущая кверху, а потом, с 1862 г., неуклонно ниспадающая, которую чертил т. Кирпотин, характеризуя отношение Писарева к революции и социализму, — эта кривая линия оказывается линией совершенно фантастической ни в какой мере не отражающей действительной эволюции идей Писарева.

Естественно, что при таких условиях т. Кирпотин должен был бы коренным образом пересмотреть свою прежнюю концепцию. Однако, как мы уже отметили выше, говоря о вступительной статье и комментариях к новому изданию сочинений Писарева, т. Кирпотин остался при своей прежней концепции и не внес в нее никаких поправок. Тов. Кирпотин предпочел сделать вид, что будто бы не произошло ничего, что побуждало бы его пересматривать точку зрения на Писарева и изменять датировку статьи «Генрих Гейне». В новом издании она попрежнему отнесена к 1862 г. Понятно, что такую датировку необходимо было как-то обосновать. И вот какое обоснование ее придумала редакция ГИХЛовского издания.

«Статья «Генрих Гейне», — читаем мы на стр. 563 этого издания, — впервые напечатана в IV части сочинений Писарева первого издания Ф. Ф. Павленкова, вышедшей в свет в 1867 г... *В первом издании статья датирована 1862 годом.* Датировка эта оправдывается кругом идей, развиваемых Писаревым в статье, и характером трактовки их (например, идеи равенства)».

Но как же в таком случае, может спросить изумленный таким оборотом дела читатель, в эту статью могла попасть ссылка на книгу, вышедшую только в 1866 г.?

«Надо думать, — отвечает на этот вопрос редакция рецензируемого издания, — что эта статья для первого издания (1867) *подвергалась редакционной правке*».

Попробуем разобраться в этой аргументации.

Ссылка на датировку первого издания производит весьма убедительное впечатление, особенно если принять во внимание, что это издание выходило при жизни Писарева и что Павленков, выпуская его, имел возможность пользоваться указаниями самого автора. Беда только в том, что этот аргумент ГИХЛовских редакторов отличается фантастическим характером: в действительности же в первом издании статья «Генрих Гейне» *не имеет никакой даты.* Таким образом ссылка на датировку первого издания — результат какого-то явного недоразумения.

Почему же, однако, принято было считать, что интересующая нас статья была написана Писаревым в 1862 г.? Исключительно потому, что Ф. Ф. Павленков, выпуская в 1894 г. второе издание сочинений Писарева, в котором эти сочинения впервые были разбиты по томам в хронологическом порядке, по каким-то неизвестным нам соображениям отнес статью «Генрих Гейне» к 1862 г. Совершенно ясно, что при таких условиях полагаться на датировку Павленкова, произведенную им спустя более четверти века после смерти Писарева, было бы более чем рискованно, если эта датировка стоит в явном противоречии с текстом статьи. Тем более, что эта датировка опровергается не только ссылками Писарева на вейнберговское издание сочинений Гейне, но и еще одним обстоятельством, не обратившим на себя внимания редакции нового издания сочинений Писарева.

Дело заключается в следующем: в одном месте статьи о Гейне, говоря о скептическом отношении германского писателя к социализму, Писарев замечает: «Гейне к стыду своему подает здесь руку *Николаю Соловьеву и т. п.*» Людям, знакомым с литературой 60-х годов, должно быть совершенно ясно, что, если бы Писарев писал интересующую нас статью в 1862 г., то он упомянул бы фамилию какого-нибудь другого противника социализма, а не Соловьева, литературная деятельность которого тогда еще не начиналась и имя которого в 1862 г. ничего не говорило ни уму, ни сердцу читателей. К середине же 60-х годов Соловьев уже обладал значительной известностью в качестве очень ярого, — хотя и не очень умного, — врага «нигилизма».

Переходим к разбору второго аргумента, приводимого ГИХЛовскими редакторами: датировка «Генриха Гейне», якобы, оправдывается кругом идей, развиваемых Писаревым в этой статье, и характером трактовки их (например, идеи равенства).

Надо ли говорить о том, что этот довод звучит не особенно убедительно?

Он основан на впечатлении чисто субъективного характера и к тому же не мотивирован настолько, чтобы ему можно было придавать серьезное значение. Нам кажется, что внимательное изучение статьи о Гейне должно привести не к тому заключению, которое высказывают ГИХЛовские редактора, а к противоположному. Попробуем указать, почему именно.

В статье о «Генрихе Гейне» Писарев, между прочим, приводит резкое разграничение между «политическим переворотом» и «экономическим обновлением». Это разграничение не имеет в себе ничего оригинального. Для всех, знакомых с литературой западно-европейского утопического социализма, совершенно ясно, что оно заимствовано Писаревым именно оттуда. Установив это различие, Писарев доказывает на примере Великой французской революции бесплодность «голых» политических революций, неспособных, по его мнению, ничуть улучшить положение народа. Другими словами, Писарев выступает здесь, как человек, потерявший «веру в чудотворную силу голых политических переворотов» (ГИХЛовское издание, стр. 278—282, 285). Нам кажется несомненным, что человек, ставший на такую точку зрения, не смог бы написать прокламацию «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти», за составление которой Писарев был арестован летом 1862 г. Вспомним, к чему призывал Писарев в этой прокламации? К уничтожению «династии Романовых и петербургской бюрократии», т. е. к тому, что в статье «Генрих Гейне» он называет «политическим переворотом». Если же мы примем во внимание, что указанные нами рассуждения Писарева о бесплодности Великой французской революции, как «голого политического переворота», приведшего исключительно к замене старого феодализма «новой плутократией», являются подробным развитием мысли, высказанной им в 1864 г., в XVII главе «Исторических эскизов», то мы будем вынуждены притти к заключению, что статья «Генрих Гейне» по «кругу идей», развиваемых в ней Писаревым, и по «характеру трактовки их» имеет все основания быть отнесенной не к 1862 г., а к более позднему времени.

Таким образом оба довода, приводимые ГИХЛовскими редакторами, не выдерживают критики. Столь же неубедительными представляются их соображения относительно того, что ссылка на вейнберговское собрание сочинений Гейне в статье, интересующей нас, явилась в результате редакционной правки этой статьи, произведенной Писаревым для первого издания его сочинений.

Редакторам сочинений Писарева следовало бы знать, что никакой редакционной обработки своих статей Писарев для собрания своих сочинений не производил. Все они напечатаны в этом издании в первоначальном виде, без всякой дополнительной обработки. Предполагать, что Писарев отступил от этого общего принципа для статьи «Генрих Гейне» тем менее оснований, что он первоначально не намеревался включать эту статью в собрание своих сочинений, и она попала сюда лишь случайно, благодаря тому, что из IV части этого собрания неожиданно для Писарева выпала одна статья.

Ввиду того, что этот эпизод сам по себе не лишен интереса, мы считаем нужным на нем остановиться.

Выход в свет IV части сочинений Писарева замедлился; вопреки первоначальным предположениям издателя она вышла после V, VI, VII и VIII частей. Эта задержка объяснялась тем, что в IV части должна была печататься знаменитая полемическая статья Писарева «Посмотрим», направленная, как известно, против «Современника». После выстрела Каракозова и последовавшего за ним закрытия по высочайшему повелению «Русского слова» и «Современника», в условиях того разгула «белого террора», который развернулся в то время, издатель Павленков находил недопустимым из тактических соображений перепечатывать статью «Посмотрим». «Мы не считали возможным, — писал он в предисловии «От издателя» к IV ч. сочинений Писарева, объясняя причины, замедлившие выход ее в свет, — принять на себя нравственную ответственность за возрождение похороненной полемики «Современника» с «Русским словом». Нам казалось, что после всем известных дней, когда и та и другая партии вокруг оказались рассеянными, кидать в какую-либо из них камнем, значило работать в пользу тех, с кем мы не можем быть солидарными, в пользу тех, кто основывает свою силу на окружающем бессилии. Вот почему мы от всей души желали исключения из нашего издания статьи «Посмотрим».

Однако выбросить эту статью без согласия Писарева Павленков не решался. Снестись же с ним и получить его санкцию он не мог, потому что после Каракозовских дней всякие сношения с Писаревым, сидевшим в то время в Петропавловской крепости, были крайне затруднены, а, быть может, даже и вовсе не допускались. Оставалось ждать выхода Писарева из крепости. Павленков знал, что его заключение уже близится к концу.

И вот, в ноябре 1866 г., когда Писарев очутился на свободе, Павленков по-

ставит перед ним вопрос о статье «Посмотрим!» Писарев соглашается на исключение ее и взамен дал для IV части сочинений статьи «Генрих Гейне», «Наши усыпители» и «Подвиги европейских авторитетов». Со сдачей этих статей ему, конечно, приходилось спешить, чтобы не задерживать появления в свет и без того запоздавшей IV части своих сочинений.

Ясно, что при таких условиях заниматься редакционной обработкой этих статей он, если бы даже и желал, то не имел времени.

А между тем ГИХЛовские редактора навязывают Писареву громадную редакторскую работу. Ссылки на вейнберговское издание сочинений Гейне повторяются в его статье не раз и не два, а почти на каждой странице. Но дело не только в ссылках, а также и в многочисленных цитатах из Гейне, которые даны Писаревым везде в **вейнберговском переводе**, т. е в таком переводе, какого еще не существовало в 1862 году. Неужели же ГИХЛовские редактора серьезно предполагают, что Писарев, включая статью «Генрих Гейне» в собрание своих сочинений, менял текст всех приводимых им из Гейне цитат? Неужели они допускают, что Писарев, кроме того, вставлял в свою статью цитаты из предисловия и примечаний Вейнберга, которые мы находим в его статье и которых бесспорно, в ней не могло быть в 1862 г.? Нужно совершенно не знать Писарева, чтобы допустить, что он мог заниматься столь бессмысленной, непроизводительной, «кретинизирующей», по его любимому выражению, работой! Да еще когда? Когда он только что вышел на свободу после продолжительного тюремного заключения!

Чтобы покончить с вопросом о датировке статьи «Генрих Гейне», нам остается привести из нее одну цитату.

«**В настоящее время**, – писал в ней Писарев (стр. 266 ГИХЛовского издания), – Вейнберг издает «Сочинения Генриха Гейне в переводе русских писателей». Далее следует приведенная мною выше фраза о том, что одиннадцать томов этого издания уже вышло в свет. А затем Писарев продолжает: «Можно надеяться, что это издание найдет себе многих читателей, но в то же время надо желать, чтобы эти читатели сумели усвоить себе такую точку зрения, с которой бы были ясно видны как достоинства, так и недостатки Гейне. Эту точку зрения я и постараюсь указать читателю **в моей теперешней статье**» (Здесь и выше разрядка моя. — *Б. К.*).

Совершенно непонятно, как могли ГИХЛовские редактора не обратить внимания на эти слова Писарева, из которых с полной очевидностью вытекает, что статья «Генрих Гейне» была написана Писаревым **специально по поводу выхода в свет вейнберговского издания**. Именно потому, что это издание впервые давало русскому читателю возможность познакомиться со всем творчеством Гейне, а не только с отдельными его произведениями, Писарев и счел нужным написать свою статью. Он хотел указать русским читателям, что в политических взглядах Гейне, наряду с сильными сторонами, были и слабые, и вскрыть, в чем именно эти слабые стороны, по его мнению, заключались.

Ясно, что при наличии такого прямого указания на непосредственную связь интересующей нас статьи с вейнберговским изданием, всякие сомнения относительно датировки ее должны окончательно отпасть.

Однако читатель, недостаточно знакомый со взглядами Писарева, может поставить такой вопрос. Если, как теперь выясняется, статьи Писарева «Генрих Гейне» и «Борьба за жизнь» (1867 г.) написаны почти одновременно, то как же можно объяснить то расхождение между ними в вопросе о революционных методах борьбы, на которое указывает т. Кирпотин? Ведь в первой из этих статей наиболее ярко отразилась ориентация Писарева на революцию, а во второй Писарев выражает «сомнение в самой возможности морального оправдания насильственно-революционных средств борьбы»[1].

Отвечать на этот вопрос я не буду по той простой причине, что я уже сделал это еще в 1929 г., когда еще не знал, что «Генрих Гейне» написан Писаревым не в 1862 г., а не раньше 1866 года. Еще тогда я указывал, что т. Кирпотин ошибается, усматривая расхождение в постановке вопроса о революции в тех двух статьях, о которых мы только что говорили. В статье «Писарев и социализм», опубликованной в 1929 г. в журнале «Литература и марксизм», разбирая концепцию т. Кирпотина, я доказывал, что в «Борьбе за жизнь» Писарев ставит вопрос о революции совершенно так же, как ставил его в «Генрихе Гейне»: и там и здесь он приемлет революцию и оправдывает «кровопролитие» лишь в том случае, когда не остается никаких надежд на возможность иного выхода. Повторять аргумен-

[1] В. Кирпотин. Назв. соч., стр. 165 и 200.

тацию, приведенную мною в подтверждение этого, я не стану, желающие могут познакомиться с нею в указанной моей статье[1].

В свое время эта статья вызвала резкое возражение со стороны т. Кирпотина. Мою критику его концепции он объявил результатом моих «методологических ошибок», которые, по его словам, «могут научить, как не надо работать». Пользуясь случаем, Кирпотин счел нужным напомнить мне несколько азбучных истин, которых, по его мнению, я не знал. «Прежде чем оценивать и объяснять, учись понимать текст», — поучает меня т. Кирпотин. «Первое условие изучения идеологических концепций, — пишет т. Кирпотин, — состоит в умении добросовестного чтения»[2].

Теперь, когда научная ценность концепции т. Кирпотина выяснилась в полной мере, я вправе спросить:

Кто же из нас действительно нуждается в напоминании элементарных истин? Кто из нас обнаружил неумение «добросовестно читать»? Я или т. Кирпотин?

Полагаю, что после изложенного выше отвечать на эти вопросы нет надобности, ибо единственно возможный ответ на них и без того ясен, как ясно и то, что *вступительная статья и комментарии к новому изданию сочинений Писарева не только не помогают читателю разобраться в эволюции его взглядов, но дают совершенно искаженное представление о ней и, вследствие этого, могут только дезориентировать читателя.*

Другие замечания, которые можно сделать по поводу комментариев ГИХЛовского издания, покажутся, должно быть, мелочными. Однако мы все же приведем их.

Прежде всего надо указать на недостаточность комментариев. Многие места писаревского текста, могущие поставить в недоумение современного читателя и потому явно нуждающиеся в объяснении, в новом издании даны без всяких комментариев. Вот несколько примеров.

В одной из своих статей Писарев пишет:

«Вот, например, исполин-ловец, неутомимо преследующий в «Русском вестнике» всякую умственную ересь, толкует горячо и пространно о «пляшущих блудницах», о «головках и хвостиках» недоделанной мысли, о том, что он, московский Немврод, часто превращающийся в мычащего Навуходоносора, всех умнее, честнее и благонадежнее и что он всякому честному человеку будет смотреть прямо в глаза до тех пор, пока тот отвернется или сморгнет» (стр. 501).

В рецензируемом издании читатель может получить сведения о том, кем были Немврод и Навуходоносор. Узнать же, чье и какое выступление в «Русском вестнике» имел в виду Писарев, редактора не сочли нужным объяснить.

Полагаем, что также не всякий современный читатель поймет, о ком говорит Писарев и в следующей фразе:

«А вот, например, платонический любитель славянских идей в сотый раз твердит в своей газетке, что наша цивилизация есть ложь» (стр. 501—502).

Следовало бы также объяснить читателю, кого имел в виду Писарев, когда он писал о поэте, который, красуясь в бобровом воротнике, пишет стихи «о превратностях судьбы, постигших трех древних мудрецов, или о несчастиях бедной девочки, умершей весной под звуки отцовской скрипки» (стр. 505).

Или вот еще один пример, где скупость комментариев переходит уже в небрежность. На стр. 339 Писарев упоминает об историке Гроте и вслед за этим в скобках поясняет, что речь идет не о том Гроте, «который пишет в «Русском вестнике». Читатель, пожелавший узнать, кем был упоминаемый Писаревым Грот, будет жестоко разочарован: в словаре-указателе он найдет сведения только об одном Гроте, как раз о том, который писал в «Русском вестнике», а не о том, которого имел в виду Писарев.

Много можно было бы привести и еще аналогичных примеров неуместной скупости ГИХЛовских редакторов на примечания, однако, полагаем, что сказанного выше достаточно для того, чтобы признать, что редакция сделала далеко не все, что следовало бы сделать для облегчения современному читателю понимания писаревского текста.

Отметим также несколько неправильностей и неточностей, замеченных нами в комментариях.

Неправильно утверждение комментатора, что П. Л. Лавров «выражал крестьянско-демократическую линию в революционном конфликте 60-х годов» (стр. 571). В то время Лавров еще стоял на распутьи между либерализмом и революцией.

[1] «Литература и марксизм», 1929 г., № 4, стр. 76 и след.

[2] См. его статью «Об изучении идеологии» в названной выше его книге о Писареве, стр. 383 и 375 и след.

Неверно указание, что статья Лаврова о книге Новицкого «По поводу постепенного развития древних философских учений» была напечатана в «Современнике» (стр. 556); в действительности она печаталась в «Русском слове».

Капитана Александрова, приговоренного к каторге за неверную передачу телеграммы Александра II с приказом расстреливать поляков-демонстрантов, о котором в «словаре-указателе» говорится, как о действительном лице (стр. 572), по всем данным, никогда не существовало. История с телеграммой, якобы задержанной Александровым, была не более как революционной легендой, удачно использованной одной прокламацией того времени («Подвиг капитана Александрова»)[1].

Все изложенное выше лишний раз подтверждает, как недостаточно еще до сих пор изучено литературное наследие Писарева. Историкам нашей литературы и общественной мысли еще много предстоит поработать в этой области.

В частности, выход в свет ГИХЛовского издания ни в какой мере не уничтожает потребности в издании полного собрания сочинений Писарева, в котором должно быть отведено место и его эпистолярному наследию.

Павленковские издания Писарева отнюдь не были полными собраниями его сочинений. Мы имеем возможность в настоящее время указать на ряд произведений Писарева, не вошедших в него и даже вообще никогда не появлявшихся еще в печати. Не собраны стихотворения, которые в юности писал Писарев. Не опубликован дневник, который он вел в студенческие годы. Никогда не появлялись в печати его статьи «Эдмонд Борк» и «Дидро и его время», рукописи которых хранятся в ИРЛИ[2].

Полагаем также, что внимательное изучение «Русского слова» за годы, когда в нем сотрудничал Писарев, познакомит нас с некоторыми неизвестными доселе его произведениям. В качестве доказательства этого позволим себе указать на одну статью, напечатанную в «Русском слове» за 1861 г., принадлежность которой перу Писарева представляется нам несомненной. Эта статья носит название «Тайны желтого дома» с подзаголовком «Записки бежавшего пациента». Автор статьи рассказывает о своем пребывании в больнице для душевно-больных, откуда он убежал через окно. Известно, что в 1860 г. душевная болезнь привела Писарева в такую больницу; известно также, что спасся он оттуда тем именно способом, как автор «Тайн желтого дома»[3].

Это совпадение, а также ряд других соображений, о которых не место говорить в настоящей заметке, приводят к заключению, что автором этой статьи был Писарев.

Еще хуже, чем со статьями, обстоит с письмами Писарева. Они до сих пор не приведены в известность. В частности надо указать на его многочисленные и в высшей степени ценные для его биографии письма к матери и сестрам. Соловьев-Андреевич, когда он писал биографию Писарева, пользовался довольно широко этой перепиской, но где она находится в настоящее время, неизвестно. Надо принять меры к разысканию ее.

Остается выразить надежду, что выход в свет ГИХЛовского издания повысит интерес к Писареву и его сочинениям, а это приведет к тому, что и Писарев наконец, дождется достойного его полного собрания сочинений.

Б. Козьмин.

О некоторых неточностях

(К биографии Михаила Ивановича Калинина)

Партиздат выпустил прекрасную книгу. «Калинин Михаил Иванович. Жизненный путь большевика революционера»[4]. К сожалению, автор этой биографии чрезвычайно мало остановился на пребывании М. И. Калинина в олонецкой ссылке в 1904—1905 гг. и допустил в этой части кой-какие неточности.

Правда, всесоюзному старосте повезло в свое время. он, вместо Восточной

---

[1] Кстати заметим, что редактора ГИХЛовского издания напрасно приписывают составление этой прокламации П. Д. Баллоду. Баллод только перепечатал в своей типографии эту прокламацию, составленную и изданную другими лицами.

[2] В ГИХЛовское собрание сочинений Писарева они не войдут.

[3] А. М. Скабичевский. «Литературные воспоминания». М.—Л. 1928 г., стр. 136—139.

[4] М. 1934 г. Биография написана Б. В. Сергеевым. Книга содержит 142 стр. Она охватывает жизнь Михаила Ивановича с детских лет. Издана хорошо, на прекрасной бумаге и богато иллюстрирована. Рассчитана на широкого читателя

Сибири, куда ему полагалось попасть, в силу высочайшего повеления от 4 февраля 1904 г., очутился в Олонецкой губернии, «ввиду прекращения высылки арестантов всех категорий в Восточную Сибирь»[1].

Повезло Михаилу Ивановичу и в смысле срока: вместо четырех лет, он пробыл в этой ссылке фактически меньше года; помогла революционная буря 1905 г. Сначала начальство, под ее влиянием, считало в некоторых случаях удобным заигрывать с рабочими. из олонецкой ссылки были отпущены временно на родину М. И. Калинин и И. Правдин в деревню для свидания с родителями и для участия в полевых работах. А затем наступил октябрь 1905 г., рабочие и крестьяне вырвали из рук царя некоторую куцую амнистию, и М. И. Калинин был освобожден от ссылки и гласного надзора полиции.

Тем не менее и кратковременное пребывание Михаила Ивановича в олонецкой ссылке дает штрихи, которые могли бы с успехом быть использованы в популярной биографии.

Об этом пребывании найдены «Дела» в карельском Центроархиве[2]. На эту же тему напечатаны две книги: 1) П. Я. Заволокин, «М. И. Калинин в ссылке (1904 г.)»[3], В. Клишко, «М. И. Калинин в олонецкой ссылке»[4]. Еще раньше этой теме была посвящена статья П. Буткевич в сборнике. «1905 г. в Карелии».

Из этих материалов можно было бы использовать рассказ Заволокина о поведении М. И. Калинина в этапном пути, историю с черно-красными повязками после 9-го января, воспоминания о нелегальных собраниях в ссылке; из книжки В. Клишко — демонстративные проводы М. И. Калинина.

Впрочем автор может возразить, что при такой детализации нехватило бы 112 страниц его книги. Остановимся поэтому на усмотренных нами некоторых мелких неточностях.

По изложению автора (стр. 39) можно понять, что М. И. Калинин вовсе не был в ссылке в деревушке Мендусельгу. Однако П. Буткевич цитирует прошение М. И. от 20 мая 1904 г. о переводе его из деревни Мяндусельга[5] в город Повенец. 10 июня 1904 г. повенецкий исправник поддерживает ходатайство М. И. Калинина, «состоящего под гласным надзором полиции в с. Мяндусельге». 24 июня исправник рапортует губернатору «о переводе административного ссыльного М. И. Калинина на жительство под гласный надзор в гор. Повенец»[6].

На той же странице автор пишет: «Тов. Калинин, как и все ссыльные, получал содержание от казны». Тут необходимы оговорки: не «все» ссыльные получали содержание от казны; высылавшиеся на основании пункта 17 ст. 19 Положения о местностях, объявляемых на военном положении (а таковых было уже немало и до 1905, а еще больше позднее)[7], не пользовались правом на получе-

[1] Из секретного отношения и. д. эстляндского губернатора олонецкому губернатору от 20 марта 1904 г. Цитируем по статье П. Буткевича: «М. И. Калинин в олонецкой ссылке» в сборнике «1905 год в Карелии», изд. Комиссии по проведению 20-летия 1905 г. при ЦИК АКССР. Петрозаводск, 1926 г., стр. 136. Высылка в Восточную Сибирь была приостановлена ввиду перегруженности Сибирской магистрали в связи с русско-японской войной. Это необходимо пояснить в книге, предназначаемой для широкой массы. В разбираемой же книге мы читаем по этому поводу на стр. 38: «Из Петербурга по железной дороге Михаила Ивановича вместо Сибири отправили в Олонецкую губернию». И только. Почему такая милостивая замена? Это читателю остается непонятным.

[2] Дела за №№ 151 и 131; цитируются в статье П. Буткевича и частью в книге В. Клишко. В Тверском губархиве найдено было еще «Дело канцелярии тверского губернатора», связанное с олонецкой ссылкой М. И. Калинина; оно цитируется в книжке П. Я. Заволокина, стр. 23—24.

[3] Изд. О-ва политкаторжан. М. 1928 г. Автор было одновременно с М. И. Калининым в олонецкой ссылке.

[4] Изд. «Кирья», Петрозаводск, 1932 г. В книжке использованы воспоминания повенецкой крестьянки Авдотьи Родионовны Юшковой, в квартире которой жил М. И. Калинин.

[5] В документах, цитируемых П. Буткевичем, деревня именуется не Мендусельга, а Мяндусельга.

[6] Возможно, впрочем, что фактически М. И. не жил в Мяндусельге, с молчаливого согласия начальства или без его ведома, в ожидании ответа на свое ходатайство, а официально числится в этой деревне. Положение в ссылке, установившееся в 1904 г. под влиянием борьбы ссыльных, в частности якутских, допускает такое предположение.

[7] Н. В. Хрисанфов пишет по этому поводу в своей статье «Олонецкая ссылка в 1905 г.»: «...ссыльных этой категории было почти столько же, сколько и других категорий политических» («1905 год в Карелии», стр. 112).

ние пособия от казны. М. И. выслан на основании «высочайшего повеления» и, следовательно, имел право на пособие. Однако, он прибыл в ссылку в мае 1904 г., а 17 августа того же года, т. е. спустя четверть года, он писал губернатору:

«Казенного пособия я еще ниоткуда не получал...» [1].

Сам губернатор писал министру внутренних дел в 1905 г. [2], что пособия от казны ссыльные «получают лишь спустя некоторое время, необходимое для исходатайствования такового».

Прошло ли это «некоторое время» до отъезда М. И. Калинина в январе 1905 г., у нас нет сведений.

Указанные неточности, конечно, незначительны, но хотелось бы, чтобы автор несколько подробнее осветил жизнь М. И. в олонецкой ссылке.

Г. Л.

P. S. Считаем нужным попутно указать на неточности, допускаемые другими биографами М. И. Калинина.

Автор коротенькой биографии в сборнике: «Всесоюзный староста» пишет. «15 мая 1904 г. они (ссыльные. — *Г. Л.*) прибыли в Повенец, маленький городишко Олонецкой губернии, откуда т. Калинин в январе 1905 г. бежал в Питер» [3]. На самом деле М. И. Калинин выбыл временно в Тверскую губернию, с разрешения властей, 18 января 1905 г.; его провожали открыто ссыльные с песнями «нецензурного содержания», по выражению повенецкого исправника [4], и с красным флагом.

Правда, М. И. был проездом из Повенца в Тверскую губ. в Петербурге, но о побеге из Повенца в Питер, конечно, нельзя говорить [5].

---

[1] «1905 г. в Карелии», стр. 141.

[2] Из переписки «О беспорядках, произведенных ссыльными в Олонце» (23 сентября 1905 г.); «1905 г. в Карелии», стр. 112.

[3] Ленпартиздат, Л. 1934 г., стр. 67.

[4] Цитируем по сб. «1905 год в Карелии», стр. 143.

[5] О самом пребывании Михаила Ивановича в Петербурге по пути в Тверскую губ. мы имеем несогласованные сообщения. Н. С. Дудель в книге «Михаил Иванович Калинин» (изд. «Долой неграмотность», 1927 г., М., стр. 39) пишет. «Михаил Иванович живет две недели нелегально. Затем отправляется к начальнику жандармского управления Роздеповскому, который продлевает его «отпуск еще на месяц». П. Х. Заволокин же пишет (стр. 23): «Имея «волчий паспорт», длительные остановки по которому не разрешались, М. И. Калинин проездом через Петербург сразу же направился к себе в Тверскую губернию».

Морозовская стачка 1885 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Составила по поручению Государственной библиотеки им. В. И. Ленина Н. Максимовская

I. В. И. ЛЕНИН О МОРОЗОВСКОЙ СТАЧКЕ

I. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах (1895 г.). II. Как прежде налагались штрафы и чем были вызваны новые законы о штрафах? Соч., т. I, стр. 367—368 (387—388). III. По каким поводам фабрикант может налагать штрафы? Стр. 372, 374—375 (392—395). IV. Как велики могут быть штрафы? Стр. 378 (398). VI. Куда должны итти по закону штрафные деньги? Стр. 383 (404). VIII. Заключение. Стр. 396 (418).

Ценное признание («Искра», № 6, июль, 1901 г.). Соч., т. IV, стр. 159, 160.

Внутреннее обозрение («Заря», 1901, № 2—3). II. Отношение к кризису и голоду. Соч., т. IV, стр. 312.

Новый фабричный закон. I. Чем вызвано издание нового фабричного закона? (1899 г.). Соч., т. II, стр. 130—131 (136—137), 144 (151).

Проект и объяснение программы социал-демократической партии (1895—1896 гг.). Соч., т. I, стр. 442 (468).

Первые уроки (1905 г.). Соч., т. VII, стр. 105.

Каторжные правила и каторжный приговор («Искра», № 10, ноябрь, 1901 г.). Соч., т. IV, стр. 289.

Прокламации Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» 1895—1896 гг. Царскому правительству. Соч., т. I, стр. 455 (481—482).

К статье «Политическая стачка и уличная борьба в Москве» (10—12 октября 1905 г.). Ленинский сборник V, стр. 404.

Стачки в России («Спутник рабочего», 1914. Спб., изд. «Прибой»). Соч., т. XVII, стр. 161.

II. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ВАЖНЕЙШИЕ УПОМИНАНИЯ О СТАЧКЕ

Аинзафт, С. Рабочее движение в России до 1905 года. (Популярный очерк). Под редакцией Ю. Милонова. Изд. 2-е дополн. и испр., М., «Труд и книга», 1925, стр. 110.

Аинзафт, С. Стачечное движение девяностых годов и социал-демократия. М. Изд-во политкаторжан, 1926, стр. 31. (Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка», № 26).

Антошкин, Д. Профессиональное движение в России. Пособие для самообразования и курсов по профессиональному движению. Изд. 4-е. М. ВЦСПС 1926, стр. 544.

Аркомед, С. За рубежом. Исторические заметки. Период студенчества от 1886 г. до 1890 г. Ч. I, Тифлис, 1929, стр. 63.

Балабанов, М. История революционного движения в России. От декабристов к 1905 году. Харьков. Госиздат Украины, 1925, стр. 452.

Балабанов, М. Как возник и развивался рабочий класс в России. М.—Л. ГИЗ. 1926, стр. 93.

Балабанов, М. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. II. Капиталистическая Россия. Изд. 2-е, доп. М. «Экономическая жизнь», 1925, стр. 474 (2) с.

Батурин, Н. Очерки по истории рабочего движения 70-х и 80-х годов. Изд. 2-е, испр. М.—Л. Гиз, 1925, стр. 77.

То же. Сочинения. Под редакцией А. И. Елизаровой, М. С. Ольминского и М. А. Савельева. Подготовила к печати М. М. Мальт. М.—Л. ГИЗ. 1930, стр. 31—32, 145—186, 225—242, 380—392, 405—422. Институт Ленина при ЦК ВКП(б).

Берлин, П. Русская буржуазия в старое и новое время. 2-е дополн. издание. Л.—М. «Книга». 1925, стр. 344.

Биск, И. Экономическая и политическая борьба рабочего класса в России. Исторический очерк. Ростов-на-Дону, б. г., стр. 104. (Новая библиотека, № 20).

Бочкарев, В. Очерк истории революционного движения в России (XVII—XX вв.). М., «Русский книжник». 1918, стр. 191.

Бугров, И. Исторический очерк Морозовской стачки 1885 г. «Колотушка» Орехово-Зуево, 1923, 18 января, № 3 (18), стр. 1.

Ванаг, Н. Краткий очерк истории народов СССР. Ч. I. При участии Е. Драбкина, А. Королева, Ив. Кузнецова и С. Мильмана. (Л.). Партиздат. 1932, стр. 416.

Великая годовщина. «Колотушка» Орехово-Зуево. 1923, 18 января, № 3 (18), стр. 1. (Передовая в связи с 38-летним юбилеем Морозовской стачки 1885 г.).

Вознесенский, С. Стачечная борьба рабочих в 1870—1917 гг. (Несколько цифр и фактов). «Архив истории труда в России». 1923, кн. 8, стр. 148—174.

Гордон, М. Очерк экономической борьбы рабочих в России. Из истории волнений и забастовок. 3-е изд., перераб. Л. Губпрофсовет, 1925, стр. 200.

Гриневич, В. Профессиональное движение рабочих в России. 3-е изд., вып. I. С предисл. Ф. Сенюшкина. М. «Красная новь». 1923, стр. 298.

Ельницкий, А. Рабочее движение в России. Харьков. «Пролетарий». 1925, стр. 664.

Засулич, В. Заключение. К книге «Десятилетие Морозовской стачки». Женева. «Союз русских социалдемократов». 1897, стр. 3—7.

Из истории рабочего движения в России и РКП(б). Тула. Агитпропотдел Тулгубкома, 1922, стр. 100.

Историко-революционная хрестоматия. Т. I. [М.] «Новая Москва». 1923, стр. 477.

Календарь русской революции. Под общей редакцией В. Л. Бурцева. П. «Шиповник». 1917, стр. 344.

Калинин, М. 38-летний юбилей Морозовской стачки. «Путь к Октябрю». вып. II, 1923, стр. 37—42.

Кац, А. Морозовская стачка 1885 года. «Рабочий журнал». 1925, кн. 5, стр. 146—151.

Кац, А. Хроника профессионального и рабочего движения в России (1870—1889 гг.). В книге «Материалы по истории профессионального движения в России», сб. № 2. М. ВЦСПС. 1924, стр. 295—331.

Козьмин, Б. Рабочее движение в России в XIX веке. [Харьков]. «Пролетарий». 1926, стр. 111.

Козьмин, Б. Рабочее движение в России до революции 1905 г. М. ВЦСПС. 1925, стр. 165.

Козьмин, Б. Рабочее движение второй половины восьмидесятых и девяностых годов. В книге «Рабочее движение в России». Биографии виднейших деятелей под редакц. Б. П. Козьмина. Вып. IV. [Харьков] «Пролетарий». 1926, стр. 3—13.

Кон, Ф. История революционного движения в России. Харьков. «Пролетарий». 1929, стр. 214.

Кононенко, П. Словарь-справочник по истории рабочего движения в России. М.—Л. «Земля и фабрика». 1925, стр. 356.

Лукин, Н. (Антонов, Н.) Как пало царское самодержавие. Борьба общественных сил в России (1860—1917). Спб., «Прибой». 1918, стр. 46.

Лядов, М. Как начала складываться Российская коммунистическая партия. 2-е изд. М. Комм. ун-т им. Я. М. Свердлова. 1925, стр. 434.

Лядов, М. Три юбилея (1885—1910). «Вперед». Рань. 1911, № 2, стр. 35—41.

Мартов, Л. Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. П.—М. «Книга». 1923, стр. 244.

[Мартов, Л.] Современная Россия. Женева. «Союз русских социалдемократов». 1898, стр. 66.

Морозовская стачка. «Колотушка». Орехово-Зуево. 1923. 29 января, № 4 (19), стр. 1. [Отчет о праздновании 38-летнего юбилея исторической Морозовской стачки].

«Стачки 1881—1895 гг.» Сборник документов. Подготовлен к печати Ф. Г. Матасовой. М. Гострудиздат. 1930, стр. 383. (Центроархив. Материалы по истории рабочего движения в России. Под общей редакцией А. Лозовского).

Николаенко, А. История рабочего класса в России. Под редакцией и с предисловием И. Флеровского. М.—Л. «Гудок». 1926, стр. 323.

Пажитнов, К. Положение рабочего класса в России, т. II. Период свободного договора в условиях самодержавного режима (с 1861 по 1905 гг.). Изд. 3-е, заново переработанное. Л. «Путь к знанию». 1924, стр. 296.

Панкратова, А. Рабочий класс и рабочее движение в эпоху промышленного капитализма (1861—1900 гг.). В книге Граве, Б., Нечкина, М., Панкратова, А. и Сидоров, К. «Очерки истории пролетариата СССР». Пролетариат царской России. Предисл. М. Н. Покровского, редакция А. М. Панкратовой. М. «Журнально-газетное объединение». 1931, стр. 61—132.

Панкратова, А. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. Под редакцией М. Н. Покровского. М. «Красная новь». 1923, стр. 426.

Пионтковский, С. Краткий очерк истории рабочего движения в России (1870—1917 гг.). Л. «Прибой». 1925, стр. 260.

Пионтковский, С. Очерки истории России в XIX—XX веках. Курс лекций. 2-е дополн. изд. Харьков. «Пролетарий». 1930, стр. 488.

Плеханов, Г. Забастовка в России (Морозовская стачка). («Le Socialiste», 1886, 26 июня). Соч., т. II. М.—П. ГИЗ. 1923, стр. 390—392.

Покровский, М. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. I и II. От древнейших времен до конца XIX столетия. 10-е изд., вновь просмотренное автором. М.—Л. «Московский рабочий». 1931, стр. 318.

Пономарев, Б., Войтинский, Н., Андерсон, Ф., Кровицкий, Г., Кучкин, А., Уразов, А. Краткая история ВКП(б). М. Партиздат. 1924, стр. 416.

Поссе, В. Рабочие стачки. Очерки. IV. Россия. [Спб.]. 1906, стр. 142.

Прокопович, С. К рабочему вопросу в России. Спб. Изд. Е. Д. Кусковой. 1905, стр. 208.

Революция и РКП(б) в материалах и документах (Хрестоматия). Т. I. 1870—1900 гг. 2-е изд., дополн., М.—Л. ГИЗ. 1925, стр. 336. [Истпарт. Отдел ЦК РКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и РКП(б)].

Рожков, Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении. (Основы социальной динамики). Т. XI. Производственный капитализм и революционное движение в России второй половины XIX и начала XX века. Л.—М. «Книга» 1925, стр. 406.

Святловский, В. История профессионального движения в России. От возникновения рабочего класса до конца 1917 года. 2-е дополн. изд. Л. Ленингр. губ. совет проф. союзов. 1925, стр. 342.

Серафимович, А. Рабочее движение в России (Краткий исторический очерк). М. «Книга и жизнь». 1917, стр. 39.

[Скальковский, К.]. Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Изд. 2-е испр. и доп., т. I. Спб. 1890, стр. 334.

Трифонов, В. Забастовка в России. Большая Советская Энциклопедия, т. XXV. М. «Советская энциклопедия». 1932, стр. 700—724.

Хейсин, М. Рабочее движение в России (Краткий исторический очерк). Петроград. Акц. о-во «Муравей». 1917, стр. 56. («Общедоступная библиотека». «Задачи свободной России». Серия II. «Современный социализм и рабочее движение»).

Хрестоматия по истории рабочего класса и профессионального движения в России в 2 томах. Составили: том I — Юлия Гессен, том II — Э. Гершензон. Л. Губ. совет проф. союзов. 1925.

Фриче, В. Очерки истории мирового рабочего движения. Рабочее движение в России. 4-е изд., [Харьков]. «Пролетарий». 1925, стр. 87.

Чему учит Никольская стачка. (Корреспонденция из Орехово-Зуево). Приложение к № 2 «Рабочего дела». Женева. «Союз русских социал-демократов». 1899, стр. 15. [О стачке на «Никольской мануфактуре насл. Викулы Морозова» в 1897 г. Упоминается о Морозовской стачке 1885 г. в связи с историей рабочего движения в Орехово-Зуеве].

Шелавин, К. Рабочий класс и его партия. История РКП(б). Вып. I. От возникновения партии до 1905 г. Изд. 5-е. Л. «Прибой». 1925, стр. 199.

[Шестернин, С.] Десятилетие Морозовской стачки. (С заключением В. Засулич). Женева. «Союз русских социал-демократов». 1897, стр. 39.

[Шестернин, С.] Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе за последние 15 лет. Женева. «Союз русских социал-демократов». 1900, стр. 32. [Упоминается о Морозовской стачке и об издании в связи с ней закона 3-го июня 1886 г.].

Южно-русские рабочие союзы. Под редакцией В. В. Максакова. [М.]. «Новая Москва». 1924, стр. 347.

Ярославский, Ем. История ВКП(б). Ч. I. Изд. 2-е. М. Партиздат. 1931, стр. 351.

Ярославский, Ем., Крамольников, Г. и Римский, О. История ВКП(б). Т. I, вып. I. М.—Л. ГИЗ, 1926, стр. 394.

III. ДОКУМЕНТЫ О МОРОЗОВСКОЙ СТАЧКЕ

Батурин, Н. Из жандармских архивов о Морозовской стачке. В книге «Революция и РКП(б) в материалах и документах». (Хрестоматия). Т. I. 1870—1900 гг. 2-е изд., дополн. М.—Л. ГИЗ. 1925, стр. 155—158. [Истпарт. Отдел ЦК РКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и РКП(б)].

То же. Сочинения. Под редакц. А. И. Елизаровой, М. С. Ольминского и М. А. Савельева. М.—Л. ГИЗ. 1930, стр. 472—476.

Валк, С. К истории Морозовской стачки 1885 г. В книге «Сборник материалов и статей». Редакция журн. «Исторический архив». Вып. I. [М.]. Госиздат. 1931, стр. 80—92.

Кантор, Р. Морозовская стачка 1885 года. «Архив истории труда в России», кн. 2. 1921, стр. 44—53.

Малицкий, Н. К истории Морозовской стачки 1885 г. В сборн. «Труды Владимирского губернского научного общества по изучению местного края». 1922. Вып. III, стр. 107—132.

Матасова, Ф. Материалы для истории русского рабочего движения за 1881—1895 гг. «Красная летопись». 1925, № 1 (12), стр. 249—266.

Морозовская стачка 1885. М. «Вопросы труда». 1925, стр. 264. (Центроархив. Материалы по истории рабочего движения под редакцией А. Лозовского).

Рец.: «Каторга и ссылка», 1925, № 6 (19), стр. 263—264 (Ю. Бочаров); «Пролетарская революция», 1925, № 7 (42), стр. 225—226 (Н. Волковичер).

Морозовская стачка 7—13 (19—25) января 1885 г. [М.]. «Московский рабочий». 1923, стр. 75. (Историко-революционная библиотека).

Рец.: «Каторга и ссылка», 1923, № 6, стр. 311—312 (С. Пионтковский); «Красная летопись», 1923, № 9, стр. 209—211 (С. Валк); «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 558—560 (Антокольский).

Раковский, М. Некоторые материалы к истории Морозовской стачки 7—13 января 1885 г. (По данным архива Товарищества «С. Морозова, С-н и К°»). В книге «Материалы по истории профессионального движения в России», сб. № 2. М. ВЦСПС. 1924, стр. 269—285.

Рец.: «Красная летопись». 1925, № 1 (12), стр. 270—272 (С. Валк).

IV. ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ НАКАНУНЕ СТАЧКИ

3—ф. По поводу фабричных беспорядков. «Неделя», 1885, 14 апреля, № 15, стр. 568—573. [Об экономическом и правовом положении рабочих в связи со стачечным движением 80-х годов].

[Латышев, П.]. Рабочий народ и правительство. «Рабочий», 1885, январь, № 1.

То же. Сергиевский, Н. «Рабочий». Газета партии русских социал-демократов (благоевцев) 1885 г. Л. «Прибой». 1928, стр. 38—44. [О положении на фабрике С. Морозова перед стачкой].

[Песков]. Владимирский фабричный округ. Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Владимирского округа д-ра Пескова. Спб. 1886, стр. 73 + 68.

Приклонский, С. Хроника рабочего труда в России. «Дело», 1883, № 1, стр. 51—86. (Современное обозрение).

Среди газет и журналов. «Новое время», 1886, 23 июня, № 3704, стр. 2—3. [О корреспонденции «Недели», описывающей положение рабочих на фабрике Морозова].

Фабрика Морозовых в Орехове-Зуеве. (Письмо из провинции). «Неделя», 1886, 22 июня, № 25, стр. 851—854. [О положении рабочих на фабрике С. Морозова по данным обследования, произведенного непосредственно после стачки].

V. СТАЧКА И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Внутреннее обозрение. «Народная воля», 1885, № 11—12, стр. 13—31. [Имеется упоминание о Морозовской стачке].

Внутренние известия. «Новое время», 1885, 11 января, № 3187, стр. 3. [Сообщение о забастовке на фабрике Морозова в Орехове-Зуеве].

Внутренние известия. Фабричные беспорядки. «Вестник литературный, политический, научный, художественный». 1885, 11 января, стр. 2. [Сообщение о стачке на Никольской мануфактуре в Орехове-Зуеве].

Внутренние известия. Беспорядки на фабрике Морозова. «Вестник литературный, политический, научный, художественный», 1885, 16 января, № 555, стр. 2. [Сообщение о ходе забастовки].

Внутренние известия. Орехово-Зуево. (Корреспонденция «Нового времени», «Новое время», 1885, 13 января, № 3194, стр. 3—4. [Отчет о беспорядках на фабрике Морозова].

Внутренние известия. Орехово-Зуево. (Корреспонденция «Нового времени»). «Новое время», 1885, 26 января, № 3202, стр. 4. [О прекращении забастовки на фабрике С. Морозова].

Заметки и известия. Беспорядки на фабрике. «Современные известия», 1885, 10 января, № 9, стр. 2. [Сообщение о стачке на Никольской мануфактуре в Орехове-Зуеве].

К—ц — «Голос Москвы», 1885, 13 (25) января, № 13, стр. 2—3. [Статья о стачке на Морозовской фабрике, о причинах ее и о мерах предупреждения конфликтов между рабочими и фабрикантами].

По поводу фабричных волнений. «Рабочий», 1885, январь, № 1.

То же. Сергиевский Н. «Рабочий». Газета партии русских социал-демократов (благоевцев), 1885 г. Л. «Прибой». 1928, стр. 44—48.

Подробности о беспорядках в Орехове-Зуеве. «Современные известия», 1885, 11 января, № 10, стр. 2.

Последняя почта. «Московские ведомости», 1885, 9 января, № 9, стр. 4. [Сообщение о стачке на фабрике С. Морозова].

Последняя почта. «Московские ведомости», 1885, 14 января, № 14, стр. 2. [Сообщение о дальнейшем ходе стачки на Никольской мануфактуре].

Фабричные беспорядки в Орехове-Зуеве. «Русский курьер», 1885, 16 января, № 15, стр. 2.

Фабричные волнения. «Неделя», 1885, 13 января, № 2, стр. 53—54. [Сообщение о стачках на Вознесенской и Никольской мануфактуре].

VI. ПОСЛЕ СТАЧКИ НА ФАБРИКЕ

А—в. Орехово-Зуево. 20 апреля. «Голос Москвы» 1885, 25 апреля, № 112, стр. 3. [О приеме рабочих на фабрику Морозова после стачки].

Внутренние известия. Орехово-Зуево. (Корреспонденция «Нового времени»). «Новое время», 1885, 10 февраля, № 3216, стр. 4. [Сообщение о расчете рабочих на Никольской мануфактуре и наборе новых «наиболее благонадежных»].

Из Орехова-Зуева. 7 мая. Наплыв рабочих. — Морозовские «покойники». — Избиение казаков. — Газеты. «Современные известия», 1885, 14 мая, № 130, стр. 3.

VII. МОРОЗОВЫ И СТАЧКА

Правление товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова, сын и К°». «Московские ведомости», 1885, 7 февраля, № 37, стр. 1. [Объявление о чрезвычайном общем собрании пайщиков фабрики для обсуждения вопросов, возникших в связи со стачкой].

Правление товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°». «Московские ведомости», 1885, 21 марта, № 79, стр. 2. [Сообщение о том, что чрезвычайное общее собрание владельцев паев состоялось 12 марта с. г.; постановления собрания и извлечение из доклада правления].

Среди газет и журналов. «Новое время», 1885, 25 марта, № 3260, стр. 3. [О докладе правления т-ва С. Морозова общему собранию пайщиков по вопросу о стачке, появившемся в московских газетах].

Фирма гг. Морозовых. «Вестник литературный, политический, научный, художественный». 1885, 15 января, № 554, стр. 1—2. [Справка о семье и предках фабрикантов Морозовых в связи со стачкой на Никольской мануфактуре].

VIII. НЕЛЕГАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ О МОРОЗОВСКОЙ СТАЧКЕ

Внутреннее обозрение. «Народная воля», 1885, № 11—12, стр. 13—31. [Имеется упоминание о Морозовской стачке].

Вопросы труда. Поход против увечных. «Искра», 1904, 15 января, № 57, стр. 6.

[Упоминается Морозовская стачка и отмечается ее влияние на развитие фабричного законодательства в России].

Д[illegible] «Листок Рабочей мысли», 1902, № 3, стр. 1—2. [В связи с [illegible] хлеба-соли от имени рабочих Балтийского завода, вспоминается [illegible] борьба морозовских стачечников против капиталистов и царского правительства].

Н—н, В. Фабричная инспекция в России. По поводу нового положения 7 июня 1899 г. «Рабочее дело». Женева, 1899, № 4—5, стр. 28—43. [Имеется упоминание о Морозовской стачке и вызванном ею законе 3 июня 1886 г.].

Кольцов, Д. Закон 2 июня о продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности. Женева, «Союз русских социал-демократов», 1897, стр. 48. [Имеется упоминание о Морозовской стачке и вызванном ею рабочем законодательстве].

[Латышев, П]. Рабочий народ и правительство. «Рабочий», 1885, январь, № 1.

То же. Сергиевский, Н. «Рабочий». Газета партии русских социал-демократов (благоевцев), 1885 г. Л «Прибой». 1928, стр 38—44 [О положении на фабрике С. Морозова перед стачкой].

Лядов, М. Три юбилея (1885—1910). «Вперед». Париж, 1911, № 2, стр. 35—41.

От центрального кружка Союза русской молодой интеллигенции. «Голос молодежи», 1886, № 1, стр. 3—19.

По поводу фабричных волнений. «Рабочий», 1885, январь, № 1.

То же. Сергиевский, Н. «Рабочий». Газета партии русских социал-демократов (благоевцев), 1885 г. Л. «Прибой». 1928, стр. 44—48.

Русский политический строй и рабочие. Женева, «Союз русских социал-демократов», 1901, стр. 23. [Имеется упоминание о Морозовской стачке и о вызванном ею законе 3 июля 1886 г.].

Чему учит Никольская стачка. (Корреспонденция из Орехово-Зуева). Приложение к № 2 «Рабочего дела». Женева, «Союз русских социал-демократов», 1899, стр. 16. [Упоминается о Морозовской стачке 1885 г. в связи с историей рабочего движения в Орехово-Зуеве].

[Шестерпин, С.] Десятилетие Морозовской стачки. (С заключением В. Засулич). Женева, «Союз русских социал-демократов». 1897, стр. 39.

[Шестернин, С.]. Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе за последние 15 лет. Женева, «Союз русских социал-демократов», 1900, стр. 32. [Упоминается о Морозовской стачке и об издании в связи с нею закона 3 июня 1886 г.

IX. ПОМЕЩИЧЬЯ И БУРЖУАЗНАЯ ПЕЧАТЬ О СТАЧКЕ

Москва, 8 января. «Голос Москвы», 1885, 9 (21) января, № 9, стр. 1—2. [Передовая по поводу забастовки на Морозовской фабрике в Орехово-Зуеве].

Москва, 10 января. «Русские ведомости», 1885, 10 января, № 9, стр. 1. [Передовая о стачке на Никольской мануфактуре в Орехово-Зуеве].

Москва, 10 января. «Московские ведомости», 1885, 11 января, № 11, стр. 3. [Передовая о стачках рабочих и о необходимости регулирования отношений между нанимателями и рабочими].

Москва, 10 января. «Русский курьер», 1885, 11 января, № 10, стр. 1. [Передовая по поводу стачки на фабрике Морозова, о причинах ее и о мерах предупреждения стачек рабочих].

Москва, 10 января. «Современные известия», 1885, 11 января, № 10, стр. 2. [Передовая о стачке на фабрике т-ва С. Морозова в Орехово-Зуеве].

Москва, 12 января. «Современные известия», 1885, 13 января, № 12, стр. 2. [Передовая о необходимости регулирования отношений между рабочими и фабрикантами в связи со стачками в Иваново-Вознесенске и Орехово-Зуеве].

Москва, 15 января. «Вестник литературный, политический, научный, художественный», 1885, 15 января, № 554, стр. 1. [О причинах Морозовской стачки с точки зрения помещичьей идеологии].

Москва, 16 января. «Русские ведомости», 1885, 16 января, № 15, стр. 1—2. [Передовая о причинах стачек на Морозовской и других фабриках, об экономическом и правовом положении рабочих].

Москва, 18 января. «Московские ведомости», 1885, 19 января, № 19, стр. 3. [Передовая по поводу стачек на Вознесенской и Никольской мануфактурах].

Наши внутренние дела. Рабочий вопрос. «Наблюдатель», 1885, № 2, стр. 7—15. (Современное обозрение). [О рабочем движении и о стачке на фабрике С. Морозова. Мнения печати о необходимости государственного регулирования взаимоотношений между рабочими и предпринимателями].

Обзор печати. «Русские ведомости», 1885, 15 января, № 14, стр. 1—2. [«Голос Москвы», «Современные известия», «Московские» и «Петербургские ведомости» и причины забастовки на Никольской мануфактуре].

Русская печать. «С.-Петербургские ведомости», 1885, [illegible] стр. 3. [«Московские ведомости» о стачке на Никольской мануфактуре С. Морозова].

Русская печать. «С.-Петербургские ведомости», 1885, 21 января, № 21, стр. 3. [Обзор печати о стачках на подмосковных фабриках].

С.-Петербург, 12 января. «С.-Петербургские ведомости», 1885, 13 января, № 13, стр. 1—2. [Передовая в связи со стачкой рабочих на фабрике Морозова и К° в Орехово-Зуеве. О причинах этой стачки и о необходимости пересмотра фабричного законодательства].

Среди газет и журналов. «Новое время», 1885, 13 января, № 3189, стр. 2. [Отклики печати на Морозовскую стачку].

Среди газет и журналов. «Новое время», 1885, 14 января. [Отклики печати на Морозовскую стачку].

Среди газет и журналов. «Новое время», 1885, 18 января, № 3194, стр. 2 [Печать о положении рабочих, об условиях найма в связи со стачками на подмосковных фабриках].

Среди газет и журналов. «Новое время», 1885, 21 января, № 3197, стр. 2 [По поводу передовой «Московских ведомостей» о стачках на подмосковных фабриках].

Фабричный произвол. «Неделя», 1885, 20 января, № 3, стр. 89—92. [Передовая о необходимости регулирования отношений между рабочими и предпринимателями в связи с волнениями на Вознесенской и Никольской мануфактурах].

X. СУД НАД УЧАСТНИКАМИ СТАЧКИ И ОТКЛИКИ НА ЕГО РЕШЕНИЕ

Внутреннее обозрение — Оправдательный приговор присяжных по делу о беспорядках на Морозовской мануфактуре. — Нападения против этого приговора и настоящее его значение — Эксплуатация его врагами финансового управления — Слухи о предстоящих переменах в устройстве присяжной адвокатуры — Литературные мнения по адвокатскому вопросу. «Вестник Европы», 1886, кн. 7, стр. 373—393.

Внутренние известия. Владимир губернский. «Русские ведомости», 1886, 3 февраля, № 33, стр. 1. [Сообщение о предстоящих процессах морозовских стачечников].

Внутренние известия. Владимир губернский. «Русские ведомости», 1886, 13 февраля, № 43, стр. 2. [Сообщение о предстоящем в мае 1886 г. втором процессе морозовских стачечников].

Внутренние известия. Суд над рабочими. «Неделя», 1886, 16 февраля, № 7, стр. 246—247. [Сообщение о процессе морозовских стачечников во Владимирском окружном суде].

Внутренние известия. Фабричный процесс. «Неделя», 1886, 1 июня, № 22, стр. 735. [Сообщение об итогах процесса морозовских стачечников].

Внутренние известия. Орехово-Зуево. (Корреспонденция «Нового времени»). «Новое время», 1886, 5 июня, № 3686, стр. 3. [О значении Морозовской стачки и о впечатлении, произведенном на орехово-зуевских рабочих приговором суда присяжных].

Дело о беспорядках на Морозовской фабрике. Заседание Владимирского окружного суда с участием присяжных заседателей 23—27 мая 1886 года. В книге «Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах». Т. III. М. Изд-во юридического книжного магазина А. Ф. Скорова. 1898, стр. 423—478.

Дело о стачке рабочих на фабрике Т-ва Саввы Морозова. В книге Плевако, Ф. «Речи». Под редакцией Н. К. Муравьева. Т. I. Изд. 3-е. М. Изд. М. А. Плевако. 1912, стр. 321—325.

Дельное. «Гражданин», 1886, № 44, стр. 4. [Обзор печати. «Московские ведомости» по поводу закончившегося процесса морозовских стачечников].

Дневник. 29 мая и 30 мая. «Гражданин», 1886, № 44, стр. 15—17. [По поводу оправдательного приговора присяжных по делу о стачке на Морозовской фабрике].

Любарский, И. Суд над рабочей стачкой. (Из истории русской революции в судебных процессах). «Суд идет», 1924, № 5, стр. 269—278; № 6, стр. 369—371.

Москва, 28 мая. «Московские ведомости», 1886, 29 мая, № 146, стр. 2.

То же в книге «Морозовская стачка 7—18 (19—25) января 1885 г.». [М.]. «Московский рабочий». 1923, стр. 71—75. [Передовая Каткова об итогах процесса морозовских стачечников].

Москва, 4 июня. «Современные известия», 1886, 5 июня, № 152, стр. 1—2. [Передовая об итогах процесса рабочих Морозовской фабрики и о новом фабричном законодательстве].

Нападки на суд. «Неделя», 1886, 15 июня, № 24, стр. 793—795. [Передовая по поводу нападок некоторых органов печати на новые суды вообще и на институт присяжных в частности в связи с оправданием рабочих Морозовской фабрики].

Среди газет и журналов. «Новое время», 1886, 31 мая, № 3682, стр. 2—3. [По

поводу статей в «Московских ведомостях» и «Русском курьере», появившихся в связи с судебным процессом морозовских стачечников].

Среди газет и журналов. «Новое время», 1886, 7 июня, № 3688, стр. 3. [«Современные известия» о морозовском процессе].

Среди газет и журналов. «Новое время», 1886, 18 июня, № 3699, стр. 2. [«Московские ведомости» и «Наблюдатель» по поводу оправдательного приговора присяжных по делу рабочих на Никольской мануфактуре].

Судебная летопись. Дело о буйстве рабочих на фабрике «Саввы Морозова, сын и К°». «Современные известия», 1886, 10 февраля, № 40, стр. 3; 11 февраля, № 41, стр. 3; 12 февраля, № 42, стр. 3.

Судебная хроника. Владимирский окружный суд. Стачка рабочих. (От нашего корреспондента). «Русские ведомости», 1886, 8 февраля, № 38, стр. 3, 10 февраля, № 40, стр. 3.

Судебная хроника. Владимирский окружный суд. О беспорядках рабочих на фабрике товарищества Никольской мануфактуры. (От нашего корреспондента). «Русские ведомости», 1886, 25 мая, № 140, стр. 2—3; 26 мая, № 141, стр. 3; 27 мая, № 142, стр. 3; 28 мая, № 143, стр. 3, и 29 мая, № 144, стр. 3.

Судебная хроника. Владимирский окружный суд. Дело о стачке и беспорядках рабочих на Никольской мануфактуре товарищества «Саввы Морозова, сын и К°». «Московские ведомости», 1886, 24 мая, № 141, стр. 4; 26 мая, № 143, стр. 3, 27 мая, № 144, стр. 4; 28 мая, № 145, стр. 4; 29 мая, № 146, стр. 4—5; 31 мая, № 148, стр. 4.

То же под заглавием «Мануфактурная эпопея». «Современные известия», 1886, 28 мая, № 144, стр. 1—2; 29 мая, № 145, стр. 1—2; 30 мая, № 146, стр. 3; 31 мая, № 147, стр. 3; 1 июня, № 148, стр. 1; 2 июня, № 149, стр. 1, и 3 июня, № 150, стр. 1—2.

То же в книге «Морозовская стачка» 7—13 (19—25) января 1885 г.» [М.]. «Московский рабочий». 1923, стр. 19—70.

Телеграммы. Владимир, 7 и 8 февраля. «Гражданин», 1886, № 13, стр. 12. [Сообщение о первом процессе морозовских стачечников].

Телеграммы. Владимир, 27 мая. «Гражданин», 1886, № 43, стр. 12. [Сообщение о следствии по делу о стачке на Морозовской фабрике].

Телеграммы. Владимир, 27 мая, вечером. «Гражданин», 1886, № 44, стр. 13. [Сообщение о решении суда по делу о стачке на Морозовской фабрике].

XI. ВЛИЯНИЕ МОРОЗОВСКОЙ СТАЧКИ НА РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 80-х ГОДОВ

А. И. Стачка 1885 г. «Иваново-Вознесенский губернский ежегодник» на 1921 г.

К—в. Беспорядки на фабрике Демидова в Вязниках. «Московские ведомости», 1887, 27 января, № 27, стр. 4. [В связи с забастовкой в Вязниках напоминается о Морозовской стачке, процессе и оправдательном приговоре, которые оказали возбуждающее действие на рабочих других фабрик].

Москва, 29 января. «Московские ведомости», 1887, 30 января, № 30, стр. 3. [Передовая в связи с предстоящим процессом стачечников Вязниковской фабрики. Напоминается о Морозовской стачке и указывается, что оправдательный приговор вызвал новое движение рабочих].

От центрального кружка «Союза русской молодой интеллигенции». «Голос молодежи», 1886, № 1, стр. 3—19.

Рассказ Мальковой. «Колотушка». Орехово-Зуево. 1923, 19 января, № 3 (18), стр. 3. [Воспоминания работницы ручной ткацкой фабрики С. Морозова в Вахлове о забастовке, происходившей одновременно с Морозовской стачкой].

XII. РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Б—ч, В. Внутреннее обозрение. «Русское богатство», 1886, № 9, стр. 174—187. [О новом фабричном законе и о положении рабочих на фабрике Морозовых, выявившемся на судебном процессе].

Б—ч, В. Внутреннее обозрение. «Русское богатство», 1885, № 11, стр. 206—207. [Упоминается о Морозовской стачке и ее причинах в связи с вопросом о фабричном законодательстве].

Балабанов, М. Борьба фабрикантов против охраны труда. Пересмотр закона 3 июня 1886 года. «Труд в России», 1924, № 1, стр. 119—131.

[Безобразов, В.]. Наблюдения и соображения В. П. Безобразова относительно действия новых фабричных узаконений и фабричной инспекции. [Спб.]. Б. г., стр. 127.

Бывший фабрикант. Письма по фабричному вопросу «Московские ведомости», 1885, 22 марта, № 80, стр. 5 [О положении рабочих и о некоторых мерах его улучшения].

Бывший фабрикант. По фабричному вопросу. «Московские ведомости», 1885, 13 апреля, № 100, стр. 3—4. [Об экономическом положении рабочих и о проведении фабричных законов].

Бывший фабрикант. По фабричному вопросу. «Московские ведомости», 1885, 5 мая, № 122, стр. 3. [По поводу трудов комиссии по составлению нового закона о фабричных рабочих].

Внутреннее обозрение. Закон 3 июня об отношениях фабрикантов и рабочих. «Дело», 1888, № 3—4, стр. 112—114. (Современная летопись).

Внутреннее обозрение. Закон 3 июня о фабричной работе; его сильные и слабые стороны. «Вестник Европы», 1886, кн. 10, стр. 797—807.

Внутреннее обозрение. Наем сельских рабочих. Ночная работа на фабриках. «Русская мысль», 1885, кн. VII, стр. 42—46.

Внутреннее обозрение. 1 декабря 1886 г. Отчеты фабричных инспекторов за первый год их деятельности. — Отношение фабриканта к правилам о малолетних рабочих. — Уменьшение числа малолетних на фабриках, их заработок и школьное их обучение. «Вестник Европы», 1886, кн. 12, стр. 860—879.

Внутреннее обозрение. «Вестник Европы», 1887, кн. 3, стр. 352—373 (О законе 3 июня 1886 г.; газетный поход против нового фабричного законодательства).

Внутренние известия. Фабричный законопроект. «Неделя», 1886, 8 июня, № 23, стр. 769.

Вопросы труда. Поход против увечных. «Искра», 1904, 15 января, № 57, стр. 6. [Упоминается Морозовская стачка и отмечается ее влияние на развитие фабричного законодательства в России].

Второй фазис фабричного вопроса. «Неделя», 1885, 17 ноября, № 46, стр. 1596—1598. [О движении фабричного законодательства].

Дополнения к фабричным правилам. «Московские ведомости», 1885, 1 ноября, № 302, стр. 3. [Сообщение о разработке правил об охране труда в производстве ядовитых веществ].

Закон о найме фабричных рабочих. «Новое время», 1886, 4 апреля, № 3627, стр. 1. [Статья по поводу проекта нового закона о найме рабочих].

Н—в, В. Фабричная инспекция в России. По поводу нового положения 7 июня 1899 г. «Рабочее дело», Женева, 1899, № 4—5, стр. 28—43. [Имеется упоминание о Морозовской стачке и вызванном ею законе 3 июня 1886 г.].

Инженер-технолог. Закон и его жизнь. (Вопросы и заметки относительно применения на практике закона 3 июня 1886 года о найме рабочих на фабрики и заводы). «Русская мысль», 1892, кн. II, стр. 63—79.

Инструкция чинам инспекции по надзору за исполнением постановлений о малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах. (Утверждена министром финансов 19 декабря 1884 года). «Русские ведомости», 1885, 22 марта, № 79, стр. 2; 23 марта, № 80, стр. 2—3; 24 марта, № 81, стр. 2—3; 27 марта, № 82, стр. 2.

К вопросу о фабричных рабочих. «Экономический журнал», 1886, № 10, стр. 21—24. [Статья о положении рабочих на Морозовской фабрике и о необходимости скорейшего введения нормального фабричного устава].

К вопросу о фабричных рабочих. «С.-Петербургские ведомости», 1886, 28 января, № 28, стр. 1. [Статья о работах комиссии по пересмотру фабричных законов].

Колпенский, В. Фабрично-заводские волнения и рабочее законодательство. «Архив истории труда в России», кн. 2. П., 1921, стр. 37—43.

Кольцов, Д. Закон 2 июня о продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности. Женева, «Союз русских социал-демократов», 1897, стр. 48. [Имеется упоминание о Морозовской стачке и вызванном ею рабочем законодательстве].

Литвинов-Фалинский, В. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. Спб., тип. А. С. Суворина, 1900, стр. 365.

Лунц, М. Фабричное законодательство в России. «Рабочий ежегодник». Год 1-й, 1906. Спб. «Альманах», 1906, стр. 97—108.

Лунц, М. Сборник статей. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России. Посмертное издание с портретом автора и предисловием И. Степанова. М. 1909, стр. 384.

Мануйлов, А. Очерк нашего фабричного быта. (На основании отчетов фабричных инспекторов за 1885 г.). «Юридический вестник», 1887, т. XXIV, кн. 3 (март), стр. 543—554.

Микулин, А. Очерки из истории применения закона 3 июня 1886 года о

наймe рабочих на фабриках и заводах Владимирской губернии. Владимир, 1883, стр. 103.

Морокин, А. Ночные работы на фабриках и кабаки. «Голос Москвы», 1885, 3 августа, № 197, стр. 2. [О новом законе, запрещающем ночной труд для малолетних].

Москва, 12 февраля. «Московские ведомости», 1885, 13 февраля, № 43, стр. 2. [Передовая о необходимости пересмотра всего фабричного законодательства вообще и в частности вопроса о ночной работе на фабриках].

Москва, 22 февраля. «Московские ведомости», 1885, 23 февраля, № 53, стр. 3. [Передовая о необходимости пересмотра и изменения всего фабричного законодательства].

Москва, 3 марта «Русские ведомости», 1885, 3 марта, № 60, стр. 1. [Передовая по поводу инструкции о надзоре за исполнением постановлений о малолетних].

Москва, 17 мая. «Голос Москвы», 1885, 18 мая, № 134, стр. 1—2. [Передовая о русском и иностранном фабричном законодательстве].

Москва, 4 июня. «Московские ведомости», 1885, 5 июня, № 153, стр. 2—3. [Передовая по поводу закона о запрещении ночной работы на фабриках].

Москва, 25 июня. «Московские ведомости», 1885, 26 июня, № 174, стр. 3. [Передовая в связи со слухами об изъятии некоторых промышленных предприятий от действия нового закона о ночных работах].

Москва, 18 июля. «Московские ведомости», 1885, 19 июля, № 197, стр. 1. [Передовая по поводу закона 4 июля 1885 г. об отмене ночных работ на хлопчатобумажных, шерстяных и полотняных фабриках].

Москва, 26 июля. «Русские ведомости», 1886, 26 июля, № 202, стр. 1. [Передовая о законе 3 июля 1886 г.].

Москва, 2 августа. «Голос Москвы», 1885, 3 августа, № 197, стр. 1—2. [Передовая по поводу закона о запрещении ночной работы для малолетних].

Москва, 30 октября. «Русские ведомости», 1886, 30 октября, № 298, стр. 1. [Передовая о необходимости скорейшего разрешения вопроса об ответственности фабрикантов за несчастные случаи с рабочими].

N. N. По поводу слухов о законе для урегулирования отношений между рабочими и хозяевами (Письмо из Южной России). «Экономический журнал», 1886, № 9, стр. 66—69.

Новые законы о сельских и фабричных рабочих. «Неделя», 1886, 20 июля, № 29, стр. 955—958.

О вознаграждении рабочих за несчастия при работах. «Новое время», 1886, 26 марта, № 3618, стр. 1.

О нарушениях фабричного устава о работе малолетних. «Голос Москвы», 1885, 8 октября, № 238, стр. 1. [Передовая].

О фабричном законодательстве. Как и почему правительство издает законы в защиту рабочих. «Южный рабочий», Екатеринослав, 1900, № 2, стр. 1—15. [Рассказывается о Морозовской стачке и законе 3 июля 1886 г.].

Обзор печати. «Русские ведомости», 1885, 12 марта, № 69, стр. 1—2. [По поводу обнародования инструкции фабричным инспекторам].

Оболенский, П. Новый закон об организации фабричного надзора в Москве. «Юридический вестник», 1886, т. XXIII, ноябрь, стр. 584—591; декабрь, стр. 731—741; 1887, т. XXIV, январь, стр. 115—120; февраль, стр. стр. 336—346; апрель, стр. 702—716.

Ответственность хозяев за несчастия с рабочими. «Московские ведомости», 1885, 12 ноября, № 313, стр. 4. [О рассмотрении Гос. советом проекта соответствующего закона].

Официальный отдел. По проекту правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции. «Русские ведомости», 1886, 18 июля, № 194, стр. 2; 20 июля, № 196, стр. 2.

Павлинский-Зайцев. Из рабочего мира. «Современные известия», 1886, 4 июня, № 151, стр. 1. [Корреспонденция из Ив.-Вознесенска о положении рабочих на ивановских фабриках и об отношении их к новому закону о труде малолетних].

Павлинский-Зайцев. Из Иваново-Вознесенска 6 июля. Фабричные скорби. «Современные известия», 1886, 12 июля, № 189, стр. 3. [Об отношении рабочих к новому фабричному закону].

Павлов, Ф. Фабричное законодательство и его развитие в России. Ростов-на-Дону. «Донская речь», б. г., стр. 31.

Пажитнов, К. Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России. Спб., тип. т-ва «Общественная польза», 1910, стр. 98.

Полянский, Н. Стачки рабочих и уголовный закон. Спб, б-ка «Общественная польза», 1907, стр. 407.

Последняя почта. Вопрос о врачебной помощи на фабриках и заводах. «Моские ведомости», 1886, 31 мая, № 148, стр. 3.

Последняя почта. Установление правил об отношениях хозяев фабрик к их рабочим. «Московские ведомости», 1885, 11 февраля, № 41, стр. 2.

Последняя почта Проект об ответственности владельцев промышленных заведении за увечье и смерть рабочих. «Московские ведомости», 1886, 26 мая, № 143, стр. 2.

Последняя почта. По вопросу об обеспечении рабочих... «Московские ведомости», 1886, 27 мая, № 144, стр. 3. [О совещании группы фабрикантов по вопросу об обеспечении рабочих, в особенности пострадавших от несчастных случаев].

Постановления и распоряжения правительства О воспрещении ночной работы несовершеннолетних и женщин на фабриках, заводах и мануфактурах. «Московские ведомости», 1885, 14 июня, № 162, стр. 1.

Постановления и распоряжения правительства. По проекту правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции «Московские ведомости», 1886, 18 июля, № 196, стр. 1.

Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих. (Высочайше утверждены 3 июня 1886 года). «Московские ведомости», 1886, 19 июня, № 197, стр. 1.

Правительственное распоряжение. Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и взаимных отношениях фабрикантов и рабочих. «Новое время», 1886, 19 июля, № 3730, стр. 3, и 20 июля, № 3731, стр. 4.

Правила относительно исполнения постановлений о работе и обучении малолетних рабочих владельцами заводов, фабрик и мануфактур, а также лицами, управляющими или заведующими сими заведениями. (Утверждены министром финансов 19 декабря 1884 года). «Современные известия», 1885, 30 марта, № 85, стр. 3; 31 марта, № 86, стр. 3; 1 апреля, № 87, стр. 2.

Раскольников, Р Уголовные наказания за стачки в России (Историческая справка). «Просвещение», 1914, № 4, стр. 10—101. [Упоминается о законе 3 июня 1886 г.].

С. Щ Накануне нового фабричного закона. «Русские ведомости», 1886, 9 июня, № 155, стр. 2—3.

Серпуховской фабрикант. Письмо к издателю. «Московские ведомости», 1885, 24 июня, № 172, стр. 2. [По поводу прошения, поданного несколькими фабрикантами министру финансов по вопросу об отсрочке введения закона, запрещающего ночные работы].

Среди газет и журналов. «Новое время», 1885, 15 февраля, № 3221, стр 3. [По поводу статьи в «Московских ведомостях» о необходимости запретить ночную работу на фабриках].

Среди газет и журналов. «Новое время», 1885, 18 февраля, № 3224, стр. 1 [По поводу статьи в «Московских ведомостях» о запрещении ночных работ на фабриках].

Среди газет и журналов. «Новое время», 1885, 25 февраля, № 3231, стр 1. [По поводу статьи в «Московских ведомостях» о необходимости пересмотра фабричного законодательства].

Среди газет и журналов «Новое время», 1885, 24 апреля, № 3287, стр 2 [О статье в «Московских ведомостях» по поводу проектируемой отмены ночной работы для женщин и детей].

Среди газет и журналов. «Новое время», 1885, 24 апреля, № 3287, стр 2. [«Русские ведомости» по поводу проекта закона о найме рабочих].

Среди газет и журналов. «Новое время», 1886, 10 марта, № 3602, стр. 2. [«Гражданин» о законопроекте по рабочему вопросу].

Среди газет и журналов. «Новое время», 1886, 17 июля № 3728, стр. 1. [Корреспонденция из Ив.-Вознесенска («Современные известия») об отношении рабочих к новому фабричному закону].

Туган-Барановский, М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. 3-е изд Спб., «Наша жизнь», 1907, стр. 562.

Увечье и смерть рабочих. «Новое время», 1885, 2 мая, № 3295, стр. 3. [О выработке комиссией министерства финансов проекта закона об ответственности предпринимателей за увечья и смерть рабочих].

Фабричная комиссия. «Неделя», 1885, 23 марта, № 12, стр. 445—446. [Об уничтожении при министерстве внутр. дел особой комиссии по фабричному вопросу].

Хроника. «Новое время», 1886, 1 мая, № 3652, стр. 2. [О введении расчетных книжек для рабочих, предусмотренных проектом положения о найме].

Янжул, И. Из воспоминаний и переписка фабричного инспектора первого призыва. Материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства. Спб., 1907, стр. 229.

XIII. ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ СТАЧКИ

Вечер Морозовской стачки. «Колотушка». Орехово-Зуево. 1923, 18 января, № 3(18), стр. 1. [Отчет о собрании ячейки РКП(б). О. К. ф-ки совместно с ветеранами труда в связи с 38-летней годовщиной Морозовской стачки].

Виноградов, И. Личные впечатления свидетеля Морозовской стачки в 1885 г. 7 января. «Путь к Октябрю», вып. II, 1923, стр. 52—55.

Воспоминания двух участников Морозовской стачки: 1) Воспоминания Михаила Даниловича Помоскова. 2) Воспоминания Петра Васильевича Филиппова. «Пролетарская революция», 1924, № 1(24), стр. 66—74.

Воспоминания. «Колотушка». Орехово-Зуево. 1923, 18 января, № 3(18), стр. 2.

Воспоминания П. А. Моисеенко 1873—1923. М. «Красная новь», 1924, стр. 214. (Истпарт. Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б).

Голос участников Морозовской стачки. «Колотушка». Орехово-Зуево. 1923, 18 января, № 3(18), стр. 2. [Отчет о собрании старожилов — участников Морозовской стачки и резолюция, принятая на этом собрании].

Мосеенок. Воспоминания о стачке 1885 года. «Путь к Октябрю», вып. II, 1923, стр. 43—51.

Мосеенок, П. Из воспоминаний П. А. Моисеенко. В книге «Рабочее движение в России в описании самих рабочих». (От 70-х до 90-х годов). С предисл. Вл. Малаховского. М. ОГИЗ, 1933, стр. 108—173.

Моисеенко, П. Морозовская стачка. «Пролетарская революция», 1924, № 1(24), стр. 17—65.

Моисеенко, П. Революционное движение среди рабочих Петербурга 1875—86 гг. «Летопись революции», 1923, № 5, стр. 112—125.

Моисеенко, П. От Морозовской стачки. (Продолжение). «Летопись революции», 1924, № 1(6), стр. 221—227.

На баррикадах революции. Из жизни орехово-зуевских рабочих 1885—1927 гг. по материалам истпарта Орехово-Зуевского укома ВКП(б). Орехово-Зуево, 1927, стр. 180. (Октябрьская юбилейная комиссия при Орехово-Зуевском уисполкоме).

Рассказ Малуковой. «Колотушка». Орехово-Зуево. 1923, 18 января, № 3(18), стр. 3. [Воспоминания работницы ручной ткацкой фабрики С. Морозова в Ваулове о забастовке, происходившей одновременно с Морозовской стачкой].

XIV. И. МОСЕЕНОК — РУКОВОДИТЕЛЬ СТАЧКИ

Алексеев, В. П. А. Моисеенко. В книге «Рабочее движение в России». Библиографии виднейших деятелей. Под редакцией Б. П. Козьмина. Вып. II. Харьков, «Пролетарий», 1926, стр. 14—31.

Давидов, Э. Рабочий-революционер П. А. Моисеенко. [М.], «Новая Москва», 1925, стр. 78. (Б-ка рабоче-крестьянской молодежи под общей редакцией МК РЛКСМ).

Друзья и враги. «Листок Рабочей мысли», 1902, № 3, стр. 1—2. [В связи с поднесением царю хлеба-соли от имени рабочих Балтийского завода, вспоминается непримиримая борьба морозовских стачечников против капиталистов и царского правительства].

Ежов, В. (Цедербаум, С.). Петр Анисимович Моисеенко. М., изд-во политкаторжан, 1929, стр. 134. (Научно-популярная библиотека).

Рец.: «Літопис революції», 1930, № 5(44), стр. 404—406. (А. Громицький).

Кавалеров, И. Памяти П. А. Моисеенко (1900—1923 гг.). «Летопись революции», 1924, № 1(6), стр. 205—220.

Кудрина, П. Еще о Петре Анисимовиче Моисеенко (По архивным документам). «Красная летопись», 1924, № 1(10), стр. 248—259.

Кутузов, И. Памяти борца (П. А. Моисеенко). «Каторга и ссылка», 1924, № 2(9), стр. 268—269.

Лебедев, Н. Русские текстильщики пятьдесят лет назад. М. ВЦСПС, 1927, стр. 39.

Воспоминания. «Колотушка». Орехово-Зуево. 1923, 27 января, № 4(19), стр. 1.

Малаховский, Вл. Предисловие к книге «Рабочее движение в России в описании самих рабочих». (От 70-х до 90-х годов). С предисл. Вл. Малаховского. М., ОГИЗ, 1933, стр. 3—21.

Матвеев. Отец стачки. Петр Анисимович Моисеенко. В книге «Морозовская стачка 7—13 (19—25) января 1885 года». М. «Московский рабочий», 1923, стр. 13—18.

Моисеенко, П. Краткая автобиография. В книге «Революция и РКП(б) в материалах и документах» (Хрестоматия). Т. I. 1870—1900 гг. М.—Л. ГИЗ, 1925, стр. 158—162.

Серафимович, А. Стачка. Рисунки М. Серегина. М. «Молодая гвардия», 1931, стр. 16.

Серафимович, А. У холодного моря. Собрание сочинений. Т. VIII. М.—Л. ГИЗ, 1925, стр. 5—61.

Плеханов, Г. Русский рабочий в революционном движении. (По личным воспоминаниям). Соч., т. III. М.—П. ГИЗ. 1923, стр. 121—205.

Чечановский, М. Ткач Петр Анисимович Моисеенко. Историко-биографический очерк с иллюстрациями. 1852—1923. М. «Труд и книга». 1924, стр. 121.

ХРОНИКА МОРОЗОВСКОЙ СТАЧКИ

1884 г.

2-я половина декабря. Обострение недовольства рабочих Морозовской фабрики вследствие больших вычетов перед рождественскими праздниками и начало агитации Мосеенка и Волкова.

1885 г.

5 января. Собрание рабочих — инициаторов стачки в трактире Трофимова на Песках после работы.

Вечером. Узкое собрание организаторов стачки в погребке Конфеева в Зуеве.

6 января. Второе собрание инициаторов стачки в трактире на Песках. Решение начать стачку 7-го с утра. Чтение нелегального воззвания к московским рабочим с призывом организоваться.

7 января. Утром. Начало стачки. Остановка фабрики рабочими. Погром потребиловки ореховскими «орехами». Разгром квартир администрации.

Днем. Совещание ткачей и прядильщиков в Орехове при участии Мосеенка и Волкова, решение выработать и написать требования стачечников и разъяснить по казармам постановления этого совещания.

Вечером. Собрания в казармах с разъяснением задач стачки. Прибытие владимирского губернатора, двух батальонов пехоты, а также судебных властей.

Телеграммы Т. Морозова о принятии мер против стачечников владимирскому губернатору Судиенко и министру внутренних дел Д. Толстому, который телеграфировал командующему московским военным округом о высылке войск.

Доклад министра внутр. дел Толстого царю о положении дел на Морозовской фабрике, на котором царь написал: «Я очень боюсь, что это дело анархистов. Пожалуйста, сообщите мне все подробности, которые получите от губернатора и жандармского начальства».

8 января. Продолжение стачки. Собрание рабочих, выработка требований. Письмо рабочих министру внутр. дел с просьбой о присылке особой комиссии для расследования причин забастовки.

11 часов. **Вызов рабочих губернатором для переговоров.**

Вечером. Прибытие Донского казачьего полка и полиции. Приезд Тимофея Морозова, совещание его с губернатором и составление объявления рабочим от имени администрации, по которому им возвращаются взысканные с них с 1 октября 1884 г. по 1 января 1885 г. штрафы, затем производится расчет и обратный прием на условиях, объявленных при найме 1 октября 1884 года.

Телеграмма владимирского губернатора министру внутренних дел о согласии Т. Морозова на некоторые уступки рабочим.

9 января. Прибытие полка солдат. Ответ рабочих на объявление Т. Морозова с категорическим отказом принять его условия и с требованием расчета на пасху.

Прекращение работы красильного отделения.

Донесение владимирского губернатора министру внутренних дел о несогласии рабочих на условия Т. Морозова.

Подтверждение администрацией фабрики условий возобновления работ, объявленных 8 января.

10 января. Телеграмма владимирского губернатора министру внутренних дел о несогласии Т. Морозова на бо́льшие уступки рабочим.

Донесение министра внутр. дел Д. Толстого Александру III о несогласии правления Морозовской фабрики на дальнейшие уступки рабочим, на котором царь наложил резолюцию: «Какие облегчения еще?!».

11 января. Переговоры с губернатором, передача ему требований рабочих и арест Волкова, Шелухина и др. (всего 51 чел.). Общее собрание рабочих, созванное Мосеенком. Решение итти освободить арестованных. Столкновение с войсками, попытка освобождения арестованных, вторичные переговоры с губернатором.

Собрание рабочих за железной дорогой около казарм, поручение Мосеенку послать телеграмму министру внутр. дел о присылке комиссии для расследования конфликта между рабочими и Морозовым.

6 час. вечера. Вторичная попытка освобождения арестованных и столкновение с казаками.

7 часов Попытка освобождения Волкова при отправлении его по железной дороге во Владимир.

Допрос Волкова судебным следователем Боскаревым.

Телеграмма Т. Морозова владимирскому губернатору с просьбой об удалении с фабрики «опасных людей».

Телеграмма владимирского губернатора командующему московским военным округом о присылке еще двух сотен казаков и батальона пехоты.

Заявление рабочих о несогласии их стать на работу до прибытия из Петербурга доверенного лица для производства расследования конфликта между рабочими и Морозовым.

Донесение царю о событиях 11 января, на котором он пометил: «Все это весьма неутешительно».

12 января. Телеграмма Т. Морозова министру внутренних дел с просьбой о принятии решительных мер к ликвидации стачки.

Арест рабочих — активных участников стачки и отправка их под конвоем на родину (всего около 600 чел.) Мосеенок скрывается из Орехова в Москву.

14 января. Возобновление работ на фабрике.

14—16 января. Мосеенок в Москве. Неудавшиеся попытки его связаться с организацией.

17 января. Возвращение Мосеенка и арест его в Ликине. Собрание, организованное Мосеенком на съезжей.

18 января. Отправка Мосеенка под конвоем жандармов на Морозовскую фабрику. Допрос его следователем и жандармским полковником.

19 января. Допрос Мосеенка прокурором, командированным в Орехово вследствие письма, посланного стачечниками министру внутр. дел.

18—22 января. Составление показаний Мосеенком. Заключение его во Владимирскую тюрьму.

20 января. Допрос Мосеенка судебным следователем Боскаревым.

Сообщение министра внутренних дел Александру III о «восстановлении порядка» на Морозовской фабрике, на котором царь наложил резолюцию: «Дай бог, чтобы так и продолжалось».

23 января. Дополнительный допрос Мосеенка судебным следователем Боскаревым.

25 января. Допрос Волкова жандармским полковником Фоминцыным.

6 февраля. Телеграмма Т. Морозова владимирскому губернатору с ходатайством об оставлении казаков в Орехово-Зуеве.

22 февраля. Сообщение Т. Морозова владимирскому губернатору о положении дел на фабрике с просьбой о принятии мер в отношении высланных рабочих, возвратившихся в Орехово-Зуево для обратного поступления на фабрику.

4 марта. Новый допрос Волкова судебным следователем Боскаревым.

12 марта. Чрезвычайное общее собрание пайщиков Никольской мануфактуры «Саввы Морозова, сын и К°». Доклад правления о происходившей в январе стачке на фабрике, ее причинах, о взаимоотношениях администрации с рабочими и об общем состоянии фабрики.

6 апреля. Постановление судебного следователя об окончании предварительного следствия.

29 апреля. Окончание жандармского дознания по делу Мосеенка, Иванова и Волкова и резолюция прокурора московской судебной палаты Муравьева об административной высылке обвиняемых.

Май. Внесение в государственный совет проекта правил о взаимоотношениях фабрикантов и рабочих, составленного комиссией под председательством сенатора Плеве.

3 июня. Закон о воспрещении ночной работы подросткам и женщинам на прядильных и ткацких фабриках.

17 июня. Составление обвинительного акта по делу 17 обвиняемых стачечников.

Начало октября. Сообщение владимирскому окружному суду от прокурора московской судебной палаты Муравьева о прекращении дела в административном порядке против Мосеенка, Иванова и Волкова по соглашению министров юстиции и внутренних дел и о направлении этого дела исключительно в судебном порядке.

13 ноября Составление обвинительного акта по обвинению Мосеенка, Волкова и Яковлева в стачке.

1886 г.

7 и 8 февраля. Суд над 19 рабочими — участниками стачки во Владимире без участия присяжных заседателей, в том числе над Мосеенком и Волковым, как «подстрекателями к стачке и буйству».

Речи прокурора Товаркова и защитника Плевако.

Приговором суда двое оправданы, остальные приговорены к аресту от 10 дней до 3 месяцев (Мосеенок и Волков осуждены на 3 мес.).

23 мая. Суд над 33 рабочими, обвиняемыми в качестве организаторов стачки и участия в грабежах и разрушениях зданий. В числе обвиняемых Мосеенок и Волков.

Утреннее заседание. Прочтение обвинительного акта и опрос обвиняемых.

Вечернее заседание. Чтение протокола осмотра фабрики и поврежденных зданий. Допрос судебного следователя Боскарева в качестве свидетеля.

Чтение объявлений Т. Морозова, вывешенных во время стачки и сорванных рабочими. Чтение протокола переговоров рабочих с губернатором от 8 января. Допрос Т. Морозова и других свидетелей.

24 мая. Утреннее заседание. Показания директора-распорядителя фабрики Дианова, управляющего новоткацким корпусом Шорина и др.

Показания ткача Луки Иванова и брата Мосеенка Григория. Показания воинских чинов.

25 мая. Утреннее заседание. Показания ткача Никифорова. Чтение протокола осмотра здания, из которого были освобождены арестованные. Чтение требований рабочих, составленных Мосеенком. Чтение письма Мосеенка в министерство внутр. дел. Допрос полицейского надзирателя Васильева и др.

Вечернее заседание. Продолжение допроса свидетелей.

26 мая. Утреннее заседание. Продолжение допроса свидетелей и чтение отчетов т-ва Никольской мануфактуры с 1881 по 1884 гг. и справки о прежней жизни Мосеенка.

3½ часа дня. Начало прений сторон. Речи прокурора Товаркова и тов. прокурора Свицкого. Речи защитников Шубинского, Копиева и Холщевникова.

27 мая. Утреннее заседание. Составление и утверждение 101 вопроса присяжным заседателям. Последние слова подсудимых: Волкова и Лифанова. Резюме председателя Демина.

7½ часов вечера. Совещание присяжных заседателей.

10 часов. Объявление оправдательного приговора. Освобождение из-под стражи Лифанова.

3 июня. Закон о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры и о взаимоотношениях фабрикантов и рабочих.

5 июня. Телеграмма министра внутренних дел о продолжении содержания под стражей Мосеенка и Волкова в административном порядке на основании положения о государственной охране.

6 июня. Предписание владимирского губернатора о содержании под стражей Мосеенка и Волкова.

14 июня. Постановление распорядительного заседания владимирского окружного суда об освобождении Мосеенка и Волкова под поручительство Шубинского.

20 июня. Заслушание владимирским окружным судом сообщения о том, что Мосеенок и Волков не могут быть освобождены на поруки, как содержащиеся в тюрьме в административном порядке.

23 июня. Протест прокурора владимирского окружного суда Товаркова на приговор по делу морозовских стачечников.

25 июня. Взятие прокурором обратно его протеста по распоряжению прокурора московской судебной палаты.

10 августа. Постановление особого совещания при департаменте полиции о высылке под надзор полиции в административном порядке на три года: Мосеенка — в Архангельскую губернию, а Волкова — в Вологодскую.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

КО ВСЕМ УЧАСТНИКАМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Фольклорная секция Академии наук СССР совместно с Государственным музыкальным издательством подготовляет к печати «Собрание революционных песен в России». Это «Собрание», рассчитанное на 40 печатных листов, предполагает дать возможно широкий охват песенного материала, связанного с историей революционного движения. В него входят как песни, созданные революционерами (например, «Народовольческий гимн», «Замучен тяжелой неволей» и пр.), так и песни, усвоенные революционной средой. В последнем случае имеются в виду, к примеру, следующие песни: «Свадьба» («Нас венчали не в церкви»), слова Тимофеева, муз. Даргомыжского; «Моряки» («Нелюдимо наше море»), слова Языкова, муз. Вильбоа, «На старом кургане», слова Никитина, муз. Калинникова и т. п. Одновременно с этим мы заинтересованы в получении песен радикального студенчества, как-то «Старый капрал» («Дружно, ребята, идите»), слова Курочкина, «Есть на Волге утес», слова Навроцкого; «Уж как Дрентельн генерал», слова Морозова, и пр.

Следующий раздел будет представлен песнями каторги и ссылки, напр.: «Арестант» («Ночь темна, лови минуты»), слова Огарева; «Узник», слова Пушкина; «По пыльной дороге телега несется», «Александровский централ» и пр. И, наконец, значительная часть нашего «Собрания» будет посвящена рабочему фольклору. Но не все песни, бытовавшие в рабочей среде, могут быть использованы нами. Мы прежде всего заинтересованы в получении песен, характеризующих идеологию авангарда рабочего класса. Таковыми являются песни производственного характера, в которых не только реалистически описываются быт и условия существования пролетариата, но и даются известные элементы протеста против существующих порядков или строя в целом. В качестве примера приводим отрывок из распространенной песни:

Эх, и прост же ты, рабочий человек,
На богатых гнешь ты спину весь своей век.
У Морозова у Саввушки завод,
Обирают там без жалости народ;
Все рабочие в убогости,
А на них большие строгости...

и пр. Но наряду с песнями этого рода мы имеем и ряд боевых песен, приобревших характер рабочих гимнов. Такова, напр., известная песня «Смело, товарищи, в ногу», слова Радина, или бывшая весьма распространенной до революции 1905 г. «Первомайская песня», из которой приведем два начальных четверостишия:

Праздник светлый и свободный,
Славься первый майский день,
Наш союз международный
Новым блеском ты одень.

Уж проходит год десятый
С той поры, как целый свет
Облетел призыв крылатый:
В этот день работы нет.

Ко всем участникам революционного движения мы обращаемся с просьбой прислать следующие материалы:

1. Тексты революционных песен из нелегальных (печатных или рукописных) сборников.
2. Записи текстов революционных песен от отдельных участников революционного движения, а также и от массовой рабочей среды.
3. Одновременно с записью текстов нам весьма желательно получить и записанные напевы этих песен, ибо наше собрание рассчитано на издание с нотами.

4. К каждому тексту или напеву песни обязателен подробный собирательский комментарий (откуда взята песня, характеристика объекта, от которого была записана песня; сведения о роли данной песни в революционном движении; сведения об авторах музыки и текста песни и пр.).

Просьба все предложения, справки и материалы посылать по указанному ниже адресу. С своей стороны бригада авторов по собиранию революционных песен может по требованию всех заинтересованных товарищей и организаций выслать более подробный план и календарь своих работ.

Руководитель бригады по собиранию революционных песен М. С. Друскин

Адрес: Ленинград, Васильевский остров, Университетская наб., 3. Фольклорная секция Института антропологии и этнографии Академии наук или по личному адресу руководителя бригады: Ленинград, 3, Гатчинская 6, кв. 5.

ХРОНИКА

ЧЕСТВОВАНИЕ А. П. ПРИБЫЛЕВОЙ-КОРБА

12 января 1935 г. в Ленинграде, в клубе местного отделения Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев было организовано редкое празднество — чествование 85-й годовщины жизни одного из выдающихся политических борцов героической эпохи «Народной Воли» — Анны Павловны Прибылевой-Корба. Кроме ленинградских товарищей, инициаторов и организаторов юбилейного празднества, в последнем приняли участие представители Ц. С. О-ва (т. Феликс Кон), редакции «Каторга и ссылка» и кружка старых народовольцев (тт. Брагинский, Попов, Сухомлин), московского и местного отделения О-ва старых большевиков (тт. Шелгунов и Рубцова), а также пионерской организации, молодо и горячо приветствовавшей старую любимую революционерку и сопровождавшей свое приветствие подношением роскошных корзин с цветами и фруктами. Выступившие на юбилейном вечере ораторы в адресах и речах своих единодушно отмечали черты характера А. П., рисующие ее не только как мужественного и неустрашимого революционного борца, но и как прекрасного товарища, покоряющего обаянием своей личности всех, соприкасавшихся с ней, — и молодежь и стариков. Юбилейный вечер и последовавший за ним банкет с экспромтными застольными речами прошли в атмосфере душевной теплоты и товарищества и привлекли огромное число почитателей и друзей юбиляра. Среди последних старые соратники Анны Павловны: А. В. Прибылев и не стареющий, полный энергии и бодрости Н. А. Морозов. Товарищ ее по Исполнительному комитету «Нар. Воли» Н. А. Морозов в своей краткой и остроумной речи, вспоминая о годах совместной борьбы, отметил, что А. П. обладала пламенным революционным темпераментом, и сравнил влияние ее на окружающих с действием химического элемента, одно присутствие которого в данной химической среде вызывает бурную реакцию.

В приветствии, переданном А. П. Прибылевой от имени редакции нашего журнала, т. Брагинский подчеркнул, что А. П. принадлежит к славной плеяде народовольцев, ознаменовавших свое единоборство с самодержавием целым рядом революционных актов исключительной смелости и отваги. Указав на главные моменты многогранной, богатой и разнообразной по содержанию революционной деятельности А. П., как члена Исполнительного комитета, т. Брагинский специально остановился на ее работах по истории «Н. В.» и выразил пожелание, чтобы А. П. еще на долгие годы оставалась сотрудником нашего журнала, на страницах которого она до сих пор продолжает делиться неисчерпанными еще запасами своих воспоминаний об одной из героических эпох нашего революционного прошлого.

Ответственный редактор *И. А. ТЕОДОРОВИЧ*

Издатель — Всесоюзное о-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО НАУЧНО-ИСТОРИКО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СЕКЦИЙ (ЦБ НИИС) ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН
(СЕКЦИЯ 1905 ГОДА)

ХРОНИКА 1905 ГОДА

Составлена П. И. Корженевским

Под редакцией Б. А. Бреслава

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
МОСКВА—1935

Хроника 1905 года[1]

ЯНВАРЬ

1

Баку. Почти на всех промыслах и заводах приступили к работам. Стачка[2] началась с 13 декабря на ряде нефтяных промыслов и др. производств в районе Балаханы и Биби-Эйбат. Собрания рабочих с количеством участников до 3.000 чел. Происходили многочисленные аресты, но все арестованные, кроме 14 чел., были освобождены. В 20-х числах происходили столкновения между рабочими и казаками; были убитые и раненые с обеих сторон. 31/XII было объявлено, что забастовавшие, приступившие к работам в течение 3 суток, получают плату за все дни забастовки, неявившиеся — считаются уволившимися (В., 2., 12; П., 53).

Керчь. Вечером имела место противоправительственная демонстрация. Многие участники привлекаются к ответственности (Юж. кур.; П., 1914).

Смоленск. В дом губернатора брошена бомба; взрывом разрушены почти забор и стекла двух этажей (Р. А.).

2

Петербург. Нарвский отдел «Русского о-ва фабр.-зав. рабочих»[3] постановил начать забастовку (К. Л., 17/I, 332).

---

[1] Условные сокращения:

А. Р. — Агентство Рейтер.
Б.—Бурцев. Историко-веролюц. альманах
В.—«Вперед» (ГИЗ, 1925 г.).
Варш. Д. или В. Д.—Варшавский дневник.
В. П.—Вечерняя почта.
И.—Искра.
К. Л.—Красная летопись.
Кавк.—Кавказ.
Либ. В.—Либавский вестник.
Мог. Г. В.—Могилевские губернские ведомости.
Н. В. или Н. вр.—Новое время.
Н. Д.—Наши дни.
О.—Освобождение.
О. Д. — Общественное движение в России в начале XX века (П. Р.).
Од. Н.—Одесские новости.
П.—Право.
П. В. или Пр. в. -Правительственный вестник.
П. И.—Последние известия.
Пр.—Пролетарий (ГИЗ, 1925).
Пр. Кр.—Прибалтийский край.
П. Р.—Пролетарская революция.
Р.—Русь.
Р. А.—Российское агентство.
Р. В.—Русские ведомости.
Р. Р.—Революционная Россия.
СЗКр.—Северо-западный край.
С. К.—Северный курьер.
Сл.—Слово.
Т. А.—Телеграфное агентство.
Ю. К.—Южный край.

Цыфры обозначают номер газеты или журнала, и затем страницы.

В случаях отсутствия в журналах или газетах даты событии последние датируются днем опубликования известия.

[2] Эта стачка, выдвинувшая требования 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы и улучшения жилищных условий, — закончилась победой рабочих. В результате этой победы был заключен первый в России коллективный договор между нефтепромышленниками и рабочими. По этому договору нефтепромышленники впервые в России, при отсутствии легальных видов рабочих организаций, признали представительство рабочих, удовлетворили требования рабочих об улучшении условий труда, повышении зарплаты и оплаты времени забастовки.

[3] Так официально называлась та организация рабочих, которая была создана попом Гапоном с разрешения правительства и с ведома охранки в начале 1904 г. в целях борьбы с влиянием революционной с.-д. на рабочие массы и отвлечения пролетариата от «политики», т. е. от его основных задач — свержения самодержавия и капиталистического строя.

[illegible] Произошла демонстрация, устроенная ППС (Р.Р., 58, 19)

3

Петербург. Ввиду неудовлетворения требования о возвращении 4 уволенных рабочих, забастовал Путиловский завод, 12.000 чел. Стачка проходит организованно, машины и имущество охраняются, отправлены депутации на другие заводы (В., 433).

Москва. Вечером на Николаевском вокзале молодой человек три раза стрелял в московского обер-полицеймейстера, ген.-майора Д. Ф. Трепова. Трепов невредим. Покушение связывают с избиением полицией молодежи на Тверской 5—6 декабря (Н. вр.; П., 105).

Елисаветград. В начале января на соединенном заседании О-ва распространения ремесл и грамотности и О-ва охранения народного здравия после докладов неизвестный произнес противоправительственную речь, требуя созыва Учредительного собрания с всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосов и закончил возгласом: «Долой самодержавие!» В это время потухло электричество, а когда оно загорелось, то ни оратора, ни окружающих его рабочих не было. По залу оказалась разбросана масса прокламаций, которые публика разобрала. По закрытии заседания прокламации отбирались полицией (В., 8, 9).

4

Киев. При баллотировке резолюции на заседании V съезда русской группы Международного союза криминалистов принята резолюция о введении в России представительного правления. Председатель русской группы сенатор Фойницкий ввиду несогласия с резолюцией объявил съезд закрытым (В., 9, 17, П., 198).

Петербург. Прекращены работы на предприятиях Нарвского района (К. Л., 1, 333).

5

Петербург. Возобновилась стачка на заводе Шау, безрезультатно бастовавшем четыре дня 2 недели тому назад. Забастовал Невский судостроительный завод. Выставлены экономические требования. Бастует завод Франко-русского о-ва, около 4—5 тыс. чел. Запрещена розничная продажа газет «Русь» и «Русские ведомости» и сделано второе предостережение газете «Наша жизнь» (П., 108). — Депутация правления «Русского о-ва рабочих» в правление Путиловского завода. (К. Л., 22/I, 318).

6

Петербург. К стачке путиловцев присоединились предприятия Выборгского и Васильевского районов. В Выборгском районе происходят собрания рабочих. Выступают организованные рабочие; один из них произнес эсдековскую речь, встреченную аплодисментами. Собрание на Петергофском шоссе в несколько тысяч человек рабочих отнеслось к с.-д. иначе: листки рвут, но резолюция такова, что под ней может подписаться любой с.-д. — На Васильевском острове в собрании принята резолюция о всеобщей забастовке. Гапон заявил, что все забастовщики пойдут ко дворцу с требованием рабочих; под петицией уже до 7.000 подписей (полностью имя, фамилия и адрес). В требованиях — Учредительное собрание и все свободы. «Если царь даст все это, — говорит Гапон, — то значит любит свой народ, а если нет, то это ложь; гг. с.-д. и с.-р., мы очень уважаем вас, но просим: не мешайте нам теперь», т. е. итти с петицией (В., 4, 4—5).

Во время водосвятия на Неве в «высочайшем» присутствии одним из орудий, расположенном на Петропавловской крепости, при салюте был произведен, вместо холостого, выстрел картечью. Обстрелен помост Иордани, набережная и разбиты стекла 4 окон дворца. Ранен один городовой. Для выяснения причин этого случая назначена комиссия (П., [illegible]). — Провал типографии группы при ЦК ([illegible] Л., 1, 71).

Р[illegible]. [illegible] демонстрация [illegible] красными флагами и [illegible] двигалась по Александровской, разбрасывая прокламации на русском и [illegible] языках. Демонстранты были [illegible] и [illegible]. Несколько человек арестовано (П., 112, Риж. вестн.).

7

Петербург. С утра по улицам толпы рабочих останавливают заводы. К стачке путиловцев присоединяются остальные фабрики и заводы.

Утром считали 40 000 забастовщиков, а к вечеру на 24 производствах уже 82.000. (английские газеты давали цифру 75.000). За Нарвской заставой группы рабочих; выступают агитаторы. Везде порядок образцовый. Полиции меньше, чем обыкновенно (В., 4, 4—5). Письмо Гапона и 11 представителей отделов «Собрания» к министру внутр. дел с приложением петиции царю (О. Д.; П., 1, 45).

8

Петербург. Стачка стала всеобщей. Официальное число участников стачки определяется в 100—150 тыс. чел. Вся промышленная, торговая, общественная жизнь замерла. Из газет вышли: «Правительственный вестник», «Ведом. СПБ градоначальства». Ежедневно массовые собрания рабочих во всех частях города. Руководство движением в руках зубатовцев[1]. Речи с.-д. принимаются сочувственно, хотя зубатовцы и пытаются устраивать оппозицию (В., 4, 6—7).

Петербург. Из-за ареста депутата стали мастерские Николаевской ж. д. Депутат арестован после того, как в речи упомянул о свободе собраний, неприкосновенности личности и пр. (В., 9, 34). Поздно вечером либеральная депутация посетила Витте, прося принять петицию рабочих и не применять войск. Витте отослал их к Мирскому, а последний не принял. Тов. мин. внутр. дел Ржевский принял очень сухо и указал, что убеждать надо не правительство, а рабочих; что правительство прекрасно обо всем осведомлено и решения его неизменимы. Собрание либералов, выбравшее эту депутацию, предполагало отговаривать и рабочих, но присутствовавший на собрании друг Гапона заявил, что это будет бесполезно, так как решение рабочих бесповоротно. (Сведения корреспондента английской газеты «Дейли телеграф» г. Диллона и др.; В., 5, 6).

Люцин. Крестьянские волнения (П. И., 220, 1).

Саратов. В чайной во время концерта публика, преимущественно из рабочих, избрав своего председателя, обсуждала политические вопросы (П., 194).

Одесса. Политические дела в судебной палате: по 126 и 129 ст. у. у. Вайсман оправдан, Роскинд приговорен на поселение, Хавин к 1 г. крепости. Все три дела шли без допуска публики. Оправдан Финкельштейн, а Глус и Заславский, по 250 ст. ул. о нак., — на поселение (П., 193—194).

Двинск. Демонстрация, организованная Бундом, в связи с голодовкой в тюрьме (П. И., 232, 2).

9

Петербург. Шествие рабочих к Зимнему дворцу с петицией, организованное Гапоном, расстреляно. По официальным сведениям убито 96 и ранено 223 человека; по сведениям иностранных корреспондентов число убитых и раненых определяется в 4.600 чел. Возмущенные рабочие в двух местах на Васильевском острове устроили баррикады. В числе убитых на баррикадах с.-д. Бердичевская и Архангельский.

Петербург. Корреспондент английской газеты «Дейли телеграф» г. Диллон сообщает, что вечером состоялось собрание в Вольно-экономическом о-ве представителей образованного о-ва и буржуазии до 1.000 чел. Не чувствовалось руководства. Настроение выжидательное и фаталистическое. В Александринском театре один адвокат во время представления протестовал против увеселений. Полиция не решилась тронуть его, так как он был поддержан многочисленными возгласами. На собрании Вольно-экономич. о-ва составлено воззвание к офицерам,

---

[1] Зубатов, бывший провокатор, ставший впоследствии начальником моск. охран. отд., пытавшийся в 1902—1903 гг. организовать в России под руководством охранки легальные рабочие экономические организации с теми целями, что и гапоновские организации. Поэтому все подобные «рабочие организации» и назывались зубатовскими, а их организаторы — зубатовцами, само движение — зубатовщиной.

Попытка Зубатова создать не революционные, чисто экономического характера рабочие организации под руководством агентов правительства окончилась грандиозной всеобщей забастовкой рабочих на всем юге России в 1903 г., за что сам Зубатов был снят с должности начальника моск. охран. отделения и отправлен в ссылку. Вторая такая же попытка его «последователей», Гапона и гапоновцев, окончилась событиями 9 января 1905 г.

…подписанное 17[illegible] Указывая на сущность совершившихся событий, в обращении говорится: «Вы учитесь на средства народа, из народной казны получаете жалованье, штыки и ружья куплены на народные деньги. Вы — дети народа и вас посылают убивать своих сестер и братьев. Вдумайтесь, что произошло 9 января 1905 г.» (В., 5, 13—14).

Смоленск. Митинг на заседании о-ва книгопечатников, выступали с.-д. (Р. Р., 69, 14).

10

Петербург. Город имеет вид завоеванного неприятелем. На улицах поминутно патрули и возбужденные группы рабочих. Вечером многие улицы темны: электричества и газа нет. На Невском опять нападение на офицеров и столкновение толпы с войсками, которые стреляют (у Аничкова три залпа). На Васильевском острове взятые в воскресенье войсками баррикады снова сегодня возобновлены и снова взяты солдатами. Учебные заведения закрыты. Рабочие на частных собраниях обсуждают меры сопротивления (В., 5, 5; П., 111). — Ввиду некоторых уступок рабочие Николаевской ж. д. стали на работу (В., 9, 14). — Закрыты администрацией собрания «Русского о-ва рабочих» (Н., 83, 4). — Политехнический и технологический институты забастовали. Резолюции о борьбе и поддержке требований рабочих (П. И., 212, 213; О., 65, 225).

Москва. Начались забастовки рабочих (В., 5, 7).

Новгород. Гласные губернского земского собрания собрали частное совещание с выборным председателем. Находя, что нынешний государственный строй привел Россию к внешнему и внутреннему кризису, а в последние дни к «ужасающим событиям, сопровождавшим рабочее движение в Петербурге», единогласно постановлено требовать созыва народных представителей. Когда же на губернском собрании председатель, губ. предводитель дворянства, не допустил обсуждения вопроса о поручении ему обследовать причины и размеры «столичного погрома», где, очевидно, пострадали и уроженцы новгородской губ., — собрание, «удрученное тяжелыми событиями», единогласно постановило приостановить свои обычные занятия (В., 9, 11; П., 111).

Саратов. Губернское земское собрание прекратило занятия ввиду запрещения обсуждать постановления земского съезда (О., 65, 258). — Митинг на студенческом вечере (Н., 35).

Харьков. На первом заседании губернского земского собрания принят адрес Николаю II, очень резкий по форме, требующий созыва народных представителей (В., 8, 9).

Рига. В 11 час. вечера на чрезвычайном собрании русского литературного кружка [illegible] и были разбросаны прокламации (Приб. край; П., 184).

11

Петербург. Указ Прав. сенату об учреждении СПБ-ского генерал-губернаторства с подчинением ему всех гражданских учреждений и всех учебн. заведений, жандармской полиции, фабрик, заводов, с правом утверждения лиц городского и земского управления и высылки отдельных лиц из столицы. Генерал-губернатором назначен генерал-майор Трепов, которому объявлена высочайшая благодарность за отлично-усердную службу в должности московского обер-полицеймейстера (П., 97, 103; Пр. В., 8).

Арестованы члены либеральной депутации 9-го января: Гессен, Арсеньев, Кареев, Пешехонов, Мякотин, Семевский, Кедрин, Шнитников, Иванчин-Писарев и Горький. — Собранием журналистов принята петиция к министру внутр. дел Святополк-Мирскому с протестом против цензуры и требованием созыва земского собора. Подписались представители газет: «Право», «Наши дни», «Сын отечества», «Биржевая газета», «Новое время», «Новости», «Русь», «Петербургская газета», «Свет», «Петерб. листок», «Petersburger ztg», «Петерб. ведомости». — Выражением общего сочувствия жертвам 9 января были похороны студента политехнического института Савинкова, убитого на Дворцовой площади. На похоронах присутствовали директор института Гагарин и все студенты. Институт закрыт. На могиле произнесены речи. (В., 5., 12).

Институт путей сообщения постановил забастовкой поддержать рабочих (П. И., 212; О., 65).

Предприниматели совещаются с министром финансов по вопросу об уступках рабочим (В., 5, 6). Опубликовано обращение к рабочим, подписанное министром финансов Коковцевым и ген.-губернатором Треповым, обещающее экономические реформы и предостерегающее от политической агитации (П., 100—101).

Колпино. Столкновение с войсками 20 000 рабочих, шедших с петицией в Царское село, много убитых. Рабочие дважды нападали на Царскосельскую ж. д., рельсы разобраны на протяжении 7 верст. Поезда остановились (В., 5, 5).

Москва. Стачка рабочих разрастается. Бастуют заводы Жако, Шустова, Гивартовского, Фарбверке, Шлихтермана, Гоппенера, Бахрушина, Михайлова, Цинделя, Шредер, Бромлей, Венкельд, Бари; становящиеся на работу снимаются товарищами. На фабриках на окраине патрули. Работающие фабрики охраняются войсками. Рабочие ходят толпами по окраинам, на центральные улицы их не пропускают (Р. А.; П., 109—110). — Рабочие пока не заявляют никаких требований, бастуют единственно из сочувствия к петербургским рабочим (В., 5, 7). — Собрание помощников присяжных поверенных, признавая, что действия петербургского правительства являются организованным массовым убийством, что самодержавное правительство привело страну в состояние полной анархии, что мирные средства борьбы за право и жизнь уже исчерпаны, — находит, что на убийства и анархию в интересах самообороны и восстановления попранного права возможен только один ответ: борьба с петербургским правительством всеми возможными средствами, не исключая и насилия (В., 6, 7—8).

Гельсингфорс. С утра на Сенатской площади собралась густая толпа рабочих, интеллигенции и молодежи с красными флагами. С криками «Да здравствует революция, долой тиранию, войну!» толпа прошла по улицам, устраивая демонстрации перед домами ген.-губернатора и прокурора сената, произносились революционные речи и пелись революционные песни. Толпа достигала 20 000 чел. («Финляндская газ.»; П., 183). — Появились казачьи патрули, арестовано 23 чел. (В., 5, 11).

Вильно. Началась общая забастовка. На улицах разъезжают казаки, наряд полиции усилен, порядок пока нигде не нарушен (Р. А.; П., 110). — Заграничные газеты сообщают о ряде стычек с полицией. Свыше 30 убитых и раненых, среди них полицейские и солдаты. Много арестованных (В., 5, 8).

Рига. Необычайное возбуждение рабочей массы под влиянием сведений о петербургских событиях. Состоялось общее собрание представителей рабочих всех районов и фабрик. Решено завтра объявить общую забастовку. Федеративный союз латышской СДРП и Бунда выпустил прокламацию с призывом к всеобщей стачке с общеполитическими и экономическими требованиями.

Вечером началась забастовка мелких мастерских. Забастовавшие проникли на заседание Литературного о-ва в гимназии и распространяли прокламации (В., 5, 14; 6, 6).

Ярославль. Общая забастовка, начавшаяся с завода бр. Тильман. Трамваи и электрическая станция не работают, закрылись магазины (П., 280—281; С. К.).

Баку. Волнения, вызванные декабрьской всеобщей стачкой, не улеглись, так как общие требования не были удовлетворены для механических заводов (2.000 чел.). Решено бороться до конца. Выпущен листок о продолжении стачки с 17 пунктами требований. Организована денежная помощь. Заводчики согласились на 9½-часовой день. Объявление об этом сорвано, так как рабочие требуют и для механических заводов 9-часового дня. Губернатор объявил, что если сегодня рабочие не приступят к работе, то иногородние будут высланы (В., 8, 11).

Владимир. На губернском земском собрании 26 гласных заявили о невозможности заниматься, когда «на улицах Петербурга льется кровь граждан». Отказ председателя голосовать это заявление вызвал бурную сцену и уход этих гласных. Заседание пришлось отложить. В городе идет подписка в пользу «семейств убитых и раненых борцов за свободу» (В., 5, 12).

Симбирск. 14 гласных губернского земского собрания составили резолюцию, требуя свободного избрания народных представителей. Председатель не допустил ее обсуждения (В., 5, 12).

Симферополь. Земство единогласно приняло адрес к царю об избрании народных представителей (В., 5, 12).

Ковно. Забастовка на всех заводах, во всех частных и жел.-дор. мастерских (В., 5, 7).

Вышел № 3 «Вперед».

Бердичев. Демонстрация, организованная Бундом (П. И., 219).

Волковыск. Волнения в 16 летучем парке артил. бригады и в казармах. Порядок восстановлен прибывшей воинской командой. 19 человек преданы суду по закону военного времени (П., 673).

12

Петербург. Число арестованных до того велико, что сажают по нескольку человек в одну камеру. С рабочими «диктатор» (ген. Трепов) совсем не цере-

монится. Городская дума приняла значительным большинством голосов ассигновку 25.000 руб. на помощь раненым и семьям убитых. (В., 5, 6—12). — Записка 342 ученых, присоединяющихся к ноябрьскому земскому съезду (Б., 31).

Москва. Забастовка расширяется. Начинают предъявлять требования (зав. Вейхельт, Бромлей).

Празднование 150-летнего юбилея Московского университета не разрешено. Московская городская дума ходатайствовала о неприменении вооруженной силы к мирным демонстрантам, а также о предоставлении рабочим союзам права собраний и мирных стачек (В., 5, 7—12; П., 112—115).

Киев. Начались стачки протеста против расстрелов 9 января.

Гельсингфорс. Демонстрации повторились. Толпы ходили по улицам с красными флагами, пели национальные и рабочие песни. Когда полиция пыталась производить аресты, раздались выстрелы, ранены 2 констебля («Финл. газ.»; П. 184). — Полиция разогнала толпу тысяч в пять. Есть раненые саблями и револьверными пулями (В., 5, 11).

Финляндия. Произошли волнения в Або, Бьернборге, Лахтисе, Котке, Выборге, Таммерфорсе, Ловизе и некоторых др. городах. Тысячные толпы, почти исключительно интеллигенции, пели патриотические песни с враждебными России криками. В Ловизе толпа пыталась разгромить полицейское управление, но была остановлена полицией («Финл. газ»; П., 184).

Варшава. Масса прокламаций с.-д. Польши и Литвы по поводу петербургских событий с призывом ко всеобщей стачке и солидарному выступлению, с требованием немедленного созыва учредительного собрания (В., 5, 10).

Рига. Уже несколько недель происходят недоразумения на правительственной верфи («Ланге и сын»); к рабочим верфей примкнули рабочие некоторых других фабрик, протестующие главным образом против мастеров, берущих взятки за предоставление работы. Вышла прокламация Рижского к-та РСДРП. Рабочие нескольких заводов, забастовав, пошли по другим заводам, разъясняя события в Петербурге и Риге. Подходя к городу, толпа увеличилась до 10.000 чел. Произошли столкновения с полицией и войсками. Убит один рабочий, трое ранены; убит один городовой. Далее толпа пошла по улицам города, пока не была рассеяна. В Задвинье происходило то же. Толпа до 15 000 чел. с красным знаменем пела революционные песни и кричала: «Долой самодержавие!» Начались сходки в политехникуме (В., 5, 14). — В одном месте полиция стреляла. Арестовано 44 человека (Пр. Кр.; П., 186).

Саратов. Началась забастовка на заводах и ж.-д. мастерских. (В., 5, 8)

Казань, Томск, Красноярск. Митинги, выступали с.-д. (Пр., 14, 2[illegible]; П., 93; Р. Р., 63, 13).

Ковно. Губернатор, объявляя о стачке, приписывает ее отдельным агитаторам, обещает рассмотреть нужды рабочих, но грозит оружием в случае уличных волнений. Рабочие не поддаются увещаниям (В., 5, 7).

Могилев. Однодневная забастовка в знак сочувствия петербургским рабочим. Расчет, ввиду этого, некоторых рабочих вызывает возмущение. Губернатор Клингенберг (известный по гомельскому и могилевскому погромам) угрожает вооруженной силой (В., 5, 7).

Харьков. Арестована нелегальная типография (И., 87, 4).

Ревель. Рабочие вагоностроительного завода «Двигатель» ушли с работы и стали снимать всех товарищей на фабриках и заводах. К 10 час. утра число забастовщиков доходило до 10.000 человек. Некоторые фабрики (Лютера) останавливали до 3-х раз, поколотив владельцев (В., 6, 11). — Магазины и учреждения закрыты. Войска охраняют вокзал (В., 5, 9).

Минск. После думского заседания гласный Амброшкевич и представитель Бунда предложили резолюцию, принятую криками «Да здравствует петербургская стачка! Да здравствует социализм!». Резолюция была выработана с.-д. и Бундом. Явившаяся полиция многих переписала и кое-кого арестовала (В., 7, 7).

Воронеж. После речей статистика Воронова и адвоката Корякина собрание граждан приняло адрес о созыве учредительного собрания. (Од. Н.; П., 191 и В., 7, 7).

13

Рига. Утром рабочие двинулись в город, к ним присоединилась масса народу. Шли с знаменами и революционными песнями, впереди шел пристав Билев. Встреченные войска, как достаточно распропагандированные, неохотно разгоняли толпу. Толпа подошла к первой цепи местной школы унтер-офицеров, та пропустила ее, а затем, когда толпа дошла до второй такой же цепи, то начался обстрел с двух сторон почти без всякого предупреждения. Дано 9 залпов. При-

став Билев махал все время белым платком, но был убит при первых залпах. Убито 73 чел. и ранено до 200 чел. Ранено 8 унтер-офицеров перекрестным огнем своих товарищей; озверевшие солдаты били прикладами и кололи штыками демонстрантов. Многие бросились на лед реки, проломившийся под тяжестью толпы, и утонули. (В., 5, 14).

Варшава. Начались стачки.

Либава. Шесть человек, ворвавшись в телефонную станцию, привели ее в негодность. В это время двинулись рабочие и прекратили работы, объявив всеобщую стачку. Огромная толпа с красными знаменами и пением ходила по городу. В одном месте на знаменосца бросился с несколькими городовыми всеми ненавидимый унтер-офицер Рушевич, правая рука местного начальника жандармского управления Мезенцева, но был убит, а городовые прогнаны. В это же время вспыхнули волнения на судах стоящей здесь дополнительной части 2-й тихоокеанской эскадры. Матросы бросали офицеров в море. Арестованные (20 чел.) увезены в Ригу. Стачка в городе продолжается (В., 6, 11).

Витебск, Креславка. Начало стачек (П. И., 214—216).

Саратов. Стачка продолжается. Губернатор объявляет о применении оружия в случае насилий (П., 276).

Минск. Начали бросать работу ремесленные мастерские и мелкие промышленные заведения. Толпа до 2.000 чел. запрудила центр города (В., 7, 8).

Юрьев. Начались стачки.

Сморгонь. С.-д. и Бунд объявили стачку. К часу дня было более 3000 бастующих. Толпа со знаменем и пением демонстрировала по улицам. Затем состоялся митинг, на котором были представлены все классы населения. Полиция попряталась (В., 7, 9).

Тифлис. Прекратили работу мастерские Закавказских железных дорог, механические заводы и частные типографии, с числом рабочих до 4.000 чел. Все газеты, кроме «Кавказа» (официальной), не вышли. (Кавк.; П., 27, 9).

Москва. К забастовке присоединились рабочие мастерских Моск.-Брестской, Казанской и Нижегородской ж. д. — В окрестностях города некоторые фабрики заняты казаками. Рабочие начинают предъявлять требования: 8-час. рабочий день, вежливое обращение, библиотеки и т. п. (У Венхельт, Бромлей). - 60 гласных думы требуют экстренного заседания. Забастовала масса фабрик и заводов. Войска наготове. Губернатор ежедневно угрожает репрессиями. Он объявил даже, что рабочие подкуплены японцами и англичанами (В., 5, 7).

14

Петербург. Послание Синода, объясняющее движение 9 января «подкупом врагов России и порядка общественного» (П. В., 12).

За границей энергичная кампания среди образованного буржуазного общества Германии, Франции, Австрии, Италии за освобождение Горького (В., 5, 6).

Москва. Общее собрание моск. о-ва сельского хозяйства, выражая негодование против избиений 9 января, приняло резолюцию об учредительном собрании и постановило разослать ее всем правлениям и сельхоз. о-вам (П., 600).

Варшава. С утра забастовка. Работающих снимают и они тотчас оставляют работу. Забастовал газовый завод. Перебои в водоснабжении. Почти не работает телефон. Паника среди жителей. У булочных толпы. В 3 часа дня большинство фабрик и заводов стали, и массы рабочих на улицах. К охране порядка привлечены войска. Небольшое столкновение с выстрелами полиции на Холодной ул., убито двое неизвестных. К 10 часам вечера толпы рассеялись. Театры пустуют (Варш. Дн.; П., 271).

На Холодной ул. много раненых и убитых. Ночь прошла сравнительно спокойно (В., 5, 10).

Лодзь. Забастовало около 100.000 чел., газеты не выходят, телефоны городской и варшавский не работают (В. Д.; П., 280).

Белосток, Двинск, Полоцк. Начало стачек (Р. Р., 59, 16; П. И., 223, 2; 221, 3).

Ковно. Рабочие не поддаются ни увещеваниям, ни угрозам губернатора и бастуют. По сведениям иностранных газет, хозяева склонны на повышение заработной платы (В., 5, 7).

Митава. Рабочие забастовали и демонстрируют с знаменами, песнями, разбрасывают прокламации, останавливают фабрики (В., 5, 9—10).

Либава. Толпа вечером разрушала телеграфные столбы (В., 5, 10). Шумные демонстрации в разных частях города. Стягиваются войска (Либ. В.; П., 276).

Рига. Газеты не выходят, стал трамвай, занятия учебных заведений приостановлены до 18-го. К стачке присоединились последние заводы и мастерские

Было две громадных сходки рабочих, решено продолжать стачку и участвовать в похоронах убитых — Большая сходка в политехникуме, из окна вывешено знамя с надписью: «Слава павшим, месть убийцам». Город возбужден. Полиция скрылась (В., 5, 14—15).

Минск. Стачка продолжается почти во всех предприятиях. Газет нет. Толпы увеличиваются (В., 7, 8; П., 281).

Саратов. Стачки продолжаются (П., 277).

Симферополь. На заседании сельхоз. о-ва принята эсдековская резолюция (И., 87, 6).

15

Петербург. Обыски в редакциях «Наша жизнь» и «Наши дни» Отобраны корректуры и подробные отчеты за неделю с показаниями очевидцев. Полиция старается посеять недоверие и вражду между населением и рабочими. Стачечники протестуют против клеветы (В., 5, 6).

Брянск. Начались стачки.

Варшава. С утра мелкие недоразумения: порча телефонных будок, закрытие магазинов, снимание седоков с извозчиков. В 12 час около 2000 студентов толпа прошла по Новому Свету и Краковскому предместью и были разогнаны на Театральной площади. После полудня движение усилилось. Разграблены 2 оружейных магазина. Началась забастовка средних учебных заведений. На улицах происходят столкновения толпы с войсками. Стачка охватила все предприятия (Варш. Д.; Т. А.; П., 271—275; В., 5, 10).

Газеты не вышли. Почта не работает. Разбиты винные лавки и магазины. Вино выливается, его не пьют Варшава объявлена на положении усиленной охраны (В., 6, 12).

Одесса. Начало забастовок (В., 5, 2—74).

Лодзь. Провозглашена всеобщая стачка. Газет нет Кафе и рестораны закрыты. Банки и газовый завод охраняются войсками. Ученики коммерческого училища раздают прокламации. Произошла демонстрация. Лодзь и вся Петроковская губерния на положении усиленной охраны (В., 5, 11; П, 190).

Житомир, Полоцк, Ровно, Горы-Горки. Демонстрации (П. И, 3, 214—215; 4, 220; И., 86,88).

Рига. Грандиозные похороны убитого студента Пичуркина. Участвовало до 20 000 чел. Венки с революционными надписями, речи над могилой. Полиция скрылась. Казаки бездействовали (В., 5, 15).

Ровно. Произошла демонстрация.

Митава Толпы рабочих на улицах. Столкновений нет. (В., 72)

Киев. Студенты политехникума оказали сопротивление полиции (П. И., 214, 7).

Саратов. Часть учеников мужских высших и средних учебных заведений, прекратив занятия, отправилась снимать женскую гимназию, но у запертых ее ворот произошло столкновение с полицией и патрулем казаков, которые разогнали учеников нагайками (П. 277).

Юрьев. Произошла демонстрация.

Мелитополь (Таврич. губ.). Во время сходки нагрянула полиция, но когда стали вооружаться чем попало, то полиция отступила, арестовав несколько человек из пытавшихся скрыться. Однако сходка с пением революционных песен подошла к участку. После переговоров, ввиду подхода войскового начальника с конвоем, все пришедшие были переписаны, но арестованные отпущены (В., 9, 11)

16

Петербург. Министр внутр. дел Святополк-Мирский уволен. Член гос. совета Булыгин назначен министром внутр. дел (Пр. В.).

Гомель. Начались забастовки.

Лодзь. Многотысячная сходка на Магистральной. Ораторы призывали к борьбе с царизмом. Полиция, находясь тут же, не мешала. Вчера полиция пыталась натравливать толпу на евреев. На улицах мелкие столкновения (В., 5, 11).

Бобруйск. Происходят стачки.

Варшава. Город наводнен прибывшими войсками, но движение толпы усилилось. Разгромлено несколько винных лавок, но пьянства нет. Толпы рассеиваются оружием, слышны выстрелы. Убито за три дня 60 чел., раненых зарегистрировано 69. Задержано 300 чел. Рабочие не дали себя спровоцировать на общую бойню и демонстрировали по 500—1.000 чел. с пением и знаменами по разным частям города. Число убитых и раненых считают до 1 800 человек (В., 5, 11)

Борисов. Объявлена стачка.

Рига. Повсюду патрули. Водопровод, газовый завод и телефон охраняются. В газовом заводе работают солдаты. Приказано в 7 час. вечера закрывать все ворота (Пр. К.; В., 5, 15).

Шклов. Всеобщая стачка.

Горки (Могилевской губ.). Столкновение толпы с полицией. Двое убито (М. Г. В.; П., 279).

Волковыск. Объявлена стачка.

Минск. Забастовка усилилась. Присоединились служащие учреждений, приказчики и конка (П., 282).

Митава. Забастовавшие рабочие демонстрировали.

Батум. Днем на Ардаганской ул. убит полицейский офицер кн. Гуриели — «батумский Трепов». Убийца скрылся в толпе, из которой были выстрелы. Убитого Гуриели никто не хотел хоронить. Ввиду угроз гробовщики боялись продавать гроб (Р. А.; П., 110). После спектакля «Кен Грэк» толпа рабочих с пением революционных песен прошла по городу (В., 8, 11).

17

Митава. Стачка продолжается. Гарнизон ослаблен отсылкой роты в Виндаву. Произошли столкновения, ранен 1 полицейский.

Бердичев. Начались стачки.

Либава. Стачка продолжается. Батальон пехоты и батарея артиллерии посланы сюда из Вильно (В., 5, 10 и 6, 11).

Виндава. Стачка приостановила выгрузку и выгрузку пароходов (П., 282).

Смоленск. Начались забастовки.

Варшава. С утра появились трамваи и извозчики (Варш. дн.; П., 273).

Лодзь. Из 150.000 рабочих забастовало 100.000 (В., 5, 11).

Иваново-Вознесенск. Началась забастовка (В., 9, 16).

Петербург. На многих заводах и на Николаевской ж. д. рабочие фактически осуществляют 8-часовой день. На целом ряде заводов вторично началась стачка: Путиловском, Машиностроительном, Балтийском, Ижорских. На этих заводах объявлено, что рабочие, не явившиеся сегодня на работу, рассчитываются. Вследствие протестов закрыты все учебные заведения (Б., 35).

Харьков. Начались забастовки протеста. В фойе театра до 400 чел., собравшихся с запрещенного банкета в честь юбилея Московского ун-та, организовали митинг. Принята резолюция об учред. собрании (В., 8, 9). Председательствовавший прис. повер. Гонтаров арестован (Пр. Кр.; П., 452).

Тамбов. Происходят забастовки.

Саратов. Временно прекращены занятия средних учебных заведений (П., 277).

Красноярск. Началась стачка (Р. Р., 63, 13).

Батум-Пристань. Толпа до 500 чел. сняла рабочих на пристанях жел. дороги Русского и Российского пароходных об-в; погрузка прекратилась; при грузах оставлены караульные. Требуют увеличения зарплаты. Того же требует прислуга станции Рион (Кавк.; П., 278).

Крынки. Демонстрация (П. И., 219, 3).

Смоленск. Начались забастовки.

18

Брест-Литовск. Начались стачки.

Виндава. Рабочие элеваторов и жел. дороги забастовали. Все заведения и банки закрыты. Стачечники спокойно собираются на площади. Элеваторные рабочие, начавшие забастовку, после обещания уступок приступили к работам (В., 5, 10).

Рига. При возвращении 10.000 чел. с похорон трех рабочих, убитых в предшествующую бойню, все шли мирно, но на одном перекрестке какой-то городовой так грубо пристал с требованием разойтись, что на него набросились. Он свистком вызвал казаков, применивших огнестрельное и холодное оружие. Возмущенная толпа отвечала чем могла. В больницу доставлено 60 раненых, убито из толпы семь человек и 2 казака. — Выясняется, что бойня 13-го была организована по указанию из Петербурга. Убирать раненых солдаты запрещали, так что многие умерли от потери крови. Из Двины извлечено 90 трупов участников демонстрации. — Стачка продолжается, возбуждение усиливается с появлением штрейкбрехеров; организованы патрули. Губернатор не мог обеспечить охрану типографий, чего требовали редакторы, как условие выпуска газеты. Войска ненадежны. На-днях были беспорядки запасных белорусских и литовских губер-

ний, отправляемых на Дальний Восток. Они прогнали офицеров и кричали: «Долой самодержавие», пока не были окружены местным унтер-офицерским батальоном (В., 6, 11).

Лодзь. Город неузнаваем, похож на осажденную крепость. Все закрыто, витрины забиты досками. Трамваи не ходят. На улицах патрули и сотни народа у булочных. Ждут общей стачки польского промышленного района (В., 5, 11).

Радом, Ковров, Люблин, Речица, Паричи и Щедрин (Минской губ.). Забастовки (И., 86, 91; Б., 35; П. И., 215, 217).

Шавли. С утра забастовка. Забастовщики обходят предприятия и их толпа растет. Они потребовали прекращения занятий учебных заведений. Уездный съезд отложил рассмотрение дел. Собрание стачечников постановило: «Вина не пить и никого не обижать» (С.-З. Кр.; П., 281).

Бердичев. Демонстрация (П. И., 214).

Вышли № 4 «Вперед» и № 84 «Искры» (оба о событиях 9 января).

Гомель. В сходку забастовщиков стреляли солдаты и городовые. Убита Дворкина 17 лет, тяжко ранены Коган 15 лет, Резникова 17 лет и Фридман 16 лет, из них двое умерли. Солдаты стреляли по команде городовых. (Н. Д.; П., 280).

Вильно. После похорон товарища толпу рабочих, шедших совершенно спокойно, стали выпускать по одному с кладбища. Рабочие вновь собрались на Немецкой, где ввиду энергичных мер полиции стали раздаваться протесты. Полиция с дворниками бросилась на рабочих. Есть пострадавшие с обеих сторон. 10 чел. арестовано (П., 114).

Сморгонь. За недостатком средств окончилась забастовка. В город приехал губернатор с 400 солдат и 36 казаками. Арестовано до 60 рабочих. Распространено до 2.500 прокламаций (В., 7, 9).

Иваново-Вознесенск. Забастовали заводы Калашникова, Анонимного о-ва, Полушина, Дербенева и Горелина. Присланы из Костромы 700 солдат с 10 офицерами. Разъезжают патрули. Винные лавки закрыты. Забастовщики ведут себя мирно, но их хватают партиями и избивают до крови. Арестовано 25 чел. (В., 9, 16).

Самара. Вследствие забастовки рабочих газеты не вышли (П., 280).

Екатеринослав. Забастовали Юзовский, Днепровский и Брянский заводы (В., 7, 14).

Москва. Появились известия об окончании стачки; считают, что из 170 тыс. рабочих бастовало 43 тыс. Эти официальные сведения, конечно, преуменьшены, так как общее число московских рабочих уже гораздо больше (В., 57).

Томск. Полиция и казаки напали на демонстрацию, избивали чем попало и где попало, даже в частных дворах и особенно в 5-м участке. Арестован председатель банкета, известный семидесятилетний Потанин (В., 9, 11).

Убит с.-д. Кононов. Совет Технологического института протестует против избиения 9 января, требует гласного суда над виновными и присоединяется к требованиям конституции (О., 67, 287; П., 341).

Батум. Забастовали ремонтные рабочие и путевые сторожа на линии Батум — Саджеваха (Кавк.; П., 278).

19

Петербург. 34 рабочих — «представителя» различных петербургских фабрик и заводов, подобранных для этого случая полицией, приняты царем в Александровском дворце Царского села. Николай II произнес речь о том, что-де-расстрел произошел вследствие вовлечения «изменниками» рабочих в бунт в то время, когда нужно наибольшее напряжение сил для одоления врага; что он, царь, знает — якобы — их нужды, но что требуется терпение и справедливость к хозяевам и условиям промышленности; что-де-будет сделано все для возможного улучшения их быта и обеспечения законных путей для выяснения их нужд (П., 175).

Ченстохов. Происходят стачки.

Томашев. Объявлена стачка.

Рига. К толпе в 1000 чел., шедшей к Балтийскому заводу для возобновления работ, обратился рабочий и стал их отговаривать. Городовые схватили и потащили его, но, когда у одного из городовых выпал револьвер, рабочий схватил его и, выстрелив, ранил одного городового (Р. В.; П., 275).

Лодзь. Столкновение рабочих с войсками.

Шавли. Исправник пригласил фабрикантов и представителей рабочих. Состоялось миролюбивое соглашение, плата увеличена и рабочее время сокращено (С.-З. Кр.; П., 281).

Щедрин. Началась стачка. (П. И., 217, 3).

Царство Польское «В. Дн.» сообщает, что началась забастовка предприятий Петроковской (Томашев. Ченстохов (К. Л, 83), Калишской, Радомской, Люблинской и Варшавской губернии; причем в Лодзи и Радоме войска стреляли. «Газета Радомска» сообщает список 25 умерших от ран в Радоме, из них 16 несовершеннолетних (один 10-ти и двое по 14 лет) и 5 жителей посада Скаржиско. Забастовка в Сосновицком районе и Домброве, пограничном районе. Народ шел большими толпами, снимал с работ. Прибыл в Сосновицы полк солдат (Сл.; П., 274).

Одесса. В 10 час. утра вблизи здания полиции Израиль Бурак, 20 лет, стрелял в ехавшего полицеймейстера, полк. Головина, и ранил его в лопатку. Бурак задержан, у него найдены прокламации (Р. А.; П., 190).

Тифлис. К забастовке присоединились рабочие фабрик Адельхановская, Мир и приказчики Томалишевых, всего 4.000 чел. Собравшиеся 2000 жел.-дорожников требовали освобождения арестованных накануне. Агитаторы арестованы (Кавк.; П., 279).

Кутаис. Демонстрация молодежи, рассеянная полицией. Арестовано 7 чел. (В., 8, 11).

20

Варшава. Рабочие предместья Воля, игравшие особо видную роль в забастовке, подали президенту Варшавы протест против обвинения их официальным «Варшавским дневником» в разграблении лавок (П., 274).

Батум. Начались стачки.

Нарва. Началась забастовка (В., 5, 8).

Псков. Ученики средних учебных заведений демонстрировали с «Марсельезой». После бесплодных предложений разойтись, губернатор послал полицию и пожарных, которые избили демонстрантов (В., 9, 16).

Юрьев. Демонстрация рабочих. На некоторых фабриках самочинно сократили рабочий день (В., 9, 16).

Казань. Забастовали на заводах Рамма, Алафузова, Свешникова, Локке и три типографии. Главное требование — сокращение рабочего дня, увеличение платы на 20% (В., 8, 10).

Казанский к-т с.-д. (б-ков) выпустил бюллетени и корреспонденцию о событиях 9-го января, а затем призыв к стачке. Первые отозвались алафузовцы и сняли остальных, но в город их не пустила полиция (В., 15, 17).

Тифлис. С утра остановились конки и трамвай, но под охраной солдат конное сообщение восстановлено (Кавк.; П., 289).

Кутаис. Демонстрация; ранен городовой. Арестовано 40 чел. (В., 8, 11).

Гомель. Демонстративные похороны убитого рабочего (П. И., 21, 2).

Царицын, Невель (Витеб), Мозырь, Щедрин и Пинские ж.-д. мастерские. Стачка (О. Д. П., 1. 291; П. И., 215, 217, 220, 221).

Киев, Харьков, Варшава и Казань. Вследствие студенческих волнений закрыты университеты.

Могилев. Арестовано до 50 чел. Все они избиты в участке (П., 736).

Москва. Очередное общее собрание присяжных поверенных, обсудив события 9—11 января, постановило: выразить горячее сочувствие рабочим и глубокое соболезнование жертвам и их семьям, заявить о чувстве глубокого ужаса, охватившего всех при вести о том, что сограждане наши в рядах русских войск осмелились поднять оружие против своих братьев; выразить свое презрение официальным и добровольным клеветникам, измыслившим, будто русский народ способен продаваться за деньги иностранцам, и негодование и возмущение действиями русского правительства (В., 9, 10—11).

21

Диди-Джихаиши (Кутаисского у.). Крестьянская демонстрация совместно с учениками сельского училища. Схватка с казаками, убит 1 крестьянин, несколько человек ранено (В., 9, 17).

Варшава. Отказано в просьбе жителей увести войска с улиц. Магазины открыты. Газеты начали выходить. Многие фабрики приступают к работам (П., 274).

Саратов. Волнения среди запасных (П., 2016).

Казань. Произошло столкновение бастующих рабочих с полицией и запасными, двинутыми против них (В., 15, 18).

Митинг учащихся и рабочих в ресторане. Развернули два знамени с надписями: «Свобода» и «Вечная память». Распространялись прокламации местного к-та с.-д. Принята резолюция о всеобщей забастовке под клики «Долой само-

державы!», «Да здравствует учредительное собрание!» (В., 8, 9). — Предложение либералов об обращении в кабинет министров вызвало бурные протесты (В., 15, 18).

Самтреди. Железнодорожные рабочие и окрестные крестьяне в течение нескольких часов демонстрировали, заставив пристава идти с красным флагом. Сопротивлявшийся старшина смертельно ранен (Пр., 98).

Эривань. В полдень двумя лицами произведено покушение на помощника шаруро-даралагезского уездного начальника Скибинского, оставшегося невредимым. Один покушавшийся скрылся, другой убит стражником (Р. А.; П., 236).

Орехово-Зуево. Начались стачки.

Харьков. Совет у-та указывает, что лишь желание и способность студентов к работе является необходимым условием продолжения занятий и что эти желания и способности возможны лишь при установлении условий безопасности обсуждения всех волнующих студентов вопросов (П., 595).

Лодзь. Столкновение рабочих с войсками. Убито 6, ранено 48 рабочих (В. П., 9).

Радом. Войсками расстреляна демонстрация.

22

Екатеринослав. Мирная забастовка. Требования экономические. Многие заводы приступили к работе (В., 9, 16). — Забастовали Петровский завод (Енакиево) и металлический завод (Бахмут. у.), Криворожские рудники (Славяносерб. у.) (В., 9, 16).

Губернатор принял депутацию стачечников и обещал рассмотреть и по возможности удовлетворить требования (В., 15, 18).

Сосновицы. Начались стачки.

Казань. В университете на ряде курсовых собраний приняты решения о забастовке. — Губернатор предупреждает, что беспорядки будут решительно прекращаться и обещает обеспечить желающим возможность безопасно работать (П., 280; В., 8, 9).

Петроков. Забастовки.

Севастополь. В военно-морском суде объявлена резолюция по делу о беспорядках в казармах Черноморского флота в ноябре 1904 г. 5 чел. приговорены к каторге, 7 — оправданы, 23 — в дисциплинарный батальон и арестантские роты (П. А.; П., 286).

Тула. Бастует ряд предприятий.

Самара. С 18/I ввиду забастовки не выходят газеты (П., 230).

Киев. «Союз мыслящих офицеров» выпустил воззвание к товарищам с призывом «примкнуть к движению всей России» (Освоб., 67, 274).

Могилев. Избиения полицией граждан в участках продолжались вчера и сегодня. Обыватели просят городское самоуправление оградить их безопасность (П., 736).

Пинск, Поти. Забастовки (О. Д. П., 193 и П. И., 221).

23

Лида. Митинг протеста, организованный с.-д. и Бундом (П. И., 215). — Демонстрация.

Петербург. Дознанием о выстреле 6 января на водосвятии выяснено: первая гвардейская батарея, салютовавшая 6/I, за два дня до того производила учение с учебными снарядами, один из которых, повидимому, по недосмотру остался в канале одного из орудий. Орудия ни после учения, ни перед салютом не были «пробанены». (П., 179) — Представители ученых и высших учебных заведений Петербурга в количестве 342 чел. составили записку об угрожающем положении просвещения в России, выход из которого видят только в требованиях съезда земских деятелей, к которым и присоединяются. — Закрыты: университет, академия художеств, институт инженеров путей сообщения и технологический, политехникум, женский медицинский институт и женские высшие курсы (П., 183) — Учреждена комиссия сенатора Кобеко по делам печати (Пр. В., 20, 1).

Дубровка (Могил. губ.). Однодневная политическая стачка, организованная Бундом (П. И., 224).

Казань. Забастовка рабочих окончилась. Достигнуто небольшое сокращение рабочего дня, уничтожение незаконных стеснений (обыски, чистка машин по окончании работ и т. д.) (В., 15, 18).

По просьбе ректора губернатор приказал рассеять общестуденческую сходку в общежитии. Студенты забаррикадировались и сопротивлялись. К забастовке

примкнули другие высшие учебные заведения. Начальник охраны Кулаков организует черную сотню для избиения учащихся по примеру Тамбова и Пскова. Из старших классов 2-й гимназии исключено 80 чел. (В., 8, 9).

Могилев-на-Днепре. Толпа рабочих и учащихся демонстрировала с красным флагом и рев. песнями; при столкновении с полицией ранен 1 реалист (П., 449; Р. Сл.).

Сосновицы. Состоялась демонстрация.

Екатеринодар. Небольшая кучка рабочих отслужила панихиду по убитым 9/I. После панихиды появились прокламации, священник поднял тревогу (П., 454).

Сувалки. Начались стачки.

Ошмяны (Виленской губ.), Енакиево (Рус.-бельгийский зав.), Кивиры (ж.-д. депо). Забастовки (П. И., 219; И., 87, 5 и 92, 6).

Москва. Забастовали рабочие городских предприятий, требования бастующих частично удовлетворены.

24

Прекратили занятия: ярославский лицей; институт гражд. инженеров, женские педагогич. курсы в Одессе; киевский университет и политехнич. институт. Московские: с.-х. институт и техническое училище; новороссийский (одесский) ин-т Харьковские. университет, ветеринарный ин-т и технологический ин-т; варшавский ун-т; казанский ун-т; ветеринарный ин-т и духовная академия; петерб. лесной ин-т (С. К., П. А., Р. А., Ю. К., Сл. Н. Д.—П., 282–3); военно-мед. академия; варш. политехникум; петерб. духовная акад., статкурсы; н.-александр. институт (Люблин. губ.), Константиновский межевой ин-т в Москве; физмат фак-т петерб. ун-та, рождественские курсы; курсы Лесгафта и технолог. ин-т; юрьевский ун-т, моск. жен. курсы; киев. дух. акад. (П., 446).

Житомир. Забастовка (П. И., 217).

Гельсингфорс. Сын пастора, б. студент местного ун-та Карл Леннарт Хохенталь, массажист, тремя выстрелами убил прокурора Йонсона. Стрелявший ранен чинами полиции (П. А.; П., 285).

Ветка (Могил. губ.). Демонстрация. (П. И., 219).

Тифлис. Демонстрация. Брошена бомба, ранившая многих стражников. В перестрелке ранено 8 рабочих, убито несколько полицейских. Убито несколько штрейкбрехеров и 2 солдата. Объявлена комитетом с-д. всеобщая забастовка (В., 8, 11).

Батум. Сходка гимназистов постановила объявить забастовку (В., 10—11).

Петербург. Военно-морской суд приговорил по 96 и 97 ст. в.-у. (оскорбление и поранение начальства в строю) матроса 18-го флотского экипажа Гавриила Владимирова, ввиду смягчающих обстоятельств, к бессрочной каторге (П., 286).

Лодзь. Стычка на фабрике Гепенера из-за штрейкбрехерства. Убиты рабочий и казак, 15 рабочих ранено (В., 10, 9).

Кутаис. Продолжение забастовки.

Житомир. Начались стачки.

Жирардов. Происходят стачки.

Радом. Столкновения рабочих с войсками.

25

Петербург. Кабинет министров постановил отменить религиозные стеснения, не основанные на законе (П., 556).

Женские курсы Лохвицкой-Скалон прекратили занятия до 20/II (П., 339).

Могилев. Демонстрация.

Рогачев (Могилевский). Однодневная политическая забастовка, организованная Бундом (П. И., 224).

Батум. Согласно решениям к-та с.-д, в 9 ч. утра стали все заводы. Рабочие с криком «долой самодержавие!» ушли из мастерских и с марсельезой прошли по городу, приостановив все движение. Казаки избивали жителей. Большинство пароходов отходят негружеными. Погрузка кое-где производится под охраной полиции (В., 8, 17).

Макеево. Забастовка (И., 87, 5; 92, 6).

Тквибулы. Забастовки.

Кутаис. Манифестация с красным знаменем. В театре изгнана полиция, распространена масса прокламаций, произнесены политические речи. Толпа с революционными песнями прошла по городу. Волнения идут уже 2 недели. Забастовка приказчиков, водовозов, извозчиков и учащихся (В., 8, 11).

Квирилы. Демонстрация. Знаменосец тяжело ранен стражником (Прол., 98).

Юрьев. Совещание студентов, ввиду серьезного политического положения и кровавых событий, постановило закрыть ун-т на текущий семестр (П., 338).

Вышел № 5 «Вперед».

26

Батум. Убит городовой Кондрашевич. Неистовства пьяных казаков, с утра разъезжающих по городу, усиливаются (В., 10, 14).

Петербург. Объявлены на положении усиленной охраны губернии: Калишская, Седлецкая, Радомская; Кутаисский, Новосенакский и Озургетский уезды Кутаисской губ. и гор. Кутаис (П., 341).

Юрьев. Совет профессоров (32 пр. 9) постановил временно закрыть университет. До решения вопроса министром несогласные с постановлением совета профессора решили продолжать лекции (П., 338).

Чиатуры. Большая рабочая демонстрация и митинги. Началась стачка (Прол., 97).

Тквибулы. Все 800 рабочих забастовали (Прол., 98).

Красноярск. Городской голова передал на обсуждение Думы заявление гласных по поводу 9 января, но удалил из залы публику (П., 439).

27

Лодзь. Столкновения рабочих с войсками.

Батум. В гимназии после первого урока раздались в разных местах выстрелы и крики «долой самодержавие!», «долой войну!» Портрет царя прострелен и изорван. Прискакавшие казаки не застали уже учащихся гимназии. Арестован лишь растерявшийся ученик Закарнадзе с револьвером в руках. Казаки по городу избивали беспощадно всех учеников, врывались в квартиры. Избит на улице следователь Дургалов. Жизнь города замерла (В., 10, 14).

Сосновицы. Столкновение рабочих с войсками.

Петербург. На заседании отделения О-ва естествоиспытателей, по предложению С. И. Метальникова, почтена вставанием память погибших 9 января и постановлено закрыть заседание до восстановления нормальных условий академической жизни (П., 339). — На ряде заводов самовольно установлен 8-часовой рабочий день. На Ижорских заводах (Колпино) возобновилась забастовка за уменьшение рабочего дня (В., 8, 10).

Сосновицы. К заводу «Екатерина» явилась большая толпа забастовщиков, преимущественно из Домбровы, и стала ломать ворота; стоявшая здесь рота Бутырского полка стреляла; убито 21, ранено 20 рабочих (Варш. Д.; П., 449). — Сегодня не вышли поезда (П., 449, Р. А.).

Томашев-Равский (Петроковской губ.). Скрывшийся неизвестный легко ранил в голову фабричного инспектора Иванова (П., 449).

Чита. Забастовка ж.-д. мастерских и депо (И., 101).

Рига. Прекратилось все товарное ж.-д. движение (П., 449).

Грозный. Политическая забастовка (И., 87 и 92).

Варшава. Прекращено ж.-д. движение Привислинских и Тираспольской ж. д. (П., 449).

28

Петербург. Рабочие Путиловского завода самочинно ввели 8-часовой день. Сегодня начальство вывесило объявление о 10-часовом рабочем дне, под угрозой закрытия завода. Рабочие сорвали объявление и забастовали (В., 8, 10).

Записка железно-заводчиков о необходимости обеспечить «устойчивость правовой организации страны» (П., 919). — Демонстративная панихида интеллигенции по Михайловском. Толпа в 1.500 чел. прошла по Невскому в сопровождении полиции и разошлась.

Вильно. При закрытых дверях разобрано три политических дела по 129 и 130 ст. уг. ул.: Х. Б. Волынский, 19 лет, оправдан; М. Виняик-Минский, Хаим [illegible]штейн, 22 л., и Конст. Протоцкий, 22 лет, осуждены (С.-З. Кр.; П., 345).

Могилев. Трое неизвестных стреляли вечером в ехавшего по главной улице полицеймейстера Родионова. Полицеймейстер невредим (Р. А.; П., 342).

Минск. Казаки громили лавки, били окна, избивали прохожих (П., 472).

Тифлис. Все рабочие Тифлиса бастуют; начались волнения в учебных заведениях.

Кутаис. [illegible] пытались овладеть [illegible], произошла резня (Пр., 9, 7).

Ст. Самтреди. Подожжен вокзал, сняты рельсы. Рабочие и публика демонстрируют.

В Гурии официальная власть обессилена и игнорируется; управляет провинцией Народный комитет (В., 8, 11).

Батум. Грабеж казаками мирного населения продолжается весь день. Забастовка прислуги в гостиницах и у частных лиц. Скрывшиеся лица убили кондуктора Ючинчука. Близ станции Ланхуты испорчен путь.

Квирилы. Демонстрация; избит стражник, разгонявший демонстрантов; тяжело ранен один демонстрант (В., 10, 14).

Лодзь. У фабрик Шейблера и Куна столкновения рабочих с войсками. Убито 30, ранено более 100 рабочих (В., 10, 9).

29

Петербург. У ворот Путиловского завода полиция разогнала рабочих нагайками. Завод оцеплен, рабочих не пускают в город (В., 8, 10). «Высочайше повелено, независимо от обсуждения в кабинете министров общих мер упорядочения быта и положения рабочих, образовать под председательством члена гос. совета, сенатора Шидловского, особую комиссию для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем». В комиссию входят, кроме представителей заинтересованных ведомств, представители промышленников — по их выбору — и рабочих — по избранию самих рабочих (П., 329; Пр. В., 24).

Минск. Запасные ходили по лавкам и под угрозой разгрома требовали денег. Нижний базар с некоторого времени обратился в осаждаемый солдатами лагерь. Лавки почти постоянно закрыты, и обыватели дрожат за имущество (П., 452).

Киев. Жандармы весь день производили обыски. В одном месте арестовано 8 солдат и ученик художественного училища. При них 20 номеров «Искры». В другом месте взят мимеограф. В комнате, занимаемой политехником Павловым, полиция была встречена револьверными выстрелами. Политехнический институт закрыт (В., 8, 9; П., 451).

Харьков. Началась всеобщая забастовка.

Юрьев. Происходят студенческие волнения.

Нежин. В историко-филологическом институте во время лекции проф. Мандеса раздались возгласы против правительства, появились прокламации, началась химическая обструкция. Около 200 чел. вышли на улицу и прошли через весь город с революционными песнями. Полиция, застигнутая врасплох, не успела принять никаких мер (В., 8, 9).

30

Петербург. Совещание начальников высших учебных заведений под председательством попечителя Извольского признало желательным возобновить учебные занятия около середины февраля, предоставив назначение точного срока советам самих учебных заведений. В виду возбужденного состояния учащихся, объясняемого исключительными обстоятельствами времени, нежелательно применять кары за сходки или удаление всех учащихся, каковые меры только вызывают более острые осложнения. Совещание признало, что причины ненормального течения академической жизни лежат вне стен учебных заведений (Н. Д.; П., 335).

Тула. Весь состав губ. земской управы с председателем кн. Е. Г. Львовым уволен губернатором Шлиппе без прошения (П., 333).

Уфа. Губернатор Соколовский два раза не утвердил выборы Депрейса председателем земской управы и предводителем дворянства, что обжаловано дворянством (П., 333).

Казань. Гласные требуют экстренного созыва думы для обсуждения мер восстановления порядка в учебных заведениях (П. А.; П., 334).

Могилев. Состоялась демонстрация, организованная с.-д. с участием учащихся. Заранее осведомленная полиция набросилась и стала избивать даже непричастную публику, особенно учащихся. Арестованных затаскивали в участок и там избивали (В., 8, 9).

Минск. Все улицы полны пьяными солдатами, требующими у прохожих денег (С.-З. Кр.; П., 452).

Ростов-на-Дону. Убит провокатор Лисьченко (Шевченко?); арестована типография (В., 9, 18).

Финляндия. Газета «Бьернеборг Тиднинг» приостановлена на 3 месяца за

статью «К освещению современной деятельности абосского гофгерихта» (П. А.; П., 269).

Сибирь. На Сибирской ж. д. в некоторых пунктах были временные забастовки рабочих (Н. В.). Забастовало 400 чел. на ст. Красноярск. (Аг. Р.; П., 281).

Закрыты высшие учебные заведения. ярославский лицей, институт гражд. инженеров, одесские женские педологич. курсы, киевский ун-т, московский с.-х. ин-т, московское технич. уч-ще, новороссийский ин-т, харьковский ун-т и ветерин. ин-т, харьковский технолог. ин-т, варшавский ун-т, казанский ун-т и ветерин. ин-т, варшавский политехникум, военно-мед. академия, петербургская духовная академия, статист. курсы, н.-александр. ин-т, межевой ин-т, физ.-мат. фак-т петерб. ун-та, рождеств. курсы, курсы Лесгафта, петерб. технологич. ин-т, ин-т инж. путей сообщения, ин-т физ., киевск. ун-т, казанский ун-т, моск. женские педагогич. курсы, моск. ун-т (П., 282, 446). Киевская дух. академия.

Лодзь. Столкновения с войсками; убито 42, ранено до 200 рабочих в разных частях города. Прибыли войска из Варшавы. Вся жизнь замерла, все закрыто (В., 10, 9).

Кострома, Иваново, Кохма. Стачки, вызванные петербургскими событиями (В., 8, 11).

31

Батум. Согласно расклеенному листку с.-д. комитета, забастовка прекращена и жизнь сразу вошла в норму (В., 10, 15).

Воронеж. Бастуют частные механические заводы, товарная станция и фельдшера приемного покоя (В., 136).

Симбирск. Бастуют Алатырские мастерские. Телеграфисты станций Алатырь, Инза, Сызрань бастовали 3 дня (В., 9, 16).

Елисаветполь. Бастующие ученики гимназии требуют лучшего преподавания туземных языков. Их поддерживают родители (В., 9, 11).

Слоним. Все наличные рабочие местечка, 700 чел., устроили 2-дневную забастовку солидарности с петербургскими рабочими. Разбросаны прокламации. Арестовано 50 человек, введено военное положение (В., 9, 17).

Гурия. Убит мировой посредник Накашидзе (В., 11, 10).

Тифлис. Неизвестными армянами в Надыре убит подъесаул Гинтов (П., 454).

Петербург. Поданы записки петербургских и московских заводчиков и фабрикантов (760 подписей) и инженеров (500 подписей) с изложением взгляда промышленников на причины событий 9 января, в которых говорится, что «не агитация революционеров, не иноземное вмешательство, а неустройство государства виновно в трагических событиях» (П., 260—268, 430).

Томск. Городская дума, по предложению 13 гласных, обратилась к министру внутр. дел, прося о расследовании событий 18 января (П., 823).

ФЕВРАЛЬ [1]

1

Казань. Забастовка 11 типографий (В., 15, 18).
Кострома. Забастовка у Ростопчина (И., 89, 5).
Забастовал Дружковский завод Екатеринославской губ. (И., 88, 5).
Сосновцы, Ченстохов и Кострома. Забастовки. (И., 90, 8).

2

Петербург. К-т «Литерат. фонда» почтил вставанием память погибших 9 января литераторов и сотрудников газет. Короленко внес предложение ходатайствовать об освобождении Горького и Пешехонова (Н. вр., 17, 340).

Вильно. Всеобщая забастовка. Некоторые экономические уступки предпринимателей не ослабили забастовки (В., 10, 16).

Чита. Забастовка жел.-дор. рабочих, требуют своевременной уплаты жалованья и устройства бани. Ввиду прекращения подвоза продуктов, губернатор приказал удовлетворить требования забастовщиков (В., 18, 11).

3

Московский, Петербургский, Нижегородский и Северный с.-д. к-ты высказались за немедленный созыв съезда партии по программе, намеченной Бюро комитетов большинства. Бакинский комитет постановил

---

[1] Дополнительные условные сокращения:

Б. В.—Биржевые ведомости.
Б. И.—Бакинские известия.
Б. Ж.—Бессарабская жизнь.
Волг.—Волгарь.
В. В.—Виленский вестник.
В. Л.—Волжский листок.
В. О.—Восточное обозрение.
В. Сл.—Виленское слово.
В. Ю.—Вестник юга.
Г. Г. В.—Гродненские губ. ведом.
Д. Л.—Двинский листок.
Д. Р.—Донская речь.
Е.—Енисей.
Ив.—Иверия.
К.—Киевлянин.
К. О.—Киевские отклики.
Кр. В.—Крымский вестник.
К. Т.—Ковенский телеграф.
М.—Маслов. Аграрн. вопрос в России.
М. В.—Московские ведомости.
Н.—Новости.
Н. Ж.—Наша жизнь.
Н. О.—Новороссийское обозр.
О. Л.—Одесский листок.
П. А.—Петербург. агентство.
Пд. К.—Приднепровский край.
П. Л.—Петербургский листок.
Р. С.—Русское слово.
С. Л.—Саратовский листок.
С. Д.—Саратовский дневник.
С. Г.—Самарская газета.
С. О.—Сын отечества.
Т. Л.—Тифлисский листок.
Ур.—Урал.
Ф.—Финляндия.
Ф. Г.—Финляндская газета.
Х. Л.—Харьковский листок.
Ч. В.—Черноморский вестник.
Ю. Р.—Юг России.
Ю. Т.—Южный телеграф.

Цифры обозначают номер газеты или журнала и затем страницы.

В случаях отсутствия в журналах или газетах даты событий последние датируются днем опубликования известия.

прекратить сношения с ЦК (В., 8, 12). Выпущена прокламация балаханской и биби-эйбатской организации с призывом о подготовке к восстанию (П. Р., 35, 90)

Петербург. Собрание 105 приват-доцентов и лаборантов физического ин-та приняло резолюцию о невозможности при теперешних условиях нормального течения академической жизни (П., 335). Студенты академии художеств прекратили занятия, как солидарные в протесте с другими учебными заведениями (П., 443). Студенты горного ин-та прекратили занятия (П. И., 220).

Колпино. Закончилась забастовка на Ижорском заводе. В трубопрокатном цехе введен 10-часовой рабочий день. Уплачено жалованье за все дни забастовки (В., 8, 10).

Петербург. Совет ун-та, по предложению проф. Введенского, ходатайствует о расследовании случаев избиения студентов в связи с событиями 9 января (П., 340). Студенты статистических курсов МВД прекратили занятия, но так как занятия для 12 пожелавших учиться продолжались, то началась обструкция (П., 446).

4

Москва. В 3 часа дня на Сенатской площади Кремля бомбой убит проезжавший генерал-губернатор вел. князь Сергей Александрович. Силой взрыва выбиты стекла в 61 окнах здания суда (П., 390). Забастовали М.-Виндавская и М.-Курская ж. д. (О. Д., II, 261).

Ярославль. Разрешенное собрание студентов постановило прекратить занятия (П., 447).

Харьков. Совет ун-та, 21 января приостановивший занятия на 2 недели, 45 голосами против 6 одобрил записку, в которой говорится, что единственным выходом из теперешнего ненормального положения является коренная реформа ун-тов на началах полной автономии, при общей реформе государственного строя и народном представительстве. Совет предоставил студентам решение вопроса о продолжении занятий. На вызов ректора из 1.700 студентов отозвалось 52 желающих заниматься. Студенты медики 5 курса отказались держать экзамен (П., 445).

Кременчуг. Начало всеобщей забастовки (И., 89, 4).

5

Москва. Студенты технического училища прекратили занятия до осени и решили принять участие в борьбе совместно с революционными партиями (П. И., 217, 7).

Сумы. 6-й агрономический съезд заявил в резолюции, что нормальная жизнь страны возможна лишь при коренном обновлении государственного строя и свободном представительстве народа (П., 529).

Сухум-Кале (Кутаисск. губ.). Началась забастовка. Ночью до 500 чел. ремесленных рабочих оказали сопротивление полиции. С каждой стороны по 1 убитому и несколько раненых (П., 537).

Воронеж. Забастовки (И., 90, 5).

Брест-Литовск и Новогрудки (Минской губ.) (П. И., 229, 5).

Казань. Избиение студентов продолжалось до 7/II (Пути рев., 3, 111).

6

Мелитополь. Начало забастовки (И., 93, 8).

Копыс Минской. Демонстрация (П. И., 220, 2).

Томск. Демонстративные похороны ссыльного Смирнова (И., 96, 4).

Воронеж. Вышла прокламация к-та с требованием бастующих рабочих (И., 90, 5).

Петербург. Совещание начальников высших учебных заведений под председательством попечителя Извольского постановило возобновить занятия со средины февраля. В виду возбужденного состояния учащихся, вызванного исключительными обстоятельствами времени, решено не применять никаких взысканий за участие в сходках. В случае возобновления занятий нежелательны увольнения учащихся, что всегда только вызывало более острые осложнения, вынуждавшие [illegible] от принятых мер. Собрание также признало, что причины ненормального течения академической жизни лежат вне стен учебных заведений (П., 535). С [illegible] прекращены занятия в электротехническом ин-те (П., 337).

Москва. Конференция межевого института под председательством управляющего [illegible] Шмемана объявила ин-т закрытым, поставив в зависимость от решения студентов дальнейшее его открытие (П., 336).

Тула. Весь состав губ. зем. управы уволен без прошения губернатором Шлиппе (П., 333).

Одесса. Ректор новороссийского ун-та объявил, что непосещающие занятия студенты первых и последних курсов будут исключены, а других — оставлены на второй год (П., 335).

Харьков. Из 900 студентов ветеринарного ин-та только 30 пожелало продолжать занятия (П., 336).

Казань. Закончилась стачка типографщиков. Начались выступления приказчиков, требующих закрытия в праздники магазинов (В., 15, 18).

Кострома. Забастовало до 4.000 рабочих. Кое-где требования удовлетворены (В., 9, 16).

Гельсингфорс. Констебли Артур Васениус и Теодор Суре обвиняются в распространении революционных прокламаций (П, 345).

Баку. Утром на Биби-Эйбате взорвало нефтяную барку в 40 000 пудов нефти, что вызвало переполох и слухи, что армяне бросили бомбу. Часа 2 спустя молодой татарин Бабаев стрелял в армянина и ранил пытавшегося его задержать городового. Подоспевшие армяне убили Бабаева. К вечеру в городе началась перестрелка. Ночью в городскую больницу доставлено 10 убитых и 30 раненых (П., 935).

7

Петербург. Собрание студентов ун-та в количестве 3 700 чел. решило прекратить занятия до осени. 172 студента письмами в «Новом времени» заявили о своем неподчинении этому решению как «партийному, а не общестуденческому» (П., 442).

Киев. Состоялось собрание группы ж.-д. служащих, вызванное газетными сведениями о забастовке железных дорог (В., 7, 16).

Саратов и Пинск. Начались забастовки.

Киев. Начало забастовки в управлении Ю.-Зап. ж. д. Комитет выпустил воззвание к служащим управления Ю.-З. ж. д. по поводу стачки (К. Л., 1, 234 и 286).

Рига. Прокламация «Совета рабочих фабрики Паль» по поводу продолжения забастовки (К. Л., 1, 241).

Харьков. Рига. Начало забастовки (И., 89, 5).

Варшава. Забастовка Варшавско-Венской ж. д. (К. Л., 4, 78).

Харьков. Попечитель обещал студентам разрешение собраний и гарантию неприкосновенности. Министр народного просвещения разрешил лишь курсовые собрания (П., 446).

Либава. В виду волнений рабочих из Ковно вызваны войска. Ночью имели место нападения на городовых и жандармов с отобранием у них оружия. Часть заводов стала (В., 13, 7).

Псков. Произошли две демонстрации учеников средних учебных заведений с пением революционных песен и красными флагами (П., 532).

Варшава. Возобновления занятий в средних учебных заведениях не состоялось, большинство учащихся не явилось на занятия и препятствовало желавшим попасть в учебные заведения (П., 532).

Двинск. Скрывшийся неизвестный стрелял в пом. пристава (П., 537).

Феодосия. Началась стачка табачных фабрик. Стачечники прошли по городу. Толпа черносотенцев набросилась на забастовщиков. 16 человек тяжело ранено, 1 убит (В., 10, 14). Убит член РСДРП Аксенфельд, «Маркус» (В., 11, 6).

Баку. В разных частях города нападения мусульман на армян. Сотни раненых и много убитых. Всякая деятельность в городе приостановлена, банки закрыты (П., 448).

8

Сухум. Вчера и сегодня закрыты магазины, чайные, кофейные, пекарни по случаю забастовки служащих и даже части торговцев (П., 622—3).

Баку. Продолжается погром. На Базарной действуют погромщики и гремят залпы, а рядом на Парапете спокойно стоят рота солдат и 50 казаков. По Губернаторской громилы с награбленным проходят безнаказанно мимо взвода солдат, говорящих, что им не приказано трогать погромщиков. На Церковной в доме Даладжанова и Лазаревой сожжены десятки армян. На Шемахинке татары сожгли дом Лалаева на глазах городовых и казаков. Все дома сперва обстреливались залпами. Околоточные разгуливали с папиросками среди происходивших неистовств; пьяные городовые за деньги провожали опоздавших. Пом. пристава Султанов открыто ходил с шайкой татар и, увидя армянина, кричал: «Вот заяц, убивайте его». На глазах солдат, стоявших у офицерской квартиры,

татары убивали людей и даже, отрезав голову, бросали в огонь. У татар были казенные большие револьверы, полиция раздавала оружие из 4-го участка, из крепости, на Чемберекенде и др. местах. Раздавал пристав Салтанов; продавали патроны казаки. Губернатор Накашидзе заявлял жителям, что он «не в силах помочь». На промыслах и заводах стачка (В., 10, 17).

9

Баку. После полудня армянское и магометанское духовенство с властями и почетными жителями в сопровождении войск обошли город и обезоружили шайки громил. Население начинает успокаиваться, все учреждения еще закрыты, убийства и грабежи продолжаются. Трупы не убраны (П., 448).

Царские власти, зная о фанатизме и невежестве татар, разжигали их вражду к армянам с целью помешать революционному движению на Кавказе. Губернаторы охотно принимали татар в полицию и науськивали их на армян, проповедуя о желании армян забрать Кавказ и вырезать татар. Еще прошлым летом пристав Салтанов натравлял на фабрике Мирзабекьянца татар на армян, было много избитых и раненых и сам он убил армянина. Назначенный губернатором бывший эриванский вице-губернатор кн. Накашидзе, известный ненавистник армян, отличившийся с прокурором Каменевым отбиранием имущества армянских церквей, бюрократ-самодур и карьерист, — дал волю татарской провокации, усилил политику национальной травли, смотрел сквозь пальцы на участие полиции в убийствах на фабрике Мирзабекьянца, убийствах на Шемаханке и др. Мусульмане под крылом полиции действовали безнаказанно. Под этим влиянием и произошли события в Баку, когда в течение 3 суток улицы представляли поле битвы, где легли не сотни, а, может быть, тысячи жертв (В., 10, 16).

Киев. При обыске в доме Леонтьевых в общих сенях найдено 3 пуда нелегальной литературы — прокламации ученических организаций (В., 13, 20).

Поти. Легко ранен жанд. Малоржевский, стрелявший скрылся; задержан его товарищ Георгий Зандия (П., 698).

Орловская и Курская губ. Началось крестьянское движение (П., 691).

Харьков. Студенты ветеринарного ин-та прекратили занятия до осени (И., 89, 6).

Киев. Собрание учащихся до 2000 чел. Собранию представлены выработанные требования (В., 11, 16).

Париж. Организовалось литераторами и политиками «О-во друзей русского народа и присоединенных к России народов»; председатель Анат. Франс, вице-председатели М. Дориан, Ж. Поллари, Э. [illegible] (В., 10, 11).

Александровск. Началась забастовка на зав. Меньяка и захватила весь город. Бастуют заводы, мастерские, в том числе и железнодорожные обеих дорог, магазины; закрыты лавки. В городе происходят сходки рабочих. Полиция и жандармы исчезли. Массы шли по всему городу и их не могли остановить солдаты. Приказчики скоро успокоились, получив кое-какие уступки, но рабочие не собираются сдаваться. Выставлено 20 требований, главное — 8-часовой рабочий день. Забастовка перекинулась на Хортицу, Орехов, Софиевку. Всего в округе до 8.000 забастовавших (В., 10, 14).

11

Елецк на Рязано-Уральской, на Риго-Орловской, Московско-Казанской, Самаро-Златоустовской и Привислинской ж. д. Начало забастовок (И., 90, 5; К. Л., 1, 74; О. Д., 1, 55).

Баку. Представители рабочих по поводу армянской резни приняли резолюцию с.-д. (И., 89, 3).

Саратов. К-т выпустил прокламацию с призывом к забастовке рабочих ж.-д. мастерских, а также по поводу забастовки 7 февраля (К. Л., 1, 225 и 223).

Москва. Забастовали служащие Виндавской ж. д. Кроме экономических, предъявлены требования о непринятии репрессии против участников забастовки, оплате жалования за время забастовки, учреждения бюро служащих для рассмотрения всех дел о служащих и необходимой для этого свободе собрания (В., 9, 10).

Варшава. Вечером двое неизвестных шестью выстрелами тяжело ранили городовых Шведко и Орловского (П., 538).

Курск. Все учащиеся, выработав ряд требований, решили забастовать. Духовная семинария уже забастовала (П., 607).

12

Чита. Политическая стачка — протест против войны (И., 92, 6).

Брест-Литовск. Манифестация (П. И., 321, 4).

Тифлис. Всеми революционными организациями Тифлиса выпущено воззвание по поводу резни — «Ко всем народам Кавказа» (Р. Р., 6, 29).

Одесса. Митинг на заседании о-ва врачей, выступали с.-д. (И., 89, 6).

Двинск. Демонстрация детей (И., 95, 5).

Курск. Началась забастовка учащихся. Ученики мирно направлялись к другим учебным заведениям. Сопровождавшие их все время полиция и стражники по команде полицеймейстера Зарина и под предводительством пристава Пузанова и околоточных надзирателей бросились на молодежь и начались избиение. Падавших топтали, таскали по земле за волосы, били головой о мостовую. Пытавшихся спасаться в домах отшвыривали на улицу для избиения, наносили ранения шашками (П., 607).

Баку. Начало кампании протеста против армянской резни. Кампания организована Бакинским к-том (бакинская организация большевиков).

13

С.-Петербург. Председателю комиссии для пересмотра закона о печати Коковцову представлена записка с.-петербургских литераторов (П., 422). Объявлен порядок избрания в комиссию Шидловского. Право выборов предоставляется рабочим промышленных заведений, имеющих не менее 100 человек. Администрация, мастера и подмастерья на выборах рабочих не имеют права присутствовать. Избирается один выборщик на 500 рабочих, которые затем выбирают представителей. Доступ посторонним лицам на выборы запрещен. Указаны группы производств и число представителей по группам. Выборы выборщиков назначены на 13-е, а самих представителей — на 18 февраля (П., 435).

На заводах происходили выборы выборщиков в комиссию Шидловского. На некоторых заводах они уже выбраны (Путиловский и др.). В некоторых случаях повторялись (Семянниковский). На заводе Максвеля выборов не было, так как директор разорвал представленные рабочими требования, вследствие чего рабочие забастовали и отказались от выборов. На заводе Паля все кандидаты отказались, опасаясь за свою участь, и выборы не состоялись. Собрание успело принять все требования петиции Гапона (выборы состоялись на следующий день). На большинстве заводов приняты требования, выставленные Петербургским к-том с.-д.(б), а именно: освобождение арестованных товарищей, неприкосновенность личности и жилищ, свобода собраний и слова для обсуждения требований в комиссии, для выбора депутатов (причем предварительно должно быть общее собрание выборщиков) и для отчета депутатов перед рабочими, право заседать в комиссии с решающим голосом наравне с прочими ее членами, свобода слова в комиссии, публичность заседаний, печатание в газетах подробного отчета о заседаниях комиссии. На некоторых заводах добавлены экономические и общие политические требования петиции 9 января. Заявлены также требования о праве выбора в депутаты интеллигентов (В., 10, 12).

Москва. Опубликовано обращение преподавателей средних учебных заведений, в котором сказано, что «Так дольше жить нельзя»... (П., 424). В Лазаревском ин-те восточных языков состоялась сходка (П., 444). Студенты технического уч-ща (569, гр. 7) постановили прекратить занятия до осени (П., 447). Закрыто общежитие и столовая межевого ин-та (П., 444). Московский ун-т, в виду решения большинства студентов, советом закрыт. Избирается комиссия профессоров для обсуждения вопроса о способах возобновления занятий (П., 440). Состоялось первое собрание союза инженеров, присутствовало 150 чел. Прочтена записка 193 петерб. инженеров, поданная в кабинет министров (П., 450).

Казань. Толпа демонстрирующих приказчиков доходила до 6—7 тыс. чел. Забастовали фармацевты и приказчики-мусульмане. Дума установила полный праздничный отдых. С.-д-ский к-т издал прокламации, выработал требования, организовал стачечный фонд (В., 13, 18).

Варшава. Пятью неизвестными убиты на посту городовой Заржицкий и рядовой Рыбкин, а проходивший околоточный ранен в ногу (П., 535).

Москва. Собрание союза инженеров и техников Моск. района постановило принять участие в комиссии Коковцова лишь при условии представительства рабочих (П., 675).

Варшава. Попечитель учебного округа объявляет, что все средние заведения М. Н. П. в Варшаве (кроме 1-й и 6-й мужской и 1-й и 3-й женский гимназий) закрываются (П., 417).

Саратов. Отложено до осени начало занятий фельдшерской школы (П., 447).

Минск. Снова разбросана прокламация «Купля-продажа» ЦК РСДРП (П.,

455). Из тюрьмы бежал, уйдя в женском платье с пришедшими на свидание, обвинявшийся в убийстве в Пинске агента сыскной полиции (П., 455).

Пермь. Забастовка ж.-д. мастерских (В., 13, 5).

Сормово (Нижегородской губ.). Новгород. Начались забастовки (Р. Р., 62, 10).

Казань. С.-д-ский к-т выпустил прокламацию по поводу избиения студентов черной сотней 5—7 февраля (Пути рев., 3, 14).

Двинск. Забастовка реального уч-ща под руководством с.-д. (Прол., 5, 4).

Баку. Собрание в числе более 2.000 человек разных национальностей, обсудив события в Баку 6—10 февраля, признало, что расовой вражды в Баку не имелось, что доказывается всем прежним мирным сожительством и взаимопомощью среди самой резни. Одновременность начала и организованность конца резни говорят за подготовку, уверенность в безнаказанности и наличие полицейского руководства. Наличность войск и полиции вполне была достаточна для прекращения беспорядков. Установлено, что полиция не только бездействовала, но и участвовала в погроме, отводя войска от очагов резни. Вся трагедия является следствием политики самого правительства (П., 598).

Томск. Ун-т и технологич. ин-т закрываются (П., 447).

14

Орехово-Зуево (Владимирской губ.). Узнав о бойне 9 января, рабочие стали волноваться. Ткачи фабрики Викулы Морозова бросили работу и пошли к прядильщикам, но были разогнаны казаками. Из Владимира были вызваны войска. Затем, когда войска ушли, забастовали рабочие фабрики Саввы Морозова в количестве 12 000 чел. и Викулы Морозова — 10 000 чел. Забастовка перекинулась в Зуево на фабрики Зимина, Ликина, Смирнова, Дулева и Кузнецова. Требования экономические (В., 12, 14).

Одесса. Ж.-д. рабочие выставили требования, которые удовлетворены. На двух заводах была забастовка, требования бастующих удовлетворены (В., 10, 16).

Ростов-на-Дону. В Горнозаводском районе сильное брожение. На ст. Волынцево стачка, длящаяся более 8 дней; убытки громадные, поведение рабочих образцовое. Стачки в Юзовке, Горловке и др. (В., 10, 16).

Киев. Демонстрация безработной прислуги у рекомендательных контор и по улицам. Арестовано 6 чел. (П., 693).

Ярославль. Председатель о-ва врачей, по распоряжению губернатора, не разрешил обсуждение имеющегося в программе предложения Пироговского о-ва о лучшем устройстве здравоохранения (П., 604).

Зугдиди. В селении Кахати столкновения крестьян с полицией. Убито 5, ранено 6; ранен стражник (П., 694).

Кутаис. Демонстрация учащихся и столкновение с казаками (Пр., 5, 4).

Астрахань (И., 90, 7), Николаев (В., 15, 6), Белосток (Р. Р., 61, 13). Начало забастовок.

15

Петербург. Собрание студентов ин-та инженеров путей сообщения закрытой баллотировкой (462 против 262) прекратило занятия (П., 529). Кабинет министров отменил ограничительные меры к изданию священного писания на малорусском языке. Запрещение наложено в 1863 г. в виду того, что «перевод этот не оправдывался ни свойством языка, ни потребностями народа, а имел чисто политический характер» (П., 652).

Кременчуг. Во дворе квартиры ночью опасно ранен командир-подъесаул Кулов, который жестоко расправлялся 6 февраля с манифестантами (П., 698).

Ярославль. Забастовка на заводе Смолякова. Часть требований рабочих администрацией удовлетворена: сокращен рабочий день на полчаса и уплачено за время забастовки (В., 12, 13).

Ростов-на-Дону. Демонстрация (И., 90, 6).

Канавино (Р. Р., 52, 10), Ярославль (В., 12, 5). Радомысль Киевской губ. (П. Н., 227, 5), Минск (П. Н., 221, 5), Херсон (И., 91, 2), Митава (В., 17, 5), на Рыковских копях в Донбассе (О. Д., 1, 208). Происходят стачки.

Рижский уезд. Забастовка крестьян-арендаторов.

Люблинская и Седлецкая губ. Забастовки батраков. Вышел № 8 «Вперед» со статьей «Комедия государственных фокусов» по поводу комиссии Шидловского и извещением Бюро комитета большинства о III съезде и резолюциями Московского, Северного и Бакинского комитетов. Донской комитет выпустил прокламацию по поводу событий 9 января и 6—9 февраля (армяно-татарская резня, организованная властями) (К. Л., 1, 270).

16

Петербург. Записка сахарозаводчиков останавливается главным образом на опасности для сахарной промышленности крестьянских волнений и указывает на необходимость политических реформ (П., 916).

Петербургский с.-д. комитет (большевиков) постановил организовать депутацию от выборщиков для предъявления требований Шидловскому (П. Р., 95, 35).

Пермь. С 13 по 16 февраля была забастовка ж.-д. мастерских. Требования экономические, из которых немногие удовлетворены (В., 13, 16).

Ростов-Ярославский. Двухдневная забастовка с экономическими требованиями на фабр. Кекина. Все требования удовлетворены, кроме увеличения заработка на 20% (В., 12, 14).

Рыбинск. Трехдневная стачка в мастерских М.-Винд.-Рыбинской ж. д., требования местного характера, часть удовлетворена. Рабочие с.-д. по поводу событий 9 января и комиссии Шидловского выразили одобрение отказу товарищей участвовать в этой комиссии (В., 12, 14).

Николаев. Рабочими заводов Французского, Черноморского, Усманского и вокзала предъявлены общие экономические и политические требования (8-час. рабочий день, учред. собрание) (В., 12, 12).

Нижний-Новгород (О. Д., 1, 208), Романово-Борисоглебск (И., 92, 4), Мозырь, спич. фабр. (П. И., 228, 5), Ю.-Вост. ж. д. (И. Д., 90, 7). Происходят стачки.

Баку. Татаро-армянский митинг по поводу бывшей резни (В., 11, 3).

Белосток. Демонстрация. (П. И., 227, 2).

Двинск. Демонстрация; похороны убитых 14 февраля рабочих (Пр., 5, 4).

Севастополь. Портовые рабочие предъявили требования адм. Чухнину. (И., 92, 6).

17

С.-Петербург. В «Руси» дословно перепечатана прокламация большевиков, принятая выборщиками 4-й группы в комиссию Шидловского. Если доселе рабочие демонстрации могли говорить о наличности в среде рабочих сочувствия требованиям с.-д., то теперь пролетариат в целом хотя бы одного города признал своим родным то, что отстаивают с.-д. (В., 10, 16). Выборщики в комиссию Шидловского, собравшись на разрешенное им собрание, предъявили свои требования, заявив, что, в случае отказа в исполнении их, они откажутся от выборов.

Двинск. Началась всеобщая забастовка, организованная с.-д. и Бундом. Столкновение с казаками; убитых и раненых до 20 чел. (П., 693). Смертельно ранен пристав Курляндский (Пр., 5, 4).

Орехово-Зуево. Велись переговоры с фабрикантами, обещавшими удовлетворение части требований. Рабочие настаивают на удовлетворении всех требований. Начались стачки и аресты руководителей. На собрание для переговоров с хозяевами, вместо последних, явился вице-губернатор Сазонов. Рабочие ушли, решив не вступать с ним в разговоры (В., 12, 14).

Луганск. Ночью были разбросаны прокламации с призывом к забастовке и с требованиями экономическими и политическими. Остановились завод Гартмана и патронный (В., 12, 13).

Варшава. Обыск в редакции «Glos», арестован его редактор-издатель И. В. Давид (П., 700).

Баку. Резолюция чрезвычайного общего собрания биржевого комитета констатирует, что нефтяная и связанные с нею отрасли промышленности и торговли уже три месяца выведены из нормальной колеи забастовкой. Ужасающие события 6—9 февраля уничтожили всякую возможность нормальной жизни города. Резолюция констатирует, что резня не могла бы возникнуть, если бы не подстрекательство извне (П., 832).

Минск. Митинг в обществе изящных искусств. Выступали с.-д. (П. И., 224, 2).

Белосток. Рабочий митинг на базарной площади (И., 93, 7).

Полтава. Забастовки (К. Л., 1, 286).

Симферополь. Забастовала табачная фабрика (К. Л., 1, 286).

18

Петербург. В виду полученного от комиссии Шидловского ответа, что многие из предъявленных вчера требований не могут быть исполнены, как вы-

ходящие из пределов задач комиссии, явившиеся сегодня на выборы по группам соответственных отраслей промышленности выборщики семи групп из 9 отказались от выборов. Образование и заседание комиссии не состоялось (П. В., 42). Многие заводы бастуют в виду отклонения их требований в комиссии Шидловского. Рабочие усиленно требуют вооружения (В., 11, 36). Опубликован рескрипт министру внутр. дел Булыгину о «привлечении достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений» (П. В., 40). Указ сенату о праве петиций.

Москва. Завтра ждут мобилизации черной сотни. Некоторые общественные деятели получили угрожающие письма. Окна многих магазинов Кузнецкого и Тверской забиваются щитами (В., 10, 10).

Луганск. Рабочие остановили ж.-д. мастерские, эмалировочный завод, все типографии, мелкие мастерские и начинавший было работать патронный завод. По улицам шла толпа в 5—6 тысяч человек. Гартмановские рабочие добились исполнения некоторых требований (9-час. рабочий день) (В., 12, 13).

Орел. На заборах появилось черносотенное воззвание, указывающее, что в России-де скоро будут править «жиды, доктора, адвокаты, студенты-недоучки, курсистки, гимназисты и всякая т. п. сволочь». Предлагается «постоять за отечество» и «объявить смерть студентам» (П., 932).

Смоленск. В городе распространяется воззвание, говорящее, что якобы евреи решили произвести 15 февраля погром православных, а потому приглашают бить их — «крамольников» (В., 12, 15).

Тифлис. Опубликовано официальное сообщение: «В течение последних трех лет в Гурии и соседних местностях возникло огромное крестьянское движение против помещиков, а потом явно противоправительственное возмущение с насильственными действиями против представителей правительственных, общественных и духовных лиц, а также разорениями владельцев, поджогами и проч. Меры к успокоению не имели успеха. Край охвачен явным восстанием против законного порядка. В виду сего Озургетский у. Кутаисской губ. и Кинтришский уч. Батумской обл. подчинены на правах губернатора ген.-майору Алиханову, коему придана военная часть». Но, «желая прибегнуть к ним лишь после всех средств вразумления», командируется член совета главноначальствующего тайный советник Султан-Крым-Гирей для выяснения нужд края, которые по мере их законности будут удовлетворяться (П., 613).

Двинск. В уезде начался разгром помещичьих усадеб. Во время забастовки происходила 6-я конференция «Бунда» в течение 7 дней. Приняты резолюции: о расширении партработы, об усилении боевой готовности масс, о формах революционных выступлений и о соглашении с другими революционными организациями (П. И., 221, 1).

Казань. Сходка студентов требует учредительного собрания и прекращения войны (П. И., 224).

Бакинским комитетом выпущена прокламация по поводу бывшей резни и митингов протеста (П. Р., 35, 95).

Митава (В., 17, 5), Вильно (К. Л., 1, 285), Лодзь (П. И., 223, 5). Продолжаются стачки.

Севастополь. Забастовка типографщиков (П., 92, 6).

Донбасс. Бастуют Щербиновские и Нелеповские рудники (О. Д., 1, 207).

Донбасс. Бастовали рудники Дубинский, Алексеевский, Ломоватский, Дружковский, Орловско-Еленевский и Кадиевский. Кое-где сделаны уступки (В., 12, 15).

Баку. Город и Бакинская губ. объявлены на военном положении (П. В., 42).

Эривань. Убит на улице губернский врач Аразов (П., 618).

19

Курск. Администрация деятельно готовилась к нынешнему дню. По городу патрули. Из Харькова прибыли войска. Приготовлена даже артиллерия. Запрещено богослужение. Были аресты (В., 12, 7).

Тифлис. Александровский учительский институт прекратил занятия; учащиеся требуют коренной реформы ин-та (П., 758).

Борисоглебск (Тамбовской губ.). Усиленные слухи о предстоящем избиении интеллигенции и учащихся, еврейском погроме, разграблении банков и богатых домов. Исправник потребовал отмены спектакля в гимназии 18 февраля. Гимназистам предложено 18-го и 19-го не выходить из домов. Предупреждение о погроме получила полиция, общественная библиотека и др. учреждения. Аги

тация против «интеллигенции, желающей вернуть крепостное право», велась в трактире и чайных, особенно в базарные дни (П., 760).

Царицын. Газеты не вышли. Заводы, лесопилки, рабочие с берега и затонские не работают. По требованию толпы рабочих с часу дня стали закрываться магазины, но часть хозяев вызвала полицию с солдатами и казаками, пытавшимися наброситься на толпу. Однако, вскоре после переговоров казаки были убраны и магазины закрыты. На Французском заводе около 400 рабочих (из 3.000) под охраной солдат приступили к работе. Стачка тянулась около недели (В., 12, 15).

Пенза. Ходят слухи о предстоящем избиении учащихся и интеллигенции. Запрещена покупка и ношение оружия (П., 762).

Харьков. По совету одного лица толпа извозчиков напала на студентов. Полиция отсутствовала (П., 762).

Лысьва (Пермской губ.). Забастовал Лысьвенский завод (около 3 000 рабочих), выставлено 27 экономических требований. Рабочие не согласны на частичные уступки (В., 13, 16).

Севастополь. Бастовали типографщики. Служащие портовой конторы требуют увеличения платы и сокращения рабочего дня (В., 12, 15).

Двинск. Местечко Дагда. Местные крестьяне, доведенные безработицей до нищеты и голода, вчера и сегодня разграбили и разбили несколько имений. Все, что нельзя было взять, уничтожено, угнан скот. Помещики бегут в местечко под защиту явившихся из Минска солдат (П., 692).

Баку. Демонстративные похороны в Балаханах 30 убитых армян, собралось до 6000 чел., были речи и прокламации, полицию и казаков прогнали. События в Баку революционизируют весь Кавказ (В., 11, 9).

Копыс Могилевский (И., 96, 6). Забастовки.

Митава (П. II, 226, 5). Белосток (П. II, 226, 2). Гродно (П. II, 228, 8). Двинск. Демонстрация. Столкновение с войсками (П. II, 229, 3). Демонстративные похороны рабочего Абеля Ранха, члена «Бунда», убитого во время демонстрации (И., 93, 7).

Тифлис. «Беспорядки» солдат с требованием освобождения товарищей, арестованных за отказ участвовать в «усмирении» (И., 95, 11).

20

Петербург. Роспуск комиссии Шидловского (П. В., 42). Аресты рабочих выборщиков (Б., 72). Учреждена комиссия по рабочему вопросу под председательством министра финансов Коковцева (П. В., 46). МВД рекомендует полиции следить за внешкольным поведением учащихся (П., 533, 617).

Тамбов. Губернатор запретил земской управе рассмотрение 14 вопросов. о приглашении служащих, о крестьянском вопросе, о цензуре, о новом аптекарском уставе и др. (П., 528).

Казань. 6/II банда лабазников ловила и избивала студентов. Обнаружено 12 случаев ранений, один очень серьезный. К студенту, угрожавшему стрелять, бросился пристав, три городовых и жандарм, отняли револьвер и оставили студента на растерзание громилам. Адвокаты организовали юридическую помощь.

Москва. Слухи о предстоящем избиении студентов и интеллигенции разрастаются (П., 536).

Тамбов. В губернской типографии забастовка прекращена полицейскими средствами (П., 534).

Москва. В церкви епархиального дома произносились речи с обвинением интеллигенции в измене и крамоле (П., 534).

Уральск. В соборе в проповеди указывалось, что движение в Петербурге произошло по проискам «немцев, жидов и поляков» (П., 534).

Лопатино (Петровского уезда). Священник с приставом организуют дружину борьбы с крамолой.

Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Плоцкая и Сувалкская губернии объявлены на положении усиленной охраны (П., 537).

Железные дороги всей Европейской России министром путей сообщений объявлены на военном положении (П., 537).

Чиатуры. Убит пристав Костава и стражник (П., 538).

Тифлис. Убит бригадир мастерских ж. д. Это шестое убийство за короткое время. Убийца не разыскан (П., 538). Часть учащейся молодежи после панихиды по убитым в Баку организовала демонстрацию на Головинском проспекте и рассеялась лишь при появлении казаков. Часть училищ закрыта, ученики отчислены (П., 690, 945).

Кавказ. «Пятигорский листок» сообщает, что из горцев, пожелавших отправиться на Д. Восток, чеченская сотня не захотела служить. 40 человек из них

преданы суду. Один приговорен к смерти и расстрелян кабардинцами, остальные осуждены на 13 л. каторги (П., 538).

Полтава. Приходящие поезда оцепляются войсками для поимки запасных, уезжающих без разрешения начальства.

Батум. В армянской церкви епископом совершена панихида по бакинским жертвам (П., 617).

Нижний-Новгород. Состоялось совещание администрации учебных заведений и родителей под председательством городского головы. Постановлено предложить начальнику губернии гарантировать неприкосновенность детей от черной сотни (П., 686).

Смоленск. Сегодня при повторении вчерашней демонстрации городовые и солдаты избивали публику (Р. Р., 64, 11).

Курская и Орловская губернии. С 10 февраля в Севском и Дмитриевском уездах происходит крестьянское движение, достигшее значительных размеров. Нападения почти ежедневны, увозят хлеб, опустошают усадьбы, рубят леса. Уже разгромлено 15 имений. Помещики просят о присылке войск (П., 691). Волнения перешли в Севский у. Орловской губ. и Глуховский у. Черниговской губ. В Дмитриевском у. уничтожены Георгиевский сахарный завод бар. Менечдорфа, пострадало и имение. Перейдя в Глуховский у., крестьяне разгромили до 20 экономий. Разгромлен и сожжен Михайловский рафинадный завод (более миллиона пудов сахару) и большой лесопильный завод Терещенко в Хинельском имении, машиностроительный и винокуренный заводы в Свесе и сама Свеса. Из Киева, Чернигова и Харькова двинуты войска (П., 691). В средине февраля в имение купца Попова Дмитриевского у. Курской губ. явились крестьяне с лошадьми и вырубили более 400 деревьев. В соседнем Севском у. крупные волнения в имении вел. кн. Михаила «Брасово». На 19 февраля крестьяне ждали прирезки земли (В., 10, 11). В Глуховском у. Черниговской губ. начались крестьянские волнения.

Петербург. Студенты лесного ин-та 410 голосами против 16 постановили прекратить занятия (П., 613).

Двинск. Сегодня и третьего дня похороны убитых. Толпы рабочих и интеллигенции провожают покойников. На кладбище речи и революционное пение. После полудня появились листки с.-д. и «Бунда» о том, что рабочие дружной пятидневной забастовкой показали мощь пролетариата; предлагается с четырех часов прекратить забастовку. Магазины тотчас открылись, и жизнь входит в колею (П., 693—4).

Петербург. В сороковой день петербургской бойни (9-го января) на Путиловском заводе, как и на многих других, рабочие потребовали отслужить панихиду по убитым товарищам. Церковь не вмещала толпы (В., 12, 11—12).

Александровск. Демонстрация (И., 90, 7).

Батум. Демонстрация после панихиды по убитым во время бакинской резни армян (И., 92, 7 и 95, 3).

Могилев. Демонстративные похороны застрелившегося реалиста (П. И., 238, 7).

Креславка. Крестьянский митинг (П. И., 228, 8).

Ковенский комитет с.-д. выпустил прокламацию с призывом к забастовке (К. Л., 1, 238).

Николаев. Демонстрация рабочих с пением прошла по Соборной улице; полиция разбежалась (В., 12, 13).

21

Чита. На собрании ж.-д. рабочих (около 1 000 чел.) постановлено объявить стачку вследствие ареста товарищей (В., 12, 16).

Киев. Студенты ун-та и политехникума на сходке (679 чел.) по поводу царского манифеста и рескрипта Булыгина постановили: «Рассматривая манифест, обращенный лишь к «верноподданным», как призыв к мобилизации самых темных сил реакции, а рескрипт как наглую и глупую спекуляцию на доверие и политическое недомыслие, мы призываем все революционное студенчество к организации в вооруженный академический легион, как один из отрядов вооруженного народа, для обороны населения от бешенства подонков реакции и присоединения к революционному пролетариату, ставшему во главе всех боевых сил народного освобождения» (В., 11, 14).

Киев. Защита по делу о рабочих беспорядках в 1903 г. в виду заявления правительства об изменении его взглядов на рабочее движение и гласность суда протестует против закрытия дверей суд. палаты (П., 701).

Белосток. Столкновение рабочих с полицией и войсками. Убит исправник Ельчин. Стрелявший скрылся (И., 95, 7) (П., 618).

Ярославль. Начальство разрешило собрание учащихся гимназии. Губернатор посетил первое собрание (П., 685). Демонстрация учащихся при участии с.-д. (Пр., 10, 5).

[illegible]

Петербург. Дума приняла адрес царю по поводу призыва представителей к законодательству (П., 601). Собрание союза инженеров, возмущенное событиями 6—9 февраля в Баку, превзошедшими ужасы Кишинева и варфоломеевской ночи, присоединилось к протесту 200 бакинских граждан и требует общественного суда, так как правительственный суд не может иметь место там, где само правительство является подсудимым (П., 674).

Чернигов. В Глуховский уезд на место крестьянских волнений выехал губернатор с двумя ротами солдат и полицией.

Варшава. В пределах ген.-губернаторства объявлено обязательное постановление о воспрещении возбуждения гминных, посадских и сельских сходов к нарушению действующих по крестьянскому самоуправлению узаконений и иных правительственных распоряжений (П., 699).

Самтреди. Скрывшимся неизвестным убит из берданки на базаре только что назначенный пристав Чаквaладзе (П., 618).

Севский у. (Орлов. губ.). Разгромлен крестьянами Хиневский завод Терещенко (П., 152).

Царицын (Б., 75) и Енакиево (И., 95, 4). Забастовки.

Рига. Городовые предъявили экономические требования, назначив срок ответа на сегодня (В., 12, 6).

23

Севский и Глуховский уу. Крестьянами разгромлены две экономии Терещенко (О. Д. п., 212).

Петербургский к-т постановил установить связь между районными организациями большинства и меньшинства (П. Р., 35, 38).

Вышел № 9 «Вперед» (статья Ленина «Новые задачи и новые силы»). Перепечатан листок Бюро комитетов большинства «Насущные вопросы» — о методах непосредственной политической борьбы (к съезду).

Бакинский к-т выпустил прокламацию: «К офицерам и солдатам» (П. Р., 35, 104).

Петербург. Письмо бюро союза инженеров сенатору Шидловскому: «Заявляя, что сенатору Шидловскому должны быть известны случаи ареста выборщиков-рабочих и что таким образом его призывом воспользовались для сыска, инженеры, свидетельствуя о серьезности и честности действий рабочих как при выборах, так и в заявленных требованиях, высказывают свое возмущение и требуют, чтобы Шидловский, на которого падает часть вины в этом, выступил защитником пострадавших и оправдал себя в общественном мнении» (П., 667).

24

Лодзь. Скрывшимся неизвестным убит городовой Сомец (П., 618).

Самара. Собрание родителей требует уничтожения стеснений частной жизни учеников, доступа реалистов во все учебные заведения, отмены обязательного посещения церкви, товарищеского суда и права совещаний в учебных заведениях, участия родителей в педагогическом совете (П., 685).

Варшава. Скрывшийся неизвестный ранил пристава Ростегаева (П., 698).

Сухум. Два скрывшихся неизвестных дали 6 выстрелов в полковника Пргульбицкого, но не ранили его (П., 697).

Записка 32 еврейских обществ председателю кабинета министров указывает на полное бесправие, приведшее в нищенство евреев черты оседлости, составляющих до 90% населения в некоторых местностях. Записка считает единственным выходом — предоставление элементарных прав существования и отмены всех ограничительных законов, действующих для евреев (П., 737).

Петроковская губ. Крестьяне забрали дрова в казенном лесничестве.

Брянск. Забастовал Бежецкий завод (Р. Р., 69, 20).

Гурия. Командированный из Тифлиса Султан-Крым-Гирей собрал в сел. Хидистави, центре наиболее сильного движения, сходку населения. Собралось до 2000 чел. После обещания Гирея, что говорящие будут неприкосновенны, выбрано 25 депутатов (среди них 3 женщины), изложивших нужды народа: «Хлеб, правосудие, свобода. У народа нет ни земли, ни воды, нет леса. Народ умирал с голода. Старшины не избираются, а назначаются и все против народа. Прав-

суще только для дворян. Поставка лошадей для начальства выше возможностей. Церкви против народа, следует отобрать их земли для народа. Когда приезжал губернатор и ему хотели подать ходатайство, он накричал и арестовал 30 чел., никого не выслушав» (П., 826).

Сувалки. Всеобщая забастовка (П. И., 230, 5).

Батум. Демонстративные похороны убитых (П. И., 224, 4).

Тифлис. Крестьяне Горийского у. предъявили требование Султан-Крым-Гирею, развивающее с.-д. программу-минимум; то же требуют в сс.: Бахви, Шемокмедзе, Дзиварумо и Ересте (В., 12, 2 и 16, 3).

Опубликован ответ Бюро комитетов большинства Бебелю: столкновение политических тенденций может быть разрешено не судом, а партийным съездом.

Имеретино-мингрельский и Уральский к-ты, екатеринбургская, пермская и черниговская группы требуют созыва съезда (В., 11, 6.; И., 97, 9).

25

Орехово-Зуево. Столкновение рабочих с войсками. Столкновение вызвано арестом делегатов рабочих, часть которых была отбита (П., 695).

Волковыск. Военный суд, рассматривавший дело 19 артиллеристов, обвинявшихся в сопротивлении силой распоряжению военного начальства 11 января,— 2 оправдал, 5 приговорил к смерти, остальных к каторге (П., 696).

Ярославль. Губернатор запретил о-ву содействия народному образованию устройство собрания, так как оно «вышло из своих пределов» на последнем собрании (П., 754).

Чиатуры. Тысячная толпа разгромила полицейское управление. 3 стражника и письмоводитель убиты (П., 759).

Москва. Закончился съезд земцев. Принят ряд программных требований, в частности о наделе крестьян за счет земель казенных, удельных и частновладельческих, требование участия земств и городов в комиссии Булыгина (И., 92, 6).

Петербург. Отменены религиозные стеснения, установленные в административном порядке и «не основанные на законе» (П., 566, 568).

Екатеринослав. С.-д. к-т выпустил прокламацию «В бой за свободу» (Л. Р., 2, 249).

Николаев. На Французском заводе объявлено о расчете всех рабочих за отказ работать на прежних условиях. Рабочие же решили бастовать до удовлетворения всех требований (В., 12, 13).

26

Петербург. Докладная записка группы фабрикантов и заводчиков центрального района, в которой говорится, что рабочие прекращали работы, «придираясь к экономическим вопросам», и тотчас за пределами фабрик объединялись в группы и предъявляли требования уже политические. Эти требования — «отголосок общего в стране недовольства, не находящего законного выхода. Сперва правительство преследовало стачки. Это убеждало рабочих, что правительство идет против них. Отказываясь от преследования стачек, бюрократия не отказалась от руководства рабочим вопросом, который везде идет естественным путем. Администрация вступила в сношения с наиболее, по ее мнению, влиятельными рабочими, пытаясь через них объединить руководство рабочими в своих руках. Главными вдохновителями этих организаций оказались члены охранных отделений. Опираясь на них, рабочие стали чрезмерно повышать требования, а с другой стороны от этих организаций отшатнулись многие честные работники. Все это поколебало уважение рабочих к закону и создало убеждение, что только захват власти может дать исполнение их желаний» (П., 588) (Подписи 47 промышленников, владеющих заводами со 125 тыс. рабочих).

Петербург. В 4 ч. утра в меблированных комнатах «Бристоль» произошел взрыв, разрушивший 4 комнаты и стекла в 20 окнах и убивший члена боевой организации партии с.-р. Швейцера, проживавшего по паспорту великобританского подданного, 37 лет (Б. 77).

Петербург. Восстановлена должность Кавказского наместника (П. В., 47 и 50).

Москва. Студенты духовной академии, «взволнованные совершившимися событиями и не имея ни физической, ни нравственной возможности продолжать занятия, просят совет ходатайствовать о прекращении занятий» (П., 614). Дирек-

тор консерватории Сафонов, в виду настоятельных требований учащихся, поехал в Петербург ходатайствовать о разрешении сходки учащихся (П., 614).

Минск. Закрыта духовная семинария (П., 616).

Петербург. За беспорядки в университете 7 февраля объявлено попечителю учебного округа Извольскому «высочайшее» замечание, ректору Жданову — выговор и инспектору Лысцеву — строгий выговор (П., 616).

Киев. В «Киевлянине» напечатано письмо 44 профессоров, выражающее скорбь о печальном состоянии высшего образования и приглашающее студентов заниматься наукой. К письму присоединилось еще несколько профессоров из общего числа 76 (П., 616).

Севастополь. Главнокомандующий Черноморским флотом адм. Чухнин опубликовал в местной печати обширный приказ, где говорит, что за последние годы в командах Черноморского флота распространяются пагубные учения, чрезвычайно опасные для сохранения нравственности, общественного благосостояния и порядка (П., 617—18).

Очемчиры. Убит учитель Хорава, нелюбимый местным населением. Убивший скрылся (П., 698).

Нахичевань. На стоявшего на посту городового Емельяненко напали 5 человек, сорвали шашку и револьвер, пытались стрелять (П., 760).

Тверь. В Каулинской фабричной слободе произошло столкновение рабочих с военным патрулем, четверо ранены, из которых один, фабричный сторож, умер (П., 860).

Гомель. Рабочий митинг протеста против бакинской резни (П. И., 225, 6).

27

Сенаки. В Теклятском сельском о-ве сожжены неизвестными дома Дзидзигури и Берая (П., 856).

Петербург. Организован союз конторщиков и бухгалтеров Петербурга (С. И., 154).

Кутаис. (П. И., 224, 5), М. Купишки (Ковенской губ.) (П. И., 228, 3). Забастовки и демонстрации.

Чиатуры. Похороны убитого рабочего превратились в противоправительственную демонстрацию. (Пр., 5, 5).

Каменец (Подольской губ.). Массовые лесные порубки (О. Д., II., 216).

Харьков. Местные пригородные крестьяне, человек 300, вырубили рощу помещика. Производится обыск и отбирание леса; виновные предаются суду. Помещики с волнением ждут весны и не хотят засевать поля, так как крестьяне грозят снять урожай (В, 13, 14).

Лысьва. Забастовка продолжается. Помощь поступает, ропота нет. Настроение — бороться за требование хотя бы дело дошло до оружия (В., 13, 16).

28

Николаев. Рабочие, не дожидаясь расчета, назначенного на сегодня, отказались работать на прежних условиях. Собрали около 700 руб. и потребовали от директора 1.300 руб. штрафных денег. Рабочие могли продержаться неделю—две. На Черноморском заводе администрация, в виду брожения среди рабочих, сама предложила избрать депутатов (В., 12, 13).

Калуга. Городской голова на требование гласных поставить вопрос о мерах к предотвращению в Калуге ужасов, подобно курским, заявил, что губернатор под страхом суда запретил ему разрешать обсуждение этого вопроса (П., 944).

Н.-Новгород. Забастовал почти весь местный пролетариат, начиная с фармацевтов, типографщиков и кончая заводами: Сормовским, Доброва, Башкирова, Курбатова и др. Войска вторую неделю на ногах, офицеры подают рапорты о болезни. Типографщики добились 9-часового рабочего дня и повышения зарплаты (В., 12, 15).

Царицын. Стачка, начавшаяся с завода «Урал — Волга», перешла на другие заводы, типографии и магазины. Требования: сокращение рабочего дня и увеличение зарплаты (П., 12, 15).

Орехово-Зуево. Фабрики еще стоят. Мелкие фабриканты идут на уступки. (В., 12, 15).

Астрахань. Забастовало до 300 переплетчиков и типографщиков.

Томск. После стачки типографщикам рабочий день уменьшен до 9 часов, плата увеличена на 5—10%.

Ростов-на-Дону. Демонстративное шествие рабочих по Садовой.

Нахичевань. Казаки разогнали собрание 400 портных.

Ташкент. Ж.-д. рабочие грозят забастовкой.

Елисаветполь. Прекратилось коночное движение; забастовавшие требуют сокращения рабочего дня.

Екатеринослав. Бастовали рудники: Алексеевский, Ломовежский, Щербинский, Шубинский, Дружковский, Орлово-Еленевский, Кадиевский. Ожидается забастовка всего Донецкого района (до 200.000 рабочих). Настроение тревожное. Кое-где поспешно даны некоторые уступки (В., 12, 15).

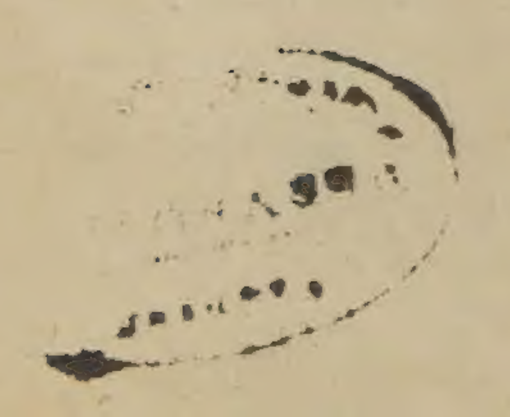
Варшава, Лодзь, Белосток, Вильно, Митава. Стачки не прерываются. Настроение крайне боевое. Войско в постоянном движении (В., 12, 15).

Петербург. В конце февраля произведен обыск в Пажеском корпусе. Арестован воспитанник Верховский, ведший пропаганду. У него найдены прокламации (В., 12, 5).

Иркутск. Забастовка типографий (В., 12, 5).

Поти и Телово. Демонстрации (В., 12, 5).

Сенахский и Шаропанский уу. Разгромлены сельские канцелярии (В., 12, 5).

Цена 2 руб.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Магазину Издательства Политкаторжан —
Москва, центр, Петровка, 7;
телефоны: К-4-18-12 и К-3-63-20